

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с июня 2013 года

ISSN 2308-8117

№ 1 (36)

ЯНВАРЬ-МАРТ
2022

Выходит 4 раза в год

Учредитель: автономная некоммерческая организация
высшего образования «Гуманитарный университет»
(620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-80598 от 07 апреля 2021 г.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соиска-
ние ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии
при Министерстве науки и высшего образования Российской Федера-
ции по следующим научным специальностям (распоряжение Минобр-
науки России от 31 января 2022 года № 30-р):

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);
- 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Публикуемые в журнале материалы рецензируются
членами редакционной коллегии и независимыми экспертами*

Информация об издании, условия публикации статьи
и требования к оформлению присылаемых рукописей
размещены на сайте журнала: <http://vestnik.gu-ural.ru/ru/>;
<https://gu-ural.ru/science/messenger-gu/>

Адрес редакции и издателя:

620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19.

E-mail: ektbriogu@mail.ru

Индекс в общероссийском каталоге «Пресса России» 79138

BULLETIN OF LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC-AND-PRACTICAL JOURNAL

Established in 2013

ISSN 2308-8117

№ 1 (36)

JANUARY-MARCH
2022

*Frequency of publication:
quarterly*

Founder: Liberal Arts University – University for Humanities
(19 Studencheskaya St., Yekaterinburg, 620049, Russia)

The journal is registered by the Federal Communications, Information
Technology and Mass Media Regulatory Authority.
Certificate of registration of ПИ No ФС77-80598 of 7 April 2021.

The journal is included in the “List of peer-reviewed scientific publications
in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candi-
date of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences” of the Higher Attes-
tation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of
the Russian Federation in the following scientific specialties should be pub-
lished (Order No 30-p of 31 January 2022):

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (juridical sciences);
- 5.1.2. Public law (state law) sciences (juridical sciences);
- 5.1.3. Private law (civilistic) sciences (juridical sciences);
- 5.1.4. Criminal law sciences (juridical sciences);
- 5.1.5. International law sciences (juridical sciences);
- 5.2.3. Regional and sectoral economy (economic sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.7.3. Aesthetics (philosophical sciences);
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences);
- 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (historical sciences).

The journal is included in Russian Science Citation Index (RSCI) database.

*The materials published in the journal are reviewed
by members of the editorial board and independent experts*

The detailed information about the publication and requirements
for the design of submitted manuscripts can be found
on the journal's website: <http://vestnik.gu-ural.ru/ru/>;
<https://gu-ural.ru/science/messenger-gu/>

Editorial office address:

19 Studencheskaya St., Yekaterinburg, 620049, Russia

E-mail: ektbriogu@mail.ru

Publisher's address:

19 Studencheskaya St., Yekaterinburg, 620049, Russia

Index in the all-Russian catalogue “The Press of Russia”: 79138

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Л. А. Закс**, д-р филос. наук, проф., ректор Гуманитарного университета

Заместители главного редактора

С. А. Мицек, д-р экон. наук, доц., Гуманитарный университет (*направление «Экономические науки»*);

Л. А. Мясникова, д-р филос. наук, проф., Гуманитарный университет (*направление «Философские науки»*);

А. П. Семитко, д-р юрид. наук, проф., Гуманитарный университет (*направление «Юридические науки»*).

Члены редколлегии

С. И. Архипов, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия);

В. С. Балакшин, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия);

Г. А. Брандт, д-р филос. наук, доц., Гуманитарный университет;

С. И. Глушкова, д-р полит. наук, доц., Гуманитарный университет;

П. Л. Зайцев, д-р филос. наук, проф., Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского (Омск, Россия);

О. Б. Ионайтис, д-р филос. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия);

А. Т. Карасев, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия);

О. А. Козлова, д-р экон. наук, проф., Центр исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия);

Т. А. Круглова, д-р филос. наук, доц., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия);

В. Н. Курченко, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия);

А. В. Майфат, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия);

Е. Б. Мицек, д-р экон. наук, доц., Гуманитарный университет;

З. А. Незнамова, д-р юрид. наук, проф., Гуманитарный университет;

А. В. Перцев, д-р филос. наук, проф., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия);

Н. М. Светлов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, АПК ВИАПИ им. А. А. Никонова – филиал ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ (Москва, Россия);

М. Н. Семякин, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия);

А. М. Тарасьев, д-р физ.-мат. наук, проф., Институт математики и механики имени Н. Н. Красовского УрО РАН (Екатеринбург, Россия);

Н. В. Хмелькова, д-р экон. наук, доц., Гуманитарный университет

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. В. Болдыгин, канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета, почетный профессор ГУ (Екатеринбург, Россия);

В. Б. Исаков, д-р юрид. наук, проф., Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики (Москва, Россия);

А. А. Красовский, д-р наук (Вена–Лаксенбург, Австрия);

Т. Палокангас, д-р наук, проф. (Хельсинки, Финляндия);

В. Родригез-Бланко, проф. (Гилфорд, Великобритания);

В. Н. Руденко, д-р юрид. наук, проф., акад. РАН, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия);

А. М. Руткевич, д-р филос. наук, проф., Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, Институт философии РАН (Москва, Россия);

Б. Чжу, д-р наук, проф. (Пекин, Китай)

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **L. A. Zaks**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Rector of Liberal Arts University – University for Humanities

Deputy Editors-in-Chief

S. A. Mitsek, Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Liberal Arts University – University for Humanities (*Section “Economic Sciences”*);

L. A. Myasnikova, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Arts University – University for Humanities (*Section “Philosophical sciences”*);

A. P. Semitko, Dr. Sci. (Law), Prof., Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg) (*Section “Legal sciences”*).

The editorial board

S. I. Arkhipov, Dr. Sci. (Law), Prof., Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

V. S. Balakshin, Dr. Sci. (Law), Prof., Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

G. A. Brandt, Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Liberal Arts University – University for Humanities;

S. I. Glushkova, Dr. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Liberal Arts University – University for Humanities;

P. L. Zaitsev, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Omsk State University after F. M. Dostoevsky (Omsk, Russia);

O. B. Ionaitis, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

A. T. Karasev, Dr. Sci. (Law), Prof., Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

O. A. Kozlova, Dr. Sci. (Economics), Prof., Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia);

T. A. Kruglova, Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia);

V. N. Kurchenko, Dr. Sci. (Law), Prof., Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

A. V. Maifat, Dr. Sci. (Law), Prof., Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

E. B. Mitsek, Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Liberal Arts University – University for Humanities;

Z. A. Neznamova, Dr. Sci. (Law), Prof., Liberal Arts University – University for Humanities;

A. V. Pertsev, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia);

N. M. Svetlov, Dr. Sci. (Economics), Prof., corresponding member of RAS, All-Russia Institute of Agrarian Problems and Computer Science after A. A. Nikonov – Federal Research Centre for Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories, a branch of All-Russia Research Institute of Agricultural Economics (Moscow, Russia);

M. N. Semyakin, Dr. Sci. (Law), Prof., Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia);

A. M. Taras’ev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof., N. N. Krasovskiy Institute of Mathematics and Mechanics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia);

N. V. Khmelkova, Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Liberal Arts University – University for Humanities

THE EDITORIAL COUNCIL

G. V. Boldygin, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof, founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Prof. Emeritus (Yekaterinburg, Russia);

V. B. Isakov, Dr. Sci. (Law), Prof., National Research University – Higher School of Economics (Moscow, Russia);

A. A. Krasovskii, PhD (Doctorate) (Vienna–Luxemburg, Austria);

T. Palokangas, PhD (Doctorate), Prof. (Helsinki, Finland);

V. Rodriguez-Blanco, Professor (Guildford, Great Britain);

V. N. Rudenko, Dr. Sci. (Law), Prof., Corresponding Member of RAS, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia);

A. M. Rutkevich, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI) of National Research University – Higher School of Economics, RAS Institute of Philosophy (Moscow, Russia);

B. Zhu, PhD (Doctorate), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	7
<i>Плотникова Е. В., Хмелькова Н. В.</i>	
Таргетированная реклама как инструмент интернет-маркетинга	8
<i>Руданина А. Ю., Хмелькова Н. В.</i>	
Сторителлинг в современном маркетинге: теоретические аспекты и результаты исследования	15
Юриспруденция	23
<i>Глушкова С. И., Летунов Е. Д.</i>	
К вопросу о влиянии цифровизации на политико-правовые процессы и общественные отношения	24
<i>Султанов А. Р.</i>	
Предоставление обжалования – рецепт против отбеливания нормативных актов	31
<i>Филипповская Т. В.</i>	
Рекламные сорняки на правовом поле	39
<i>Богатырева О. Н., Глушкова С. И., Табаринцева-Романова К. М.</i>	
Гуманитарная дипломатия и права человека: теория и практика (обзорная статья по итогам круглого стола)	50
Философия	55
<i>Дроздова А. В.</i>	
Трансформация повседневных практик в цифровой реальности	56
<i>Курюмова Н. В.</i>	
Танц-перформанс: между танц-театром и художественными практиками современного танца	63
<i>Ершова М. А., Мясникова Л. А., Полякова А. С.</i>	
Русский стиль и современная культура	75
<i>Суворов Д. В.</i>	
Сейченко в музыке: искусствоведческий и философско-культурологический аспекты	86
<i>Базаров Е. Ю.</i>	
О творческом наследии А. И. Лучанкина. Памяти Товарища	94
Научные события	99
<i>Сунгуров А. Ю., Глушкова С. И.</i>	
Актуальные проблемы трансформации политических курсов в контексте современной политики, прав человека и международных отношений (обзорная статья по итогам международной конференции)	100
<i>Вуберман А. Б., Глушкова С. И.</i>	
Актуальные вопросы антикоррупционного просвещения, общественного контроля, противодействия коррупции (обзорная статья по итогам Антикоррупционного форума Свердловской области в 2021 году)	108

TABLE OF CONTENTS

Economics	7
<i>Plotnikova E. V., Khmelkova N. V.</i>	
Targeted Advertising as a Tool of Internet Marketing	8
<i>Rudanina A. Yu., Khmelkova N. V.</i>	
Storytelling in Modern Marketing: Theoretical Aspects and Research Results	15
Law	23
<i>Glushkova S. I., Letunov E. D.</i>	
To the Issue of the Digitalization Impact on Political and Legal Processes and Social Relations	24
<i>A. R. Sultanov</i>	
Providing an Appeal – the Recipe against Regulations Bleaching	31
<i>Filippovskaya T. V.</i>	
Advertising Weeds in the Legal Field	39
<i>Bogatryyova O. N., Glushkova S. I., Tabarintseva-Romanova K. M.</i>	
Humanitarian Diplomacy and Human Rights: Theory and Practice (A Review Article on the Results of the Round Table)	50
Philosophy	55
<i>Drozдова A. V.</i>	
The Transformation of Everyday Practices in Digital Reality	56
<i>Kuryumova N. V.</i>	
Dance Performance: between Dance Theater and Artistic Practices of Contemporary Dance	63
<i>Ershova M. A., Myasnikova L. A., Polyakova A. S.</i>	
Russian Style and Present-Day Culture	75
<i>Suvorov D. V.</i>	
Seichento in Music: Art and Culture-based Aspect	86
<i>Bazarov E. Yu.</i>	
On Creative Heritage of A. I. Luchankin. In Memory of a Comrade	94
Scientific Events	99
<i>Sungurov A. Yu., Glushkova S. I.</i>	
Pressing Issues of Political Courses Transformations in the Context of Current Politics, Human Rights and International Relations (A Follow-Up Article to the International Conference)	100
<i>Vuberman A. B., Glushkova S. I.</i>	
Topical Issues of Anti-Corruption Education, Public Control and Combating Corruption (A Follow-Up to the Anti-Corruption Forum of the Sverdlovsk region, 2021)	108

|| ЭКОНОМИКА

Таргетированная реклама как инструмент интернет-маркетинга

Аннотация. В статье рассмотрен инструмент интернет-маркетинга – таргетированная реклама. Проведен анализ преимуществ данного вида рекламы, механизма реализации и возможностей ее размещения на разных интернет-платформах. В целях оценки эффективности воздействия таргета на пользователей социальных сетей представлены результаты маркетингового исследования в форме онлайн-анкетирования.

Ключевые слова: интернет-маркетинг, интернет-реклама, таргетинг, социальные сети

Введение

Постоянно растущие популярность и масштаб распространения интернет-технологий и социальных сетей порождают новые маркетинговые инструменты, применяемые для более эффективного построения маркетинговых коммуникаций. Пандемия COVID-19 ускорила развитие электронной коммерции, стимулировав переход значительной части ритейла в онлайн. Компаниям пришлось быстро перестраивать свои бизнес-процессы, чтобы адаптироваться к новой цифровой реальности, в которой потребители отказываются от покупок в традиционных каналах продаж, а также сохранить объемы реализации продукции, количество активных покупателей и высокое качество предлагаемых сервисов.

На фоне роста популярности интернет-рекламы [4] растет разнообразие каналов распространения рекламных объявлений в сетевом пространстве. В данной статье рассматривается таргетированная реклама, основным преимуществом которой является возможность настроить показ рекламных объявлений на конкретную целевую аудиторию, тем самым способствуя повышению эффективности интернет-маркетинга.

Таргетированная реклама в системе интернет-маркетинга

Интернет-маркетинг – это комплексы действий, которые направлены на продвижение товаров и услуг в Интернете. В отличие от традиционного маркетинга он реализуется онлайн. Цель интернет-маркетинга – продать товар или услугу пользователям Сети.

Одним из элементов интернет-маркетинга является интернет-реклама.

Главными преимуществами интернет-рекламы выступают:

- высокая оперативность – рекламное объявление в Интернете быстрее и проще создать, изменить и опубликовать, чем на других площадках для рекламы (телевидение, газеты);
- сервисы статистики – каждое объявление имеет свои показатели эффективности. По этим данным можно определить более «продаваемую» рекламу;
- широкий выбор вариантов рекламы.

---

* Елизавета Викторовна Плотникова, бакалаврская программа «Прикладная информатика», 3-й курс, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Наталья Владимировна Хмелькова, д-р экон. наук, доцент, замдекана факультета компьютерных технологий, завкафедрой экономики и информатизации АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Выделяют следующие виды рекламы в Интернете:

- 1) контекстную рекламу;
- 2) e-mail-рекламу;
- 3) таргетированную рекламу.

Таргетированная реклама является разновидностью рекламы в социальных сетях. Особенность данного направления состоит в том, что объявления показываются только пользователям с соответствующими параметрами, то есть исключительно целевой аудитории товара. Важно отметить, что при запуске рекламной кампании можно учитывать не только демографические характеристики (пол, возраст, семейное положение и прочее), но и психографические особенности участников интернет-сообществ. В рамках таргетинга пользователь видит рекламу, которая сможет его заинтересовать, так как она построена применительно к его интересам и психологическим особенностям. Также в социальных сетях можно проследить поведение каждого пользователя, включая его подписки на аккаунты, лайки на посты, комментарии и так далее.

Следует отметить основные преимущества таргетированной рекламы [3]:

- возможность продать товар или услугу без наличия у продавца собственного сайта. Достаточно иметь страницу в социальной сети;
- большое количество параметров для настройки аудитории. Возможность создать самую подходящую целевую аудиторию;
- возможность исследовать и проанализировать эффективность рекламных кампаний. В рекламных кабинетах отображаются показатели эффективности по каждому объявлению.

Таргетированная реклама позволяет решить следующие задачи:

- повысить узнаваемость бренда;
- повысить число просмотров и продажи;
- оптимизировать рекламный бюджет. Исходя из показателей эффективности, можно вложить больший бюджет в более «продаваемое» объявление.

Все вышесказанное делает таргетированную рекламу востребованным инструментом интернет-маркетинга. Экспертами IAB Russia был подсчитан объем рынка таргетированной рекламы в России по сегментам performance (реклама по модели оплаты за результат). По данным исследования от 15.09.2021, показатель вырос на 20,09 % и достиг 48,5 миллиардов рублей за полгода [2].

Механизм реализации таргетированной рекламы

Для того чтобы запустить таргетированную рекламу, необходимо:

- определить целевую аудиторию;
- выбрать площадку распространения рекламных объявлений;
- создать рекламное объявление.

Таргетированная реклама должна состоять из текста, который описывает предложение; изображения или видео, которые смогут заинтересовать пользователя и «зацепить» его взгляд; призыва, предполагающего получение от пользователя конкретного действия (захода на сайт, подписки на сообщество, оплаты услуги).

Важную роль при разработке таргетированной рекламы играет изображение, или видеореклама. Изображения должны быть яркими и привлекать внимание, соответствовать содержанию страницы, вызывать эмоции. Для их создания можно использовать различные платформы с шаблонами, чтобы создавать свои баннеры: Banner Boo, Adobe Spark, Easli, Canva, Snappa.

Рекламные объявления действуют по алгоритму AIDA – (Attention, Interest, Desire, Action – внимание, интерес, желание, действие). Данный порядок значений

выбран не случайно. Именно такая последовательность соответствует психологии не только клиента, но и человека в целом.

В настоящее время можно создавать таргетированную рекламу во многих социальных сетях. Российские компании выбирают самые популярные соцсети на территории страны: «ВКонтакте», Instagram¹ и TikTok² [1]. Данные социальные сети имеют разный функционал. В Instagram можно выкладывать фотографии и видео в свой профиль, комментировать посты других пользователей. В целом можно наблюдать за жизнью своих подписок, но, как правило, в данной социальной сети не принято вести большие переписки, в то время как в «ВКонтакте» множество функций. Пользователь может смотреть видео, слушать музыку, вести диалог с другом или с целой группой знакомых и прикреплять медиафайлы, быть подписчиком сообществ, играть в игры. Пользователь TikTok имеет возможность выкладывать и смотреть короткие видеоролики, а также делиться ими с другими пользователями. В связи с этими различиями участники интернет-сообщества в большинстве случаев имеют аккаунты на различных платформах. В каждой из вышеперечисленных социальных сетей имеется инструмент – таргетированная реклама, но его настройка происходит по-разному.

Реализацией таргетированных рекламных кампаний занимается таргетолог. В его обязанности входят: разработка стратегии рекламного продвижения, настройка рекламной кампании в социальных сетях, аналитика рекламного продвижения (рис. 1).

Рис. 1. Обязанности таргетолога

Разработка стратегии рекламного продвижения состоит из выбора площадки, анализа и сегментации целевого рынка, разработки визуала рекламы и планирования бюджета. Настройка рекламной кампании включает в себя сбор сегментов аудитории в каждой социальной сети, создание рекламной кампании в кабинете, ежедневный мониторинг кампании.

¹ Здесь и далее: запрещенная в РФ экстремистская социальная сеть (с 21.03.2022 г.).

² Здесь и далее: 04.03.2022 г. Роскомнадзор направил письмо TikTok из-за дискриминации российских СМИ, 6 марта TikTok приостановил работу в России из-за новых поправок в российское законодательство (подробнее см.: <https://www.rbc.ru/business/06/03/2022/6224ffe79a7947837fc69e7e>).

В аналитику рекламного продвижения входят: аналитика показателей эффективности, построение воронки продаж, определение стоимости целевого действия, определение коэффициента конверсии по рекламному каналу.

Результаты маркетингового исследования

В целях изучения эффективности воздействия таргета на пользователей социальных сетей был проведен опрос в форме онлайн-анкетирования. Возможность его пройти была предоставлена 100 пользователям сети Instagram³, но только половина прошла анкетирование полностью. Большая часть опрошенных – молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, выступающие наиболее активными пользователями социальных сетей.

На рисунке 2 отражены площадки, на которых респонденты контактировали с таргетированной рекламой.

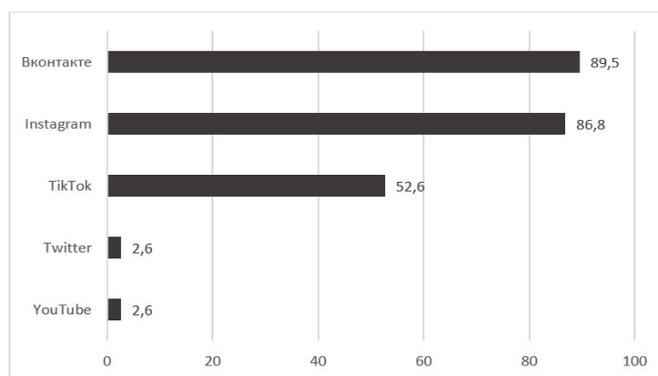

Рис. 2. Площадки для размещения таргетированной рекламы, предпочитаемые респондентами (% от числа ответивших)

В числе товаров и услуг, реклама которых была показана пользователям, респонденты отметили магазины одежды, компьютерные игры, мобильные приложения, интернет-магазины, службы доставки, прохождение онлайн-курсов или онлайн-школ, тату-оборудование.

Больше половины пользователей согласились, что реклама отражает их образ жизни и интересы (рис. 3).

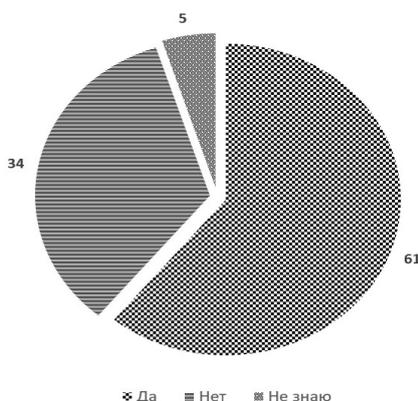

Рис. 3. Отражение психологических особенностей аудитории (% ответов по указанным позициям)

³ Запрещенная в РФ экстремистская социальная сеть (с 21.03.2022 г.).

Также больше половины опрошенных анализируют, почему конкретные товары и услуги были показаны именно им (рис. 4).

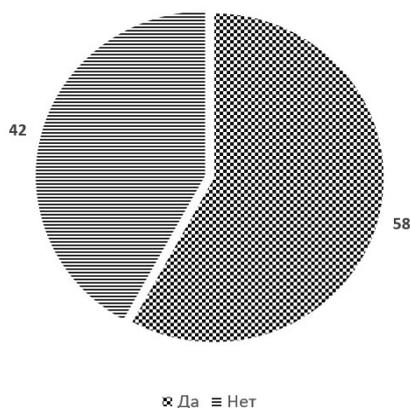

Рис. 4. Анализируют ли рекламу в социальных сетях (да/нет, % от числа опрошенных)

На вопрос «Почему, по Вашему мнению, именно данная реклама встречается Вам?» были получены следующие ответы:

- потому что я лайкаю страницы с похожими продуктами;
- я часто сижу в приложениях по типу Asos, где люблю искать себе одежду;
- иногда заказываю онлайн доставку еды;
- ищу похожие продукты в «Яндексе» и Google;
- реклама на основе моих ранее просмотренных сайтов и аккаунтов;
- я часто вижу рекламу, соответствующую моей возрастной категории, возраст установлен у меня во всех аккаунтах;
- нейросеть анализирует мои запросы и интересы в социальных сетях и выдает рекламные объявления для определенной целевой аудитории, к которой я принадлежу;
- основана на моих подписках и лайках;
- соответствует моему виду деятельности;
- смотрю видео на данные темы;
- телефон прослушивают, за нами следят;
- за нами всеми давно следят, ни от кого не спрячешься;
- это все заговоры инопланетян.

На рекламное объявление кликали почти все опрошенные, которые сталкивались с таргетированной рекламой (рис. 5).

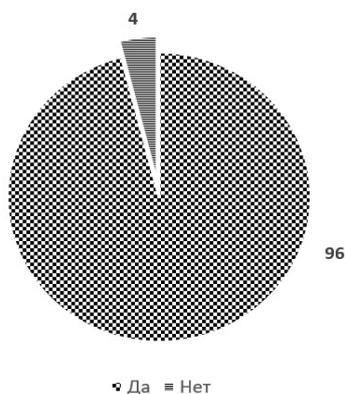

Рис. 5. Переходят ли по рекламному объявлению (да/нет, % от числа опрошенных)

После перехода по рекламе (рис. 6) больше половины респондентов выполняют действие, к которому подталкивала реклама (покупка, подписка и так далее).

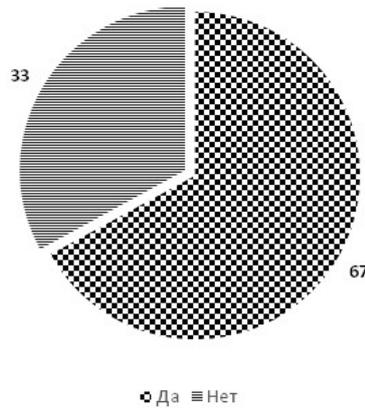

Рис. 6. Выполняют ли действие после перехода по рекламе (да/нет, % от числа ответов)

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что таргетированная реклама работает эффективно для активных пользователей социальных сетей. Большая часть опрошенных переходит по рекламным объявлениям, а более 60 % респондентов выполняют ожидаемые действия. Также следует отметить, что большинство пользователей согласилось с тем, что реклама подобрана применительно к их интересам и действиям в социальных сетях. Данный вывод подтверждает, что рекламные кампании эффективно воздействуют на целевые аудитории. Таким образом, можно утверждать, что грамотно проведенная рекламная кампания с использованием таргетинга способствует привлечению клиентов, успешному продвижению товара или услуги.

Список источников

1. Кирсанова Ю. Анализ аудитории соц. сетей – итоги 2020 года [Электронный ресурс] // Adwile : сайт. – 29.01.2021. – URL: <https://blog.adwile.com/analiz-auditorii-soczsetej-itogi-2020-goda> (дата обращения: 30.01.2022).
2. Объем рынка диджитал-рекламы составил 141,7 млрд за первое полугодие [Электронный ресурс] // Sostav : сайт. – 15.09.2021. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/iab-russia-otsenili-obem-rynka-internet-reklamy-za-pervoe-polugodie-2021-goda-v-141-7-mlrd-rublej-50383.html> (дата обращения: 30.01.2022).
3. Таргетированная реклама в социальных сетях: основы [Электронный ресурс] // Elama : сайт. – 24.10.2019. – URL: <https://elama.ru/blog/targetirovannaya-reklama-v-socialnyh-setyah-osnovy/#free-webinars> (дата обращения: 30.01.2022).
4. Шумаков Н. В. Современная интернет-реклама: тенденции развития и эффективность // Молодой ученый. – 2016. – № 2 (106). – С. 639–644. – URL: <https://moluch.ru/archive/106/25353/> (дата обращения: 30.01.2022).

Elizaveta Viktorovna Plotnikova,

third-year Bachelor's student in Applied Informatics, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Natalia Vladimirovna Khmelkova,

Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Head of Economics and Informatization Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Targeted Advertising as a Tool of Internet Marketing

Abstract. The article focuses on one of the tools of the Internet marketing – targeted advertising. The authors carried out the analysis of the advantages of this type of advertising, the implementation mechanism and the possibilities of its placement on different Internet platforms. In order to assess the effectiveness of the impact of the target on users of social networks, the results of marketing research in the form of an online survey are presented.

Keywords: internet marketing, internet advertising, marketing, social networks

Сторителлинг в современном маркетинге: теоретические аспекты и результаты исследования

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические аспекты сторителлинга в современном маркетинге, такие как правила написания историй, различные рекламные каналы сторителлинга, его преимущества и недостатки. В практической части представлены результаты авторского маркетингового исследования, направленного на изучение уровня доверия к рекламе в формате сторителлинга.

Ключевые слова: сторителлинг, история, маркетинг, реклама, продажи

Введение

Различные нестандартные маркетинговые приемы, такие как контекстная реклама, таргетированная реклама, различные методы создания контента, работа с инфлюенсерами и многие другие, позволяют привлечь внимание потребителей в современных условиях, характеризующихся неуклонным ростом конкуренции. В их числе заметное место занимает сторителлинг. При помощи сторителлинга компании стремятся добиться позитивного восприятия потребителем их товара, а также повысить уровень доверия к рекламному объявлению.

В данной статье будут раскрыты теоретические вопросы, связанные с использованием сторителлинга в современном маркетинге [6], представлен эмпирический материал, собранный в рамках авторского маркетингового исследования, позволяющий оценить уровень доверия к данной форме маркетинговых коммуникаций и технологии продаж.

Теоретические аспекты сторителлинга

Сторителлинг означает «рассказывать историю». Его приемы охватывают различные сферы жизни: образование, управление бизнесом и многие другие. Сторителлинг позволяет передать необходимую информацию и донести основной смысл через историю, приближенную к потенциальному слушателю [7].

В маркетинге сторителлинг, по версии американских маркетологов, впервые появился еще в 1895 году в журнале «The Furrow». С XIX века маркетологи развивают данный прием продажи товара, охватывая всё новые инструменты продвижения и каналы коммуникаций. Прибегая к сторителлингу, компания ставит цель проинформировать потребителя о производимом товаре, убедить в его высоком качестве и полезности, а также наладить контакт и получить ответную реакцию в виде покупки [2]. Сторителлинг не является прямой рекламой. Он представляет собой сложную систему, которая позволяет погрузить потребителя в привычную для него атмосферу, создать условия, при которых он будет доверять рекламе [4], что должно обеспечить рост продаж.

Важным аспектом продвижения и продаж является контакт с целевой аудиторией. Поэтому правильное построение истории необходимо для налаживания взаимодействия с потребителем и удержания его внимания до самого конца. Для

---

* Анастасия Юрьевна Руданина, бакалаврская программа «Прикладная информатика», 3-й курс, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Наталья Владимировна Хмелькова, д-р экон. наук, доцент, замдекана факультета компьютерных технологий, завкафедрой экономики и информатизации АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

успешного донесения информации в формате сторителлинга существуют правила написания «продающих» историй:

1. Обязательное наличие героя

Каждая рекламная история должна содержать героя, который будет однозначно ассоциироваться с компанией. Потенциальный потребитель должен видеть себя в герое истории, ставить себя на его место и проживать истории вместе с ним. Герой истории должен обладать всеми качествами, схожими с потребителями, иметь свои достоинства и недостатки и быть запоминающимся.

2. Обязательное наличие сюжетной линии

Реклама, основанная на методе сторителлинга, должна иметь сюжетную линию [8]. Но важен не только сюжетный ряд, но и результат, который получит потребитель после контакта с рекламой. Поэтому чаще всего история направлена на реализацию задумки «пользы продукта для потенциального потребителя». Через грамотно построенный сюжет компания продвигает рекламируемый продукт, тем самым увеличивая спрос и продажи.

3. Обязательное наличие завязки, кульминации и развязки

Персонажи внутри истории должны взаимодействовать друг с другом, также допускается наличие конфликта. Сама же история должна быть построена по логике ЭЗРКР (экспозиция, завязка, развитие, кульминация, развязка), начиная от первого знакомства, заканчивая решением конфликтной ситуации и выводами по поводу случившегося. Также важны ключевые точки истории, из которых будет собираться полный образ картины, выстраиваться правильные хронологический и логический ряды.

4. Обязательное наличие морали

Рекламное объявление в формате сторителлинга должно не просто продавать товар, но и создавать почву для размышления, подключать аналитические навыки аудитории, стимулировать мыслительные процессы, позволяющие вынести из истории пользу. История должна быть посланием потребителям.

5. Эмоциональная составляющая

Компания, которая пользуется сторителлингом в ходе рекламной кампании, должна понимать, что потенциальный потребитель ждет вдохновения от увиденного, надеется получить ряд новых эмоций, просмотрев историю [3]. Написание «сухой» истории, не затрагивающей эмоциональной реакции, не вызовет эмпатии у аудитории и не изменит в положительную сторону ее поведение и отношение к компании.

Существует несколько каналов донесения истории до потребителя [1]:

1. Визуальный сторителлинг (полиграфия и наружная реклама)

Письменный формат сторителлинга – бесспорно, один из самых доступных и простых форматов. Это могут быть статьи в различных журналах, газетах, книгах, публикации на сайтах и в социальных сетях. Также без внимания не остаются наружные баннеры и рекламные листовки, которые часто являются пропагандой социально значимых ценностей.

2. Разговорный сторителлинг

При использовании разговорного сторителлинга спикер не продает товар, даже не рекламирует его особенностей. Его задача – привлечь внимание к себе и предмету своего выступления. Наиболее популярным примером является платформа TEDTalks. Конференции TEDx позволяют ИП, сообществам, организациям делиться опытом, налаживать контакт с потенциальным потребителем, а также распространять свои бизнес-идеи среди большого числа людей.

3. Аудиосторителлинг

Аудиоформат представляет собой записанный монолог, содержащий короткую поучительную историю без лишних отступлений. Аудиоистории можно ис-

пользовать как на отдельных платформах в социальных сетях, так и при сотрудничестве с различными радиостанциями.

4. Цифровой и мультимедийный сторителлинг

К данному формату сторителлинга относятся истории, рассказанные с использованием различных СМИ, а также с применением цифровых технологий: видео, анимации, интерактивов, видеоигр и многих других. Этот вариант сторителлинга, безусловно, является как одним из выигрышных, так и одним из самых затратных. Также цифровой сторителлинг отличается возможностью не только донести до потребителя информацию о товаре, но и наполнить ее различными визуальными объектами.

Изучение сторителлинга позволяет выявить его преимущества и недостатки. К преимуществам можно отнести имеющиеся у него следующие возможности:

- 1) раскрыть в процессе рассказа истории все детали использования товара;
- 2) не продавать товар напрямую, способствуя заинтересованности потребителя и высокому уровню доверия к рекламной информации;
- 3) общаться в рамках маркетинговых коммуникаций с потребителями на равных;
- 4) структурировать рекламную информацию в формате истории;
- 5) выстраивать тесные ассоциации между героем истории и брендом компании;
- 6) апеллировать к эмоциям потребителя, удерживая интерес к истории от начала до конца.

Несмотря на имеющиеся преимущества, данный формат представления рекламы имеет и недостатки:

- 1) сложность реализации. Любая история должна быть четко продумана, начиная от выбора главного героя и заканчивая анализом реакции на рассказанную историю. Качественно выполненная реализация проекта требует творческого подхода, определенных навыков и многократной практики;
- 2) дороговизна некоторых форм сторителлинга. Воплощение в жизнь рекламных роликов, построенных по методу сторителлинга, может быть затратным как по временным, так и по финансовым ресурсам.

Результаты маркетингового исследования

Анализ сторителлинга как формата маркетинговых коммуникаций говорит о возможности его эффективного использования для активного влияния на степень вовлеченности потребителей и формирования высокого уровня доверия [5, с. 51–248] в сравнении с иными технологиями современного маркетинга. Для проверки данной гипотезы было проведено маркетинговое исследование.

В качестве инструмента исследования было выбрано анкетирование с элементами интервьюирования. При помощи анкетирования был определен процент респондентов, знакомых со сторителлингом, а также уровень доверия к данной форме маркетинговых коммуникаций. В свою очередь, результаты интервью помогли дать общую оценку отношению респондентов к использованию историй в рекламе.

Перед началом исследования была определена целевая аудитория: респонденты в возрасте от 16 до 35 лет. Данный круг людей составляет экономически активную часть населения России, наиболее привлекательную для компаний в качестве потенциальных потребителей. Также для достижения репрезентативности выборки, исходя из данных Федеральной службы государственной статистики, по гендерному признаку респонденты были разделены следующим образом: женщины – 49 % (53 респондента), мужчины – 51 % (56 респондентов).

Все респонденты помимо анкеты получили информационные материалы, отвечающие на вопрос: «Что такое сторителлинг?» Для знакомства с понятием «сторителлинг» респондентам были предложены рекламные ролики и баннеры производителя соды, брендов Nike, Gillette и Coca-Cola.

Одним из кейсов, предложенных респондентам для изучения, выступила сода. Стандартная, ничем не примечательная упаковка пищевой соды, о которой вряд ли можно было бы написать красивую и интересную историю, стала инстаграм-героиней¹ и привлекла аудиторию нестандартным форматом подачи продукта. Вторым примером сторителлинга выступила компания Nike. Компания выпустила историю под названием «PlayNew», рассказав о поражениях и неудачах простых людей, о стремлении к победе и силе духа. Данная рекламная кампания призвала их никогда не сдаваться. Следующим примером послужила продукция компании Gillette. В основу истории продукта легла история его создания, история эволюции бритв, которая демонстрирует потребителю, как меняется продукт, совершенствуясь на протяжении нескольких десятков лет. И наконец, кейс всем известной компании Coca-Cola и ее новогодний видеоролик, который знаком представителям уже нескольких поколений.

Анкетиремым был задан ряд вопросов, направленных на оценку уровня осведомленности о понятии «сторителлинг», а также уровня доверия к компаниям, использующим данный маркетинговый формат коммуникации. Полный список вопросов анкетирования представлен в Приложении.

В ходе анкетирования были получены следующие результаты: 59 % респондентов не знакомы с форматом сторителлинга в маркетинге, 26 % знакомы со сторителлингом только на уровне понятия, но не изучали данную тему глубже. И только 15 % всесторонне знают о сторителлинге.

Было выявлено (рис.), что большинство респондентов доверительно относятся к рекламным объявлениям в формате сторителлинга и готово сделать выбор в пользу продукта, представленного в данном формате. По результатам видно, что доверительно относятся к подобной технологии продвижения и продаж 53 % респондентов. Лишь 26 % опрошенных доверяют рекламе иного типа, отличного от сторителлинга. Также можно заметить, что 21 % категорически не доверяют рекламе любого типа.

Рис. Уровень доверия к сторителлингу и иным форматам рекламы (% ответов по указанным позициям)

По завершении анкетирования все желающие могли ответить на вопросы открытого типа в стиле интервью. В ходе интервьюирования респондентам было

¹ Instagram – запрещенная в РФ экстремистская социальная сеть (с 21.03.2022 г.).

предложено высказать собственное мнение по поводу влияния сторителлинга на выбор потребителя и степени доверия к данному формату рекламы.

Ниже представлены наиболее характерные ответы.

Галина, 32 года:

Что Вы думаете о сторителлинге?

«Сторителлинг как формат рекламы лично для меня очень интересен. Стандартная реклама всем уже надоела, и большинство потребителей ей не верят, так как зацепить то, что уже надоело, не может. Мне кажется, что реклама с использованием сторителлинга – новый интересный способ заинтересовать потребителей. Лично я поверила бы больше подобной рекламе, нежели обычной».

Считаете ли Вы, что реклама в формате сторителлинга может увеличить Ваш уровень доверия к бренду и товару?

«Скорее да, чем нет. Тут компания хотя бы пытается быть как-то ближе к покупателям, на них не давит, разговаривает на равных. У каждого свое мнение, но я думаю так».

Николай, 27 лет:

Что Вы думаете о сторителлинге?

«Данный формат рекламы никак не влияет на мое решение о покупке, потому что я не обращаю внимания на рекламу. Если с примерами, то, возможно, запоминающейся рекламой была реклама M&M – яркая, позитивная. Вероятность покупки никак не изменится, но позитивный настрой обеспечен».

Считаете ли Вы, что реклама в формате сторителлинга может увеличить Ваш уровень доверия к бренду и товару?

«Доверие сильнее не станет, может быть, рекламные объявления станут смотреть чуть более интересно».

Елизавета, 19 лет:

Что Вы думаете о сторителлинге?

«Я считаю, что сторителлинг – интересная форма рекламы».

Считаете ли Вы, что реклама в формате сторителлинга может увеличить Ваш уровень доверия к бренду и товару?

«Думаю, да. Реклама, которую каждый из нас ежедневно видит по телевизору, раздражает. А так, возможно, я бы обратила внимание на интересный ролик или пост. И притом что некоторые рекламные ролики почти не рекламируют сам продукт, а несут какой-то глубокий смысл, то, может, я даже приобрела бы товар. Почему бы и нет?»

Валерий, 31 год:

Что Вы думаете о сторителлинге?

«Сторителлинг – необычное для меня слово. Но мне нравится подобная реклама в отличие от той, где просто пишут “Чай вкусный...” или что-то подобное».

Считаете ли Вы, что реклама в формате сторителлинга может увеличить Ваш уровень доверия к бренду и товару?

«Если бы вся реклама была такого формата, мне кажется, намного меньше человек пытались бы ее избежать».

Заключение

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что сторителлинг не только продает товар. При помощи данного формата маркетинговых коммуникаций появляется возможность взаимодействия с потребителем, который, вероятней всего, обратит внимание на реальную историю. Таким образом, сторителлинг влияет на уровень доверия потенциальных потребителей, вызывая симпатию и интерес к товару и в дальнейшем стимулируя рост его продаж.

Список источников

1. Гордовский Д. Что такое сторителлинг, для чего он нужен и как написать интересную историю [Электронный ресурс] // Calltouch : сайт. – 15.06.2019. – URL: <https://blog.calltouch.ru/hto-takoe-storitelling-dlya-chego-on-nuzhen-i-kak-napisat-interesnyu-istoriyu/> (дата обращения: 03.02.2022).
2. Доверие клиента – двигатель ваших продаж [Электронный ресурс] // EFSOL : сайт. – 2021. – URL: <https://efsol.ru/articles/customer-confidence.html> (дата обращения: 03.02.2022).
3. Как вызвать положительные эмоции у клиента, чтобы стимулировать покупку [Электронный ресурс] // Коммерческий директор. – 03.04.2019. – URL: <https://www.komdir.ru/article/2616-vyzyvat-polojitelnye-emotsii> (дата обращения: 03.02.2022).
4. Как использовать сторителлинг для маркетинга и увеличить доверие [Электронный ресурс] // Dmitry Provotorov : сайт. – 2018. – URL: <https://dmitryprovotorov.com/kak-vnedrit-storitelling-v-vash-biznes-i-uvlichit-doverie-auditorii/> (дата обращения: 03.02.2022).
5. Макки Р., Джерас Т. Сториномика. Маркетинг, основанный на историях в пострекламном мире. – М. : Альпина нон-фикшн, 2022. – 280 с.
6. Сторителлинг [Электронный ресурс] // Записки маркетолога : сайт. – 2021. – URL: https://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_s/storytelling/ (дата обращения: 03.02.2022).
7. Сторителлинг в маркетинге, или Как истории помогают продавать товар [Электронный ресурс] // Flex-n-Roll : сайт. – 2021. – URL: <https://flex-n-roll.ru/blog/storytelling/> (дата обращения: 03.02.2022).
8. Сторителлинг в маркетинге: чем полезен и как использовать [Электронный ресурс] // Exiterra : сайт. – 25.06.2021. – URL: <https://exiterra.com/blog/kontent-marketing/storytelling-effektivnyy-instrument-marketinga/> (дата обращения: 03.02.2022).

Anastasiya Yurievna Rudanina,

third-year Bachelor's student in Applied Informatics, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Natalia Vladimirovna Khmelkova,

Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Head of Economics and Informatization Chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Storytelling in Modern Marketing: Theoretical Aspects and Research Results

Abstract. The paper considers the theoretical aspects of storytelling in modern marketing, such as the rules for writing stories, various advertising channels of storytelling, its advantages and disadvantages. The practical part presents the results of the author's marketing research aimed at studying the level of trust in advertising in the storytelling format.

Keywords: storytelling, story, marketing, advertising, sales

Приложение к статье Руданиной А. Ю., Хмельковой Н. В.
«Сторителлинг в современном маркетинге: теоретические
аспекты и результаты исследования»

Список вопросов анкетирования

Вопрос	Варианты ответов
Как Вы относитесь к рекламе?	1. Положительно 2. Отрицательно 3. Нейтрально
Какие факторы влияют на совершение покупки? (возможно несколько вариантов)	1. Потребности 2. Окружение 3. Здоровье 4. Акции 5. Реклама
Знакомы ли Вы с понятием «сторителлинг» как с одним из маркетинговых приемов?	1. Да 2. Нет 3. Знаком(а), но не изучал(а) де- тали данного маркетингового приема
Изучение информационных материалов, отвечающих на вопрос «Что такое сторителлинг?»	
Как Вы относитесь к подобному виду рекламы?	1. Положительно 2. Отрицательно 3. Нейтрально
Становится ли выигрышнее реклама с использованием сторителлинга?	1. Да 2. Нет 3. Затрудняюсь ответить
Увеличится ли вероятность приобретения товара после просмотра рекламы с историей?	1. Однозначно да 2. Однозначно нет 3. Скорее да, чем нет 4. Скорее нет, чем да
Может ли сторителлинг повлиять на уровень доверия к продукту?	1. Однозначно да 2. Однозначно нет 3. Скорее да, чем нет 4. Скорее нет, чем да
Какая реклама Вас больше привлечет?	1. Реклама с историей 2. Простая реклама без привязки бренда к определенной исто- рии
К рекламе какого формата у Вас наиболее высокий уровень доверия?	1. Сторителлинг 2. Иная реклама 3. Нет доверия к рекламе

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

К вопросу о влиянии цифровизации на политико-правовые процессы и общественные отношения

Аннотация. Интенсивное внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства порождает необходимость анализа тенденций развития цифровизации общественных отношений и политико-правовых процессов. Трансформация привычных форм взаимодействия государства и общества, появление новых способов взаимодействия человека и государства вызывают важные изменения в политическом, правовом и общественном пространствах, что обуславливает актуальность данной проблематики. В статье рассматриваются основные тенденции в сфере цифровизации общественных отношений и политико-правовых процессов.

Ключевые слова: политико-правовые процессы, информационные технологии, Интернет, цифровизация, общественные отношения, цифровая трансформация

Главной особенностью современного мира является то, что многие сферы деятельности человека приобретают цифровой формат, особенно в области организации и функционирования государственной власти (в том числе в Российской Федерации [9, с. 165]). В общем виде феномен цифровизации представляет собой процесс, порождающий новую цифровую реальность, отличную от физической: она имеет более широкие возможности для коммуникации, ресурсы и технологии для работы с информацией. Важно отметить, что современная цифровая реальность является не столько противоположностью офлайн-среде, сколько ее развитием, перенося многие общественные отношения и политические процессы в цифровую сферу.

Перестройка общественно-политических и политико-правовых коммуникаций влечет за собой формирование как новых каналов взаимодействия государства и общества, государства и человека, так и новых способов политического и общественного участия, гражданской активности.

Хотя цифровизация является одним из основных трендов развития всех сфер современного общества, в научных дискуссиях чаще обсуждаются экономические и технологические аспекты цифровизации, нежели трансформация политических и правовых институтов, процессов, общественных отношений, публичной политики в условиях цифровизации [13, с. 3].

Это свидетельствует о том, что, по нашему мнению, цифровая трансформация политических и правовых отношений, процессов, институтов, общественных отношений, формирование цифровой личности и цифровой демократии – более длительный процесс, по-разному развивающийся в странах мира, во многом зависящий от политических режимов, национальных традиций, политической и правовой культуры, понимания политкорректности в той или иной стране. И этот процесс в одних странах находится еще на стадии становления, развития, в то время как в других он уже на самом высоком уровне цифровой реальности. В условиях постоянной и многосторонней зависимости человека, общества, государства от цифровых технологий любое отключение Интернета в той или иной

---

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург). E-mail: glsvig@yandex.ru

Евгений Дмитриевич Летунов, магистр юриспруденции, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), специалист-эксперт Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. E-mail: defrazo@yandex.ru

стране способно полностью парализовать процесс коммуникаций сетевых сообществ, политической активности, и такие меры используются правительствами ряда стран как вынужденные в условиях стихийных протестов, революционных событий, массовых беспорядков, выступлений оппозиционных сил.

Стремительно расширяющийся процесс «цифровизации» общественных отношений и политико-правовых процессов стимулирует новые изменения и структурные инновации, которые, в свою очередь, актуализируют ряд вопросов как правового [7, с. 271], так и политического характера в цифровой среде. К их числу можно отнести обеспечение приватности персональных данных, неприкосновенности частной жизни, соблюдение и защита конституционных прав и свобод граждан, формирование возможностей прямого политического участия и др.

«При этом количественный и качественный показатели, индикаторы защиты прав и свобод человека и гражданина сегодня во многом зависят от доступности информационных технологий, вектора движения государства и общества по пути научно-технического и правового прогресса, от степени доступности гражданам всех способов судебной и внесудебной защиты своих прав и свобод, от уровня и темпов развития механизмов и технологий защиты этих прав и свобод» [3, с. 16].

Цифровизация является совершенно новой реальностью для публичной политики, в которой необходимо не только существовать, но и оперативно реагировать на поступающие вызовы. Цифровая трансформация общественных отношений и политико-правовых процессов предполагает не только качественные изменения (технологические инновации во взаимодействии государства и общества), но и количественные (формирование новых связей как в отношениях государства и общества, так и в самих органах государственного управления).

При этом нередко политические лидеры государств рассматривают информационно-цифровое пространство как угрозу стабильности власти и применяют в Интернете «легитимное насилие» (усиление нормативного регулирования) за деяния, которые могут нанести вред государству, например в политической сфере (наказание за оскорбление власти в Интернете [6, с. 143]). Попытки «зарегулировать» информационно-цифровое пространство (цифровые сервисы и платформы) с целью ограничения их доступности обществу – наиболее распространенная современная реакция государств на цифровую трансформацию.

Опасения политических лидеров, правительств часто связаны с возможностями политической онлайн-мобилизации, ресурсы которой были использованы в периоды цветных революций в столичных городах, а также в периоды стихийных выступлений на территориях известных общественных пространств в столицах или в регионах.

Можно согласиться с Н. А. Барановым, который отмечает следующие тенденции: 1) цифровые технологии меняют представления человека о возможностях его участия в политике, влияя на принятие политических решений, 2) «цифровое политическое участие можно рассматривать как технологический ответ нового поколения на возникающие политические проблемы», 3) среди форм современного политического участия развиваются такие, как социальные сети и микроблоги, 4) среди форм современной политической активности можно отметить такие, как «хэштег-активизм» (предполагающий быстрый обмен, мгновенную реакцию), подкастинг (создание подкаст), подписание петиций на цифровых платформах, активность в социальных сетях, микроблогах, др. [1, с. 12–14].

Цифровизация политико-правовых процессов – сложный вопрос, ведь нахождение баланса между традиционными демократическими институтами и интеграцией в них цифровых технологий напрямую влияет на функционирование самих политико-правовых процессов.

Развитие новых технологий расширяет возможности взаимодействия граждан и государства в информационно-цифровом пространстве [4, с. 13].

Переизбыток информационных потоков во многих сферах человеческой деятельности приводит к их «вынужденной» цифровизации. Органам публичной власти также приходится адаптироваться к развитию информационных технологий и обновлять свои механизмы для более грамотного распределения имеющихся ресурсов и максимальной автоматизации выполняемых задач. Совместно с развитием государства трансформируются и его институты. Цифровизация влияет на совершенствование политико-правовых процессов, одновременно с этим формируя новые модели функционирования институтов государственной власти. Так, например, в Российской Федерации интеграция информационных технологий в сфере исполнительной власти привела к появлению электронного правительства [12].

Цифровизация политико-правовых процессов прослеживается и в сфере формирования выборных органов власти через партийное представительство. Интенсивное развитие и распространение Интернета привело к появлению такого феномена, как цифровые (сетевые или кибер) партии, как в России, так и по всему миру [8, с. 108]. Отличительной особенностью таких партий является отсутствие формального членства и использование информационных (интернет-) технологий для взаимодействия напрямую с избирателями. Такой способ коммуникации может свидетельствовать о развитии цифровых политико-правовых процессов, формировании прямой демократии, что практически стирает границы между избирателями и избираемыми, а также снижает необходимость использования привычных средств массовой информации для информирования и политического просвещения граждан. Данный феномен уже активно применяется в некоторых странах Европы: итальянская цифровая партия «Движение пяти звезд» (*итал.* Movimento 5 Stelle) [14] и испанская «Подemos» (*исп.* Podemos) [17]. Россию данный феномен также не обошел стороной: 5 марта 2020 года была зарегистрирована первая цифровая партия под названием «Партия прямой демократии» [11].

В рамках Федеральной целевой программы Правительства РФ «Развитие судебной системы России» была разработана и внедрена Государственная автоматизированная система «Правосудие» [10]. Она создана для формирования систематизированной информации о судебной деятельности в России в цифровом виде. Формируемое при этом информационно-цифровое пространство судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ можно рассматривать как первый шаг к электронному правосудию, цель которого – информационная интеграция судебной деятельности и осуществление процессуальных действий с применением цифровых технологий.

За рубежом в ряде стран данный этап уже пройден и цифровое судопроизводство активно применяется в виде онлайн-урегулирования споров (*англ.* Online dispute resolution, ODR) [15].

Главная отличительная черта современного этапа цифровизации заключается в том, что происходит не формирование двух отдельных пространств (физического и виртуального мира), а их симбиоз – создание информационно-цифрового пространства на базе физической реальности. Причем на сегодняшний день их отдельное существование сложно себе представить, ведь цифровизация коснулась практически всех ключевых сфер деятельности государства и общества: экономики, права, политики, науки¹, а также социальной и культурной сфер, гражданского

---

¹ Так, в научной сфере используется DOI – цифровой идентификатор объекта, который используется ведущими международными научными организациями и издательствами. После присвоения той или иной научной работе (статье, монографии, др.) DOI, ее название и аннотация, а также ключевые слова направляются во всемирную общедоступную базу научных данных. Это

общества, взаимоотношений между представителями различных социальных групп, участниками образовательного процесса, в семье, др.

Номера СНИЛС, и/или ИНН, и/или полисов ОМС (а также полисов ДМС при наличии) каждого из нас используются, фактически, как цифровые идентификаторы субъекта, которые позволяют: 1) обеспечить оперативный доступ к тем или иным онлайн-платформам и/или онлайн-сервисам, 2) сэкономить личное время на получение необходимых документов и услуг и посвятить освободившееся время семье, здоровому образу жизни (ЗОЖ), реализации своих прав, свобод и интересов, 3) сберечь свое здоровье (исключив массовые хождения по многочисленным инстанциям, длительные нахождения в очередях, что особенно важно в условиях все новых и новых волн пандемии), 4) исключить риски возможных конфликтов интересов и возникновения коррупционных схем.

Набирающая популярность в мире (в том числе на государственном уровне) технология распределенного реестра «блокчейн» (*англ.* blockchain) послужила основой развития таких элементов экономики, как «умные» или «смарт»-контракты (*англ.* smart contracts) и криптовалюта [16]. Данная технология позволила реализовать универсальный цифровой механизм управления множеством функций в цифровой среде, особенно в области имущественного оборота и операций с документами.

Таким образом, признаками того, что происходит активная цифровизация общественных отношений и политико-правовых процессов, выступают:

- постепенное перемещение публичной политики в информационно-цифровое пространство и формирование «сетевой коммуникации» (интернет-дискуссии, онлайн-пикеты, экспертная аналитика в социальных сетях и др.);
- смещение акцента с традиционных средств массовой информации в пользу интернет-СМИ, на которые зачастую не распространяется государственная политическая цензура;
- формирование новых способов взаимодействия государства и общества («Активный гражданин», «Госуслуги», change.org, ГАС РФ «Правосудие», «Суд-Акт», цифровые партии и др.).

Можно сделать вывод о том, что цифровизация оказывает реальное влияние на общество: традиционные средства массовой информации постепенно заменяются их электронными аналогами, цифровые сервисы и платформы позволяют осуществлять взаимодействие государства и общества «заочно», дистанционно, а Интернет становится частью повседневной жизни, преобразовывая многие общественные отношения и политико-правовые процессы в информационные системы. Так, благодаря распространению мобильных устройств и персональных компьютеров с высокоскоростным подключением к Интернету, получение государственных и муниципальных услуг стало возможно в электронной форме, это качественно изменило и общественные отношения. Внедрение цифровизации в области государственного и муниципального управления значительно упрощает административные процедуры, делая взаимодействие государства и граждан более прозрачным и оперативным.

Все это указывает на ведущую роль цифровизации в трансформации общественных отношений и политико-правовых процессов в государстве. Цифровизация способна вызывать политические изменения в результате конкурентной борьбы между корпорациями, которые занимаются разработкой и внедрением информационных технологий, и государствами, среди целей которых – контролировать

развитие цифровизации и использовать ее в своих целях (для сохранения власти и управления обществом).

Можно согласиться с А. Е. Коньковым, который отмечает, что изменение качества общественных отношений под влиянием цифровизации можно видеть как в образовании (дистанционное обучение и распространение онлайн-курсов), так и в здравоохранении (развитие телемедицины)² и экономике (интернет-торговля, онлайн-банкинг, электронное потребление) [5, с. 11]. Наряду с этим меняется формат политико-правовых отношений, качество социальных связей [Там же, с. 9], появляется новый тип легитимности – цифровой, внедряются новые технологии – «твиттер-революций», «твиттер-дипломатии» [Там же, с. 10], развиваются цифровая дипломатия и цифровая демократия [Там же, с. 19–20]. «Массовое вовлечение в политическую дискуссию посредством социальных сетей и других механизмов, часто также имеющих цифровую природу (онлайн-голосование, электронные петиции и др.), стало источником трансформации не только для внутриполитических процессов, но и для изменений на глобальной арене» [Там же, с. 10].

Как справедливо отмечает О. А. Бориско, появляются новые формы проявления активности в сети Интернет, такие как «народная журналистика, краудсорсинговый гражданский мониторинг, кликтивизм» [2, с. 33]. Анализируя значение социальных сетей, он верно замечает, что они используются для политического образования и даже мотивируют к участию в политической деятельности. Изучая политическое поведение молодежи в социальных сетях (прежде всего в «ВКонтакте»), он выделяет следующие ролевые профили: 1) ретранслятор и самостоятельный актер, 2) агитатор и информатор, 3) случайный или постоянный гость, 4) критик и апологет [Там же, с. 34].

Можно признать актуальными новые категории, предложенные данным автором, и заметить, что эти и другие виртуальные профили во многом влияют и на реальные образы и типы жизнедеятельности молодых людей в настоящей жизни (и представителей старшего поколения, ибо данные ролевые профили вполне применимы и к так называемой социальной сети для взрослых, например «Фейсбуку»³). При этом социальные роли в виртуальной и реальной жизни могут быть аналогичными, совпадающими в интернет-пространстве и наяву, а могут и серьезно отличаться в зависимости от типа формирования цифровой личности либо от того, насколько сетевое интернет-сообщество (в которой так активно ведет себя то или иное лицо, как критик или апологет, агитатор или информатор, либо др.) присутствует также и в реальной жизни, «новой нормальности», либо от других факторов.

Нельзя игнорировать и негативные тенденции в области цифровизации общественных отношений и политико-правовых процессов: в частности, риск нарушений прав и свобод граждан растет соразмерно степени развития информационных технологий.

Обеспечение прав человека в Интернете (прежде всего, цифровых прав) – один из наиболее важных вопросов на сегодняшний день. Интернет как информационно-цифровое пространство со всем его содержимым без соответствующих механизмов регулирования может угрожать многим аспектам человеческой деятельности, например: приватности частной жизни, конфиденциальности персональных данных, анонимности и др.

Этим обусловлено то, что наряду с развитием «мягкого права», разработкой резолюций, рекомендаций международных и региональных организаций (ООН,

---

² Особенно, по нашему мнению, надо отметить развитие таких онлайн-сервисов, как «СберЗдоровье», «Яндекс.Здоровье», «Мое здоровье» и др.

³ Запрещенная в РФ экстремистская социальная сеть (с 21.03.2022 г.).

Совет Европы), замечаний общего порядка договорными органами по правам человека (Комитетами ООН по правам человека, по правам ребенка и др.), «по защите информационных, цифровых прав человека, а также по защите универсальных прав человека в условиях цифрового века постепенно развивается и “живое право”: формируется практика Европейского суда по правам человека по делам, связанным с защитой прав человека в условиях новой цифровой эпохи» [3, с. 21]. Всё чаще эксперты по международному праву прав человека обсуждают вопросы необходимости разработки и принятия Декларации цифровых прав человека, и с этим можно согласиться.

В случае если интересы государства будут поставлены выше общественных, усиление контроля за деятельностью пользователей в информационно-цифровом пространстве неизбежно (вплоть до создания «киберполиции» и т. д.). Сопротивление институтов власти (в ряде стран) и их противодействие цифровизации как переходу к новой технологической реальности ради сохранения стабильности функционирования текущей власти может стать причиной глобального отставания от общемировых тенденций в развитии современных государств.

В связи с этим в современной политике еще большее значение приобретает качественное и количественное содержание баланса государственных и общественных интересов, приоритет мирным средствам разрешения всех, в том числе политических и правовых, конфликтов, первостепенное значение соблюдения, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина (в том числе в цифровой сфере).

Список источников

1. Баранов Н. А. Политическая онлайн-мобилизация в условиях «цифрового паноптикума» // Политика развития в условиях цифровизации общества : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Краснодар : Вика-Принт, 2020. – С. 12–14.
2. Бориско О. А. Политическое поведение молодежи в социальных сетях: российские профили // Политика развития в условиях цифровизации общества : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Краснодар : Вика-Принт, 2020. – С. 33–35.
3. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 4 (31). – С. 16–28.
4. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10, № 5А. – С. 11–27. – DOI 10.34670/AR.2021.23.96.002.
5. Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 6–28. – DOI 10.23932/2542-0240-2019-12-6-1.
6. Кукасов М. В. Административная ответственность за «оскорбление власти» в сети Интернет // Проблемы совершенствования российского законодательства : сборник тезисов Всерос. (с междунар. участием) науч. конференции курсантов, слушателей и студентов. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2021. – С. 142–144. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44764445> (дата обращения: 12.12.2021).
7. Летунов Е. Д. К вопросу о сущности цифровых прав: новый комплекс прав или актуализация существующих? // Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конференции. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. – С. 271–275. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46143394> (дата обращения: 06.12.2021).
8. Мосина С. К. Кибердемократия – новый феномен в социоллингвистике Испании // Филологические науки в МГИМО. – 2019. – № 1 (17). – С. 108–119. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37590801> (дата обращения: 08.12.2021).
9. Олейников И. А., Белинская И. В. Цифровизация органов государственной власти на современном этапе технологического развития России // Цифровая трансформация государственного управления : материалы Междунар. науч.-практ. конференции / отв.

ред. С. Н. Большаков. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. – С. 164–169. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44510051> (дата обращения: 15.12.2021).

10. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» : Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 (ред. от 14.09.2021 г.) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/ (дата обращения: 11.12.2021).

11. Партия прямой демократии : официальный сайт. – URL: <https://digitaldem.ru/> (дата обращения: 17.12.2021).

12. Правительство России : официальный сайт. – URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 13.12.2021).

13. Предисловие // Политика развития в условиях цифровизации общества : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Краснодар : Вика-Принт, 2020. – С. 3.

14. Movimento 5 Stelle. – URL: <https://www.movimento5stelle.eu/> (access date: 17.12.2021).

15. Online Dispute Resolution // European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/consumers/odr/main/?event=main.home2.show> (access date: 20.12.2021).

16. Papantoniou A. A. Smart contracts in the new era of contract law // Digital Law Journal. – 2020. – № 4. – P. 8–24. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44532281> (access date: 15.12.2021).

17. Podemos. – URL: <https://podemos.info/> (access date: 17.12.2021).

Svetlana Igorevna Glushkova,

Dr. Sci. (Political Science), Professor, Deputy Dean of Legal Department,
Head of Human Rights Chair, Liberal Arts University – University
for Humanities (Yekaterinburg)

Evgeniy Dmitriyevich Letunov,

Master of Law, postgraduate student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg), specialist-expert
of the Federal State Statistics Service, branch in the Sverdlovsk
and the Kurgan regions

**To the Issue of the Digitalization Impact on Political and Legal Processes
and Social Relations**

Abstract. The intensive introduction of information technologies in all domains of an individual, society and state life necessitates the analysis of trends in the digitalization of political, legal processes and social relations. The transformation of customary forms in the interaction between the state and society, the emergence of new ways of man/state interactions cause essential alternations in political, legal, and social space, which determines the topicality of this problematique. The paper deals with basic tendencies in the area of social relations and political and legal processes digitalization.

Keywords: political and legal processes, information technologies, the Internet, digitalization of social relations, digital transformation

Предоставление обжалования – рецепт против отбеливания нормативных актов¹

Аннотация. В статье раскрывается проблема отсутствия в российском праве возможности обжалования судебных решений по вопросу оспаривания нормативных актов, дается анализ проблемы на основании практики российских судов, а также Европейского суда по правам человека. В качестве решения проблемы предлагается ввести в правовую систему возможность обжалования таких судебных решений любым лицом независимо от его участия при рассмотрении дела в суде первой инстанции.

Ключевые слова: нормоконтроль, оспаривание нормативных актов, Европейский суд по правам человека, право на суд, публичный интерес, апелляционное обжалование

Право на оспаривание нормативных актов является реализацией на законодательном уровне конституционно-правовых гарантий, заложенных в ст. 45, 46, 52 Конституции РФ. Оспаривание нормативного акта иногда может быть единственным средством защиты от злоупотребления властью, равно как и апелляционное обжалование может быть иногда единственным средством защиты от вступления в законную силу судебного акта, легитимирующего незаконный акт.

Доктор юридических наук В. М. Баранов обращал внимание на возможность умышленного противоправного принятия уполномоченным нормодателем дефектного (в том числе и прежде всего путем образования пробелов) нормативного правового акта [1], приводя в качестве примера уникальное уголовное дело № 23 в отношении 14 депутатов Тверской городской думы. Пробелы и другие нужные бизнес-структурам и финансовым группам Твери и Москвы дефекты региональных нормативно-правовых актов продавались как обычный товар. В Тверской городской думе существовало организованное преступное сообщество во главе с тогдашним спикером, которое за крупные взятки «по заказу» принимало юридические нормы, устанавливающие завышенные цены на услуги ЖКХ, льготные ставки налогообложения [16].

В то же время нельзя отрицать наличие проблемы «отбеливания» нормативных правовых актов, когда нормативный акт оспаривается заранее по доводам, которые не могут быть положены в основание для признания нормативного акта недействующим [9]. Такое обращение, как правило, влечет отказ в признании нормативного акта недействующим, но также и невозможность повторного оспаривания нормативного акта.

Единственная возможность бороться с такими видами злоупотреблений и «отбеливанием» нормативных актов – это предоставление возможности апелляционного обжалования судебных решений об оспаривании нормативных актов всем заинтересованным лицам.

На наш взгляд, вряд ли этих целей можно достигнуть, не убрав необоснованных барьеров в доступе к суду, барьеров в апелляционном обжаловании. Это должно исключить вступление в законную силу неправосудных актов и необходимость преодолевать принцип правовой определенности [24].

* Айдар Рустэмвич Султанов, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (г. Нижнекамск).

¹ Автор продолжает исследование, начатое в статье: Султанов А. Р. О праве заинтересованных лиц на обжалование решения по делу об оспаривании нормативного акта // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 5. – С. 87–109.

Очень похожим на «отбеливание нормативного акта» было дело об оспаривании Постановления Правительства Москвы 08 декабря 2015 года № 829-ПП «О мерах по обеспечению сноса самовольных построек на отдельных территориях города Москвы». Данное постановление породило так называемую «ночь длинных ковшей».

В Приложении № 2 к указанному Постановлению № 829-ПП содержится перечень зданий, строений, сооружений, являющихся самовольными постройками, созданными (возведенными) в городе Москве на земельных участках, не предоставленных в установленном порядке для этих целей, в зонах с особыми условиями использования территорий (за исключением зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России) или на территориях общего пользования либо в полосах отвода инженерных сетей федерального, регионального или местного значения, подлежащих сносу. Данное приложение № 2 является неотъемлемой частью указанного нормативного правового акта, обязательного для неопределенного круга лиц, поскольку определяет в отношении отдельных территорий города Москвы наличие зон с особыми условиями использования территорий.

Ситуация с оспариванием данного нормативного акта обладает признаками того, что имело место применение техники «отбеливания нормативного акта». Большое количество заинтересованных лиц было лишено доступа к суду, в том числе путем применения ст. 295 КАС РФ в толковании лишающих заинтересованных лиц, ставящих вопрос о защите своих законных интересов, права на доступ к апелляционной инстанции².

Те, кто пытался оспорить данное приложение в арбитражных судах, терпели неудачу в связи с тем, что арбитражные суды прекращали производство по делам об оспаривании в части приложения к Постановлению № 829-ПП, ссылаясь на отсутствие у них компетенции на их рассмотрение и на то, что проверка законности того или иного пункта в Приложении № 2 к Постановлению № 829-ПП с указанием конкретного адреса самовольной постройки в компетенцию арбитражного суда не входит³. Однако оспорить Приложение № 2 к указанному Постановлению № 829-ПП от 08 декабря 2015 в суде общей юрисдикции лицам, искавшим защиты ранее в арбитражных судах, также не удалось, поскольку к моменту подачи ими заявлений уже было принято решение Московского городского суда от 24.12.2015 по делу № 3а-907/2015, которым была подтверждена законность оспа-

---

² Решение Московского городского суда от 24 декабря 2015 года № 5-АПГ16-12, апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда от 29 апреля 2016 года. См. некоторые факты, касающиеся обжалования данного акта: Станкевич В. Московский снос законного «самострога». Ошибка суда или принцип власти? [17], а также большое количество апелляционных определений об отказе в доступе к суду апелляционной инстанции, одно их простое перечисление заняло бы достаточно много места, поэтому мы укажем лишь несколько в качестве примера: Апелляционное определение Московского городского суда от 10 февраля 2016 г. № 33а-3200/1 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 06 апреля 2016 г. № 33а-12026/16 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 06 апреля 2016 г. № 33а-12020/16 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 06 апреля 2016 г. № 33а-12131/16 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 10 февраля 2016 г. № 33а-3035/16 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 06 апреля 2016 г. № 33а-10235/16 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 03 февраля 2016 г. № 33а-3206/16 ; Определение Московского городского суда от 15 июня 2016 г. № 4г-5811/16 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июля 2016 г. № 33а-26159/16 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 06 апреля 2016 г. № 33а-12024/16 ; Определение Московского городского суда от 28 июля 2016 г. № 4га-8077/16 ; Определение Московского городского суда от 01 сентября 2016 г. № 4га-10369/16 и т. д.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 июня 2016 г. № Ф05-8405/16 по делу № А40-4546/2016.

риваемого нормативного акта, и их заявления возвращались. В принятии апелляционных жалоб им также было отказано.

При этом само рассмотрение дела в первой и второй инстанциях было несколько странным. В ходе рассмотрения дела в Мосгорсуде ООО «Звездочка» подало письменное заявление об отказе от своего требования, после чего представитель данного общества покинул судебное заседание. В прекращении производства по административному делу в части требования ООО «Звездочка» определением суда от 24 декабря 2015 года отказано ввиду наличия публичных интересов, препятствующих принятию судом данного отказа, в порядке пункта 2 части 2 статьи 214 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Учитывая, что в деле было еще два заявителя, такой отказ был несколько необычен, поскольку публичные интересы принятием такого отказа не были бы нарушены [5].

В последующем данное юридическое лицо подало апелляционную жалобу. Два других юридических лица, возбудивших процесс об оспаривании Постановления № 829-П, отказались от апелляционных жалоб во второй инстанции. «До начала судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции от ООО «Корона Авто» и ООО «Пирамида-2000» поступили заявления об отказе от своих апелляционных жалоб. Определениями Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2016 года заявления ООО «Корона Авто» и ООО «Пирамида-2000» об отказе от апелляционных жалоб удовлетворены, а именно судом принят отказ от апелляционных жалоб ООО «Корона Авто» и ООО «Пирамида-2000» на решение Московского городского суда от 24 декабря 2015 года, апелляционное производство по настоящему делу по апелляционным жалобам ООО «Корона Авто» и ООО «Пирамида-2000» прекращено».

Таким образом, в апелляционную инстанцию было допущено лишь юридическое лицо, отказавшееся от своего требования в первой инстанции, а два других юридических лица отказались от жалобы, и их отказ был принят. При этом другим юридическим лицам в принятии апелляции отказывала первая инстанция Московского городского суда на том основании, что заявители не являлись стороной в споре и не представили новых аргументов, которые еще не рассматривались в контексте данного спора. Другим основанием для отказа в принятии апелляционной жалобы указывалось, что суд первой инстанции осуществил проверку оспариваемого акта в порядке абстрактного нормоконтроля, а не конкретную проверку индивидуальной ситуации компаний-заявителей.

Здесь мы должны обратить внимание на то, что в соответствии с КАС РФ апелляционное и кассационное обжалование определения о возвращении жалобы осуществлялось не в Верховном Суде РФ, которому подсудно рассмотрение апелляции на решение Мосгорсуда, а в Мосгорсуде. То есть суждение о «целесообразности» принятия жалобы рассматривал не суд, который мог выносить суждение по существу апелляционной жалобы, а суд, который вынес оспариваемое решение.

Кассационное обжалование в следующую инстанцию Мосгорсуда также не привело к успеху, а лишь к сглаживанию формулировок: «Поскольку дела об оспаривании нормативных правовых актов возникают из публичных правоотношений и затрагивают интересы неопределенного круга лиц, рассмотрение Московским городским судом административного дела по перечисленным административным искам ООО «Торговый центр «Таганка», ООО «Пирамида-2000», ООО «Звездочка», ООО «Корона Авто» исключает возможность рассмотрения дела в суде о том же предмете и по тем же основаниям по сходному административному исковому заявлению Кооператива «Нептун-Сервис». Судом апелляционной инстанции указано, что при рассмотрении и разрешении дела об оспаривании нормативного акта суд не связан основаниями и доводами заявленных требований

и проверяет соответствие оспариваемого нормативного правового акта или его части нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу, по всем имеющим значение основаниям, в том числе не указанным в заявлении. Таким образом, несовпадение доводов заявителей не является существенным обстоятельством, влекущим повторную проверку оспариваемого нормативно-правового акта. Данный вывод подтверждается правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в пункте 11 постановления Пленума от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»⁴. Верховный Суд РФ также отклонил жалобы.

Неудивительно, что недовольные тем, что они так и не получили никакого суда, дошли до ЕСПЧ. В 2021 году было опубликовано первое Постановление ЕСПЧ, в котором была рассмотрена процедура обжалования нормативного акта, послужившего основанием для «ночи длинных ковшей». Выводы, сделанные в данном деле, на наш взгляд, должны быть учтены всеми государственными органами: и правоприменителями и законодателем [19].

В постановлении по делу «Кооператив “Нептун-Сервис” против РФ» от 23 ноября 2021 г. (жалоба № 40444/17) ЕСПЧ напомнил, что пункт 1 статьи 6 Конвенции закрепляет «право на суд», из которого следует право доступа к суду, а именно право на возбуждение дела в суде по гражданским делам, каждый тяжущийся имеет право на суд, чтобы его притязания относительно его прав и обязанностей были рассмотрены (Howald Moor и др. против Швейцарии, №№ 52067/10 и 41072/11, § 70 11 марта 2014, Golder, § 18 и 36). Хотя право доступа к суду не является абсолютным, и оно поддается ограничениям, которые, однако, не должны ограничивать доступ, открытый для стороны в судебном процессе, таким образом или до такой степени, что его право на суд будет нарушено по самому существу. Кроме того, применяемые ограничения согласовываются с пунктом 1 статьи 6 Конвенции только в том случае, если они преследуют законную цель и если существует разумное соотношение соразмерности между использованными средствами и преследуемой целью (Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Швейцария [GC], № 5809/08, § 129, 21 июня 2016, и Stubbings и другие, § 50).

ЕСПЧ подчеркнул, что последовательные отказы нескольких судов в рассмотрении спора по существу равносильны отказу в правосудии, что подрывает саму суть права на суд, гарантированного статьей 6 § 1 Конвенции (Beneficio Cappella Paolini, упомянутое выше, § 29, Tserkva Sela Sossoulivka против Украины, № 37878/02, § 51–53, 28 февраля 2008, и Безымянная против России, № 21851/03, § 30–34, 22 декабря 2009).

Суд отметил отсутствие разногласий между сторонами относительно того факта, что индивидуальная ситуация компании-заявителя, а именно включение ее собственности в список самовольных построек, подпадающих под действие меры по сносу, приложенной к оспариваемому постановлению, подлежала судебному контролю. Правительство не ссылалось на законную цель, чтобы оправдать это ограничение доступа к правосудию. Оно лишь цитировало различные тексты, в которых излагаются правила юрисдикции коммерческих судов и судов общей юрисдикции. В силу этих правил компания-заявитель не смогла добиться рассмотрения своего дела. Эта ситуация несовместима с правом на доступ к суду, закрепленным в статье 6 § 1 по смыслу вышеупомянутой прецедентной практики. И ЕСПЧ установил в данном деле нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции⁵.

⁴ Определение Московского городского суда от 14 июля 2016 г. № 4га-8076/16 и др.

⁵ Суд также установил и нарушение статьи 1 Протокола № 1, присудив соответствующую компенсацию.

Однако вывод, сделанный ЕСПЧ, был очевиден еще в 2016 году, поскольку несправедливость ситуации в препятствии судебной защите была на поверхности. Нельзя оправдать конфликт отрицательной компетенции [21].

Как писали классики, «...цель законодательства по части судебной именно и состоит в том, чтобы, **предоставив тяжущимся все возможные средства защиты своего дела судебным порядком, внушить им то действительное чувство убеждения их собственного в справедливости судебного решения**, которое и достигается усвоением за ними права апелляции» [10].

На наш взгляд, всё же единственная возможность бороться с такими видами злоупотреблений и «отбеливанием» нормативных актов – это предоставление возможности апелляционного обжалования судебных решений об оспаривании нормативных актов всем заинтересованным лицам. Отличительная особенность дел, возникающих из публичных правоотношений, заключается также в том, что для определения тождества разрешенного и вновь заявленного требования не принимаются во внимание стороны [2; 3]. Что позволяет ученым-процессуалистам утверждать, что в споре об оспаривании нормативного акта стороной является не только заявитель, но и все те субъекты, права которых нарушаются оспариваемым актом [14; 7; 11].

В споре об оспаривании нормативного акта цель не только защитить единственный частный интерес, связанный с восстановлением нарушенных прав, но также защитить публичный интерес, направленный на поддержание законности и конституционного правопорядка и защиту, тем самым, многих частных интересов. Под публичным интересом мы здесь понимаем обязанность государства обеспечивать верховенство права, а также признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). Существует также точка зрения, что «публичный интерес – это частный интерес, помноженный на количество его носителей» [25]. Тезис о том, что публичный интерес есть совокупность частных, в том числе и несовпадающих, интересов, быть может, несколько нами идеализирован, и существует риск того, что этот тезис может быть использован для оправдания различного рода несправедливостей и нарушения частных интересов. Например, удовлетворение публичного интереса может быть осуществлено путем нарушения какого-либо частного интереса, однако такой подход будет противоречить общепризнанным принципам верховенства права, которые защищают от несправедливости каждого. Профессор Д. И. Дедов пишет, что если частные интересы защищены, то эти частные интересы становятся одновременно и публичными [8], а доктор юридических наук Е. А. Слепченко полагает, что защита прав и законных интересов одного лица – заявителя, в конечном счете, ведет к защите публичных интересов в целом [15].

Полагаем возможным высказаться, что по данному роду дел публичный интерес заключается в защите частных интересов и недопущении нарушения каждого частного интереса [22].

Соответственно, наличие цели защитить публичный интерес в качестве совокупности многих защищаемых частных интересов существенным образом влияет на движение процесса. Отпадение чьего-либо частного интереса не является основанием для прекращения производства по делам об оспаривании нормативных актов, поскольку в этом случае обязанность по защите публичного интереса с суда не снимается (ч. 10 ст. 213 КАС РФ). Суд, рассматривая дело об оспаривании нормативных актов, связан данной обязанностью защитить публичный интерес и обязан рассмотреть оспариваемое положение в полном объеме независимо от доводов заинтересованных лиц (ч. 7 ст. 213 КАС РФ) даже в случае, когда стороны будут хранить молчание...

Но данная обязанность по защите публичного интереса отнюдь не наделяет суд правом ограничивать доступ заинтересованных лиц к суду. Хотя заинтересованные лица – хозяйствующие субъекты, вступая в процесс об оспаривании нормативных актов, могут иметь целью защиту собственного частного интереса, суд не должен забывать, что публичный интерес как раз и состоит из совокупности этих частных интересов. Препятствуя в доступе к суду заинтересованному лицу, суд ограничивает также и себя в возможности рассмотреть вопрос о законности оспариваемого нормативного акта во всей его полноте, с учетом всех нюансов, о которых заинтересованные лица могут быть гораздо лучше информированы, чем суд. В то же время, поскольку суд по данному роду дел должен проверить оспариваемое положение в полном объеме, упущение какого-либо нюанса, рассмотрение вопроса законности в неполном объеме могут явиться основанием для отмены решения суда первой инстанции, как постановленного с нарушением ч. 7 ст. 213 КАС РФ [12].

Причем нужно учитывать также тот факт, что интересы заинтересованных лиц могут сильно отличаться и даже интерес одного заявителя может быть противоположен интересу другого заявителя.

Учитывая, что апелляцияционная инстанция обязана проверить выполнение ч. 7 ст. 213 КАС РФ, мы не находим никаких разумных оснований для установления ограничения в праве подачи апелляцияционной жалобы заинтересованными лицами, пусть даже не привлеченными к рассмотрению дела, но являющимися лицами, участвующими в правоотношении, урегулированном в оспариваемом нормативном акте [20].

Тем более нельзя лишить заинтересованное лицо права указать вышестоящему суду на совершенную нижестоящим судом судебную ошибку. Хотя суды довольно часто мотивируют отказы в приеме апелляцияционных жалоб тем, что суд может вынести правильный судебный акт и без жалоб заинтересованных лиц.

Однако один факт обращения в суд не является достаточным для автоматического вынесения судом правильного решения, иначе заинтересованных лиц можно было бы лишить не только права на обжалование, но и права выступать в суде [6].

Как отмечают ученые, «ограничение прав лиц, не участвовавших в деле, на повторное оспаривание нормативного правового акта по основаниям, которые не были предметом судебного анализа, не только ограничивает права данных лиц на судебную защиту, но и, фактически, ведет к консервации процессуального упущения суда, не проверившего в полном объеме законность спорного акта, и, что особенно важно, к консервации возможной судебной ошибки в оценке законности данного нормативного правового акта» [13]. На наш взгляд, при отсутствии такой возможности (повторного оспаривания нормативного акта) единственный способ избежать консервации возможной судебной ошибки – это право обжалования вынесенного судебного решения всеми заинтересованными лицами [18].

На наш взгляд, одной из причин ошибочного толкования ст. 295 КАС РФ является смешение правовых последствий вынесения судебных решений о правах и обязанностях лица, не привлеченного к рассмотрению дела, и решения, затрагивающего законные интересы заинтересованного лица. Возможно, принятие жалоб от заинтересованных лиц воспринимается как попытка добиться отмены судебного решения по безусловным основаниям, в связи с вынесением решения без привлечения к рассмотрению дела лиц, о чьих правах и обязанностях постановлено судебное решение. Это ошибочный подход.

Безусловное основание для отмены судебного акта, установленное в п. 4 ч. 1 ст. 310 КАС РФ, вызвано тем, что судебное решение не должно быть вынесено о правах и обязанностях лица, не являющегося субъектом судебного разбиратель-

ства. Суд не должен разрешать вопрос о правах и обязанностях лица без того, чтобы не наделить его процессуальными правами субъекта процессуальных правоотношений. Для этого предполагается, что суд должен привлечь данное лицо к рассмотрению спора, прежде чем разрешить вопрос о его правах и обязанностях. Соответственно, несовершение данного действия квалифицируется как грубое процессуальное правонарушение [23].

Однако при рассмотрении дела об оспаривании нормативного акта у суда нет обязанности привлекать всех лиц, на которых распространяется оспариваемый нормативный акт⁶, что вызывает сомнение в возможности постановки вопроса о безусловной отмене п. 4 ч. 1 ст. 310 КАС РФ только лишь потому, что апелляционная жалоба подана лицом, не привлеченным к судебному разбирательству в первой инстанции, которое не изъявляло своего желания участвовать в процессе.

Полагаем, что подача апелляционной жалобы заинтересованным лицом влечет лишь обязанность суда проверить доводы апелланта, а также соблюдение судом требований ч. 7 ст. 213 КАС РФ.

Исключением может быть ситуация, когда лицо изъявляло свое желание участвовать в процессе, но не было на него допущено. В этом случае лицо, незаконно не допущенное в суд первой инстанции, в качестве оснований для отмены судебного решения, на наш взгляд, вправе выдвигать доводы об отмене судебного акта также в связи с тем, что были нарушены его процессуальные права и он был лишен возможности заявлять ходатайства об истребовании документов, проведении экспертизы, привлечении других заинтересованных лиц...

Список источников

1. Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 1. – С. 75–79..
2. Борисова Ю. А. Тожество в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. – М., 2009. – 25 с.
3. Борисова Ю. А. Тожество в гражданском судопроизводстве : монография. – М. : Городец, 2010. – 159 с.
4. Варсегов Н. Как тверские депутаты обирали свой народ // Комсомольская правда. – 2007. – 18, 19 сент.
5. Вишняков А. О. Полномочия суда при отказе лица, обратившегося в суд, от требования о признании нормативного правового акта недействующим: теоретический анализ и эмпирическое исследование действующего правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. – 2021. – № 2 (45). – С. 100–114.
6. Гукасян Р. Е. Интерес, доказывание и принцип состязательности // Гукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. – М. : Проспект, 2008.
7. Гусев А. А. Проблемы рассмотрения дел об оспаривании нормативных правовых актов в арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. – Саратов, 2007. – 190 с.
8. Дедов Д. И. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2005. – 45 с.
9. Медведев И. Р. «Отбеливание» нормативных правовых актов по главе 24 ГПК РФ: миф или реальность? // Закон. – 2009. – № 6. – С. 181–202.
10. Михайлов М. М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до Издания Свода законов. – СПб. : А. Смирдин (сын), 1856. – VIII, 204 с.

---

⁶ Хотя мы согласны с теми авторами, которые предполагают, что было бы правильно уведомлять всех заинтересованных лиц о начале процесса путем публикации в СМИ.

11. Немцева В. Б. Особенности судебного решения по делам об оспаривании нормативных правовых актов // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2018. – № 2 (135). – С. 105–118.
12. Немцева В. Б. Юридическое значение судебного решения по делам об оспаривании нормативных правовых актов : монография. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 192 с.
13. Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе : монография. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 294 с.
14. Носенко М. А. Оспаривание нормативных актов в судах общей юрисдикции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. – М., 2001. – 178 с.
15. Слепченко Е. А. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15. – СПб., 2011. – 484 с.
16. Соколов-Митрич Д. Депутат – не «крыса», должен делиться // *Известия*. – 2007. – 18 сент.
17. Станкевич В. Московский снос законного «самостроя». Ошибка суда или принцип власти? // *Закония*. – URL: <http://www.zakonia.ru/site/285490> (дата обращения: 12.11.2016).
18. Султанов А. Р. Борьба за право на обжалование. – М. : Статут, 2022. – 592 с. – (Серия : Записки судебного юриста).
19. Султанов А. Р. О некоторых процессуальных последствиях постановлений ЕСПЧ // *Российская юстиция*. – 2014. – № 1. – С. 24–28.
20. Султанов А. Р. О праве заинтересованных лиц на обжалование решения по делу об оспаривании нормативного акта // *Вестник гражданского процесса*. – 2016. – № 5. – С. 87–109.
21. Султанов А. Р. О проблемах подведомственности и о конфликтах отрицательной компетенции // *Закон*. – 2008. – № 7. – С. 164–174.
22. Султанов А. Р. Обжалование судебных актов, вынесенных по делам об оспаривании нормативных актов, лицами, не участвовавшими в рассмотрении дела в суде первой инстанции // *Закон*. – 2010. – № 4. – С. 143–155.
23. Султанов А. Р. Оспаривание нормативных актов по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации и правовые последствия // *Евразийская адвокатура*. – 2018. – № 3 (34). – С. 48–54.
24. Султанов А. Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество // *Законодательство и экономика*. – 2007. – № 11. – С. 39–45.
25. Юдин А. В. Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность. – СПб. : Изд. дом Санкт-Петербург. гос. ун-та : Юридическая книга, 2009. – 622 с.

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Division of Nizhnekamskneftekhim (Nizhnekamsk),
member of Association for Better Living and Education (ABLE)

Providing an Appeal – the Recipe against Regulations Bleaching

Abstract. The article reveals the problem of the absence in the Russian law of the possibility of appealing against court decisions on the issue of challenging normative acts, and analyzes the problem based on the practice of the Russian courts, as well as the European Court of Human Rights. As a solution to the problem, the author proposes that the legal system should allow any person, regardless of their involvement in the case before the court of first instance, to appeal against such judgements.

Keywords: normative control, challenge of normative acts, European Court of Human Rights, right to court, public interest, appeal

Рекламные сорняки на правовом поле

Аннотация. Рассматривается правовой контекст активности рекламы на телевизионных каналах. Цель: исследовать нарушения правовых норм в рекламном контексте и внести предложения для исправления ситуации. Методом стал контент-анализ телепоказов в течение двух месяцев 2021 г., призванный сопоставить содержание рекламных видеосюжетов с действующим законодательством. Вывод автора касается констатации необходимости формирования комплекса легитимных мер для исключения ложной, наносящей вред психическому здоровью граждан, и прежде всего детей, рекламной продукции.

Ключевые слова: правовые нарушения в рекламной деятельности, этическая/неэтичная реклама, ложная реклама, манипулирование сознанием в рекламе

Введение

Проблема чрезмерной активности рекламы на телевизионных каналах систематически вызывает дискуссии, однако никак не решается. Более того, даже выдвижение законодательных инициатив об отмене, к примеру, рекламы лекарственных препаратов на телевидении (далее – ТВ) и в радиовещании завершилось их отклонением в 1998, 2020 и 2021 гг.¹

В связи с этим, учитывая процесс «регуляторной гильотины», обновляющей в последние годы многие стороны правового поля, анализ продолжающихся нарушений гражданских прав в заявленном ключе не теряет своей актуальности, особенно в части того, что касается физического и психологического, психического и нравственного здоровья нации.

Материалы и методы

На востребованность правового урегулирования излишней активности рекламы обращают внимание многие авторы. Так, И. Д. Ежов выявил системность и попытался дать классификацию скрытым и явным попыткам участников рекламной деятельности (далее – УРД) «обмануть законодательство» [3, с. 26], делающих свою продукцию не только ложной, но и неэтичной. В зарубежных исследованиях уже много лет используются такие виды и приемы ложной рекламы (false advertising), как редактирование фотографий, широко используемое в рекламе косметики, презентация скрытых сборов и доплат («звоните прямо сейчас, получите два/три предмета...»), вводящие в заблуждение заявления о состоянии здоровья лиц, воспользовавшихся теми или иными лекарственными препаратами, и т. д. [10; 11; 12].

---

* **Татьяна Владимировна Филипповская**, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры экономики социальной сферы ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (г. Екатеринбург). ORCID: 0000-0001-8280-2063. Researcher ID: AAV-3924-2020. E-mail: ftatyana@mail.ru

¹ Законопроект № 98035340-2 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “О рекламе”» (новая редакция) // СОЗД ГАС «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/98035340-2> (дата обращения: 30.01.2022) ; Госдума отклонила проект о запрете рекламы лекарств на ТВ и радио // РИА Новости. – 18.03.2020. – URL: <https://ria.ru/20200318/1568792567.html> (дата обращения: 30.01.2022) ; Законопроект № 1180509-7 «О внесении изменений в статью 24 Федерального закона “О рекламе” и статью 67 Федерального закона “Об обращении лекарственных средств” (в части установления запрета на рекламу лекарственных средств в теле- и радиопрограммах)» // СОЗД ГАС «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1180509-7> (дата обращения: 30.01.2022).

Методом исследования стал контент-анализ телепоказов рекламы в течение 2 месяцев 2021 г. на разных каналах Всероссийской государственной теле-радио компании (далее – ВГТРК). Проанализировано 57 видеосюжетов. Цель исследования – сопоставление представляемого в эфире контента рекламы с нормативно-правовым полем. Дополнением к выводам автора стали экспресс-опросы сотрудников аптечных предприятий и вторичные данные социологических исследований.

Результаты и обсуждение

Особо обратим внимание на статьи А. Е. Фаербера и Д. Х. Крелинга, которые на основе контент-анализа, проведенного еще в 2008–2010 гг., доказали, что «57 % утверждений в рекламе лекарственных средств (далее – ЛС), отпускаемых по рецепту, потенциально вводили в заблуждение потребителя и 10 % были ложными, а по ЛС, отпускаемым без рецепта, только 23 % было объективно правдивых и 7 % ложных» [11; 12].

В национальном поле О. Ю. Абабкова уточняет: «По данным отечественных токсикологов, 60 тыс. россиян ежегодно умирают от самолечения препаратами, реклама которых появляется в печатных и телевизионных СМИ. По данным журнала Американской Медицинской Ассоциации (JAMA), вредное воздействие лекарств является четвертой ведущей причиной смерти в США» [1].

Напомним, что в ст. 24 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) (далее 38-ФЗ) указывается на то, что «реклама лекарственных средств не должна обращаться к несовершеннолетним, содержать ссылки на конкретные случаи излечения от заболеваний, улучшения состояния здоровья человека в результате применения объекта рекламирования». В то же время установленные регламенты не распространяются «на рекламу ЛС, применяемых для профилактики заболеваний», что позволяет манипулировать содержанием рекламных материалов.

О. В. Сушкова перечисляет действующие нарушения 38-ФЗ, особо указывая на «суррогатное рекламирование», «сравнительную рекламу», «зонтичную рекламу» [8]. А. Э. Имаева, Ю. А. Баланова, А. В. Концевая, А. В. Капустина по результатам проведенного анализа «детского эфира» доказали, что «на ТВ реклама фармацевтических продуктов вышла на второе место по частоте показов (17 %), а на каналах «Карусель», «Disney» и «Пятница» даже превышает наиболее популярную категорию – рекламу продуктов питания... Распространенность рекламы ЛС в несколько раз выше по сравнению с биологически активными добавками и витаминами. При анализе ЛС с точки зрения возможности их назначения детям было обнаружено, что 9 % всех рекламируемых препаратов запрещены к приему лицами <18 лет. Тем не менее следует отметить, что некоторые из этих ЛП представлены также в виде специальных детских форм. Ограничения по возрасту в приеме имеют ~50 % всех продемонстрированных ЛС и меньше половины – разрешены к приему лицами <18 лет» [5]. Как видим, системность нарушений п. 3 ч. 2 ст. 5 38-ФЗ налицо даже на «детских» каналах, не говоря уже о более широком контенте.

Авторские наблюдения показывают, что реклама ЛС типа «Вольтарен»², «Долгит»³, «Кетонал»⁴, «Пенталгин»⁵ и др. содержит утверждения о существен-

² Реклама Вольтарен Гель и пластырь. №1 назначаемый препарат от боли в мышцах и суставах 2021 (RU) // YouTube. – 04.09.2021. – URL: https://youtu.be/O6HaChmOv_Y (дата обращения: 30.01.2022).

³ Реклама Долгит // YouTube. – 10.03.2021. – URL: <https://youtu.be/CwQ8Wn2HhD8> (дата обращения: 30.01.2022).

ных преимуществах каждого препарата перед другими, что может влиять на оценку потребителем рекламируемой атрибутики. При этом делается акцент на фирмах-производителях препаратов, что можно отнести к скрытой рекламе. Присутствующая краткая ссылка на необходимость консультации со специалистом перед применением ЛС в контексте рекламных роликов не привлекает внимания. Более того, в актуальных условиях, когда повсеместно констатируется сложность в получении такой консультации (не только в условиях пандемии, но и при дефиците «узких» специалистов и в целом медицинских кадров в стране), потребитель будет реагировать именно на содержание ролика. Здесь можно найти немало отклонений от регламентов законодателя по антимонопольной политике и конкуренции.

Авторский экспресс-опрос фармацевтов в относительно низкобюджетной сети «Вита» показал, что появление и навязчивое информирование граждан, особенно пожилого возраста, на ТВ отражается на возрастающем потребительском спросе. В то время как в сети «Фармлэнд», действующей в более высоких ценовых планах, такая зависимость не отмечалась. Сотрудники аптечной сети «Живика» также не указали на наличие зависимости спроса от рекламы на ТВ, но подчеркнули, что спрос на интернет-поставки резко увеличивается после передач типа «Жить здорово!». Таким образом формируется лекарственно-зависимый потребитель, как указывает Д. А. Трищенко, который, благодаря «демонстрации типично жизненных ситуаций, становится жертвой мифа, имеющего многомиллиардную стоимость», о том, что есть быстродействующее ЛС, благодаря которому можно быстро решить все проблемы – от диареи и болезней мочеполовой системы до сохранения красоты и здоровья, когда «формируется потребность не в здоровом, а в антиздоровом образе жизни, в условиях которого есть легкие средства для излечения» [9].

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то придется констатировать, что «ограничительные меры в отношении рекламы ЛС приняты во многих странах – в Германии запрещена реклама во всех СМИ, действуют ограничения в странах Евросоюза» [5; 6].

Мы же сегодня вынуждены остановиться на печальной констатации О. В. Сушковой, которая аргументированно доказывает, что из действовавшего до 1995 г. законодательства о рекламе незаслуженно исключен пункт о неэтичной рекламе. Ученый предлагает ст. 5 38-ФЗ изменить и дополнить ее ч. 12 и «изложить в следующей редакции: неэтичной является реклама, которая:

– содержит текстовую, графическую или звуковую информацию, нарушающую общепринятые нормы морали путем употребления оскорбительных слов или образов в отношении расы, национальности, профессии, социальной категории, возрастной группы, пола, языка, религиозных, философских, политических и иных убеждений физических лиц;

– порочит государственные символы (флаги, гербы, гимны), религиозные символы, объекты искусства, составляющие национальное или мировое культурное достояние» [8].

Остановимся на этом предложении более подробно, привлекая данные по наблюдениям автора статьи. Практически все анализируемые рекламные сюжеты в той или иной мере нарушают национальные нравственно-этические традиции и нормы. Перечисление этих нарушений можно начать с сюжетов с рекламой ЛС от кашля и насморка, герои которых используют вместо носового платка гиб лок-

---

⁴ Кетонал – реклама // YouTube. – 18.04.2020. – URL: https://youtu.be/mGs_T7vJ-NA (дата обращения: 30.01.2022).

⁵ Реклама Пенталгин ЭкстраГель версия 2 // YouTube. – 23.07.2020. – URL: <https://youtu.be/Sq84R1OQNqI> (дата обращения: 30.01.2022).

тя⁶. Напомним, что в наших национальных традициях платок, называвшийся ширинкой или ручным платком, был обязательным атрибутом в праздничных и подарочных вариантах, при посещении храма, гостей и праздников. Были и так называемые утиральники – для каждодневного использования. Ручные платки имели смысловой контекст, ярко представленный в сказках, когда герои в попытке убежать от врагов бросают платок, который «превращается в водную или огненную преграду для преследователей»⁷. Мифологический смысл ручного платка как границы между жизнью и смертью многие столетия существовал на Руси.

В бесконечно повторяемых сюжетах типа «Скучно, девочки» навязывается образ потребителя, которому доступно все, стоит только получить желанную «халву», без обязательств возврата «халвовых» кредитов и зарабатывания средств для компенсации займов. Реклама корма для котов ярко демонстрирует латентную зоофилию, когда герой, встречаясь с родственниками и будущей, судя по всему, невестой, с блаженной улыбкой на лице направляется к коту⁸. Уже представленные ранее видеосюжеты на «детских» каналах навязывают культ потребления и требований по отношению к родителям о покупках вещей, которые «есть у всех», в достаточно агрессивной форме.

Здесь стоит напомнить Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее 436-ФЗ), в п. 2 ст. 5 которого четко указывается, что запрещены все виды информации, причиняющей вред здоровью и/или развитию детей, а также та, на основании которой «отрицаются семейные ценности, пропагандируются нетрадиционные сексуальные отношения и формируется неуважение к родителям и (или) другим членам семьи». Реклама – это один из видов информирования граждан, то есть – информация. В то же время именно отношения в сфере рекламы исключены из сферы влияния 436-ФЗ.

Это вызывает недоумение, поскольку именно реклама, например, пенталгина⁹ может быть рассмотрена как элемент пропаганды подглядывания через забор за соседями и воровства, дающего в результате вознаграждение в виде букета роз, поскольку открытое обращение к соседям, видимо, должно быть исключено из наших коммуникаций. Видеосюжеты с рекламой дезодорантов фактически навязывают трансформацию навыков личной гигиены. Особенно увлекательно выглядят афроамериканцы¹⁰, рекламирующие на телеканале «Звезда» дезодоранты с длительным сроком действия. Впрочем, и более «женские» каналы не пренебрегают описанием товаров личной гигиены, которые дают 48-часовой эффект, исключая обращение к водным процедурам¹¹. Напомним констатацию Д. К. Зелени-

---

⁶ Лазолван. Не прячь кашель // YouTube. – 25.01.2022. – URL: <https://youtu.be/Xv8GpF84XsM> (дата обращения: 30.01.2022); Лазолван. Лучшие моменты с вами // YouTube. – 01.12.2020. – URL: <https://youtu.be/ejwwc9LXshE> (дата обращения: 30.01.2022); Лазолван. Не упускайте лучшие моменты из-за кашля! // YouTube. – 04.03.2021. – URL: <https://youtu.be/mtZlpXMqMEA> (дата обращения: 30.01.2022).

⁷ Лаврентьева Л. С. О платке // Перуница : сайт. – URL: <https://www.perunica.ru/tradicii/10134-o-platke-obrjady-i-tradicii-svjazannye-s-platkom.html> (дата обращения: 30.01.2022).

⁸ Реклама Sheba-2017. Шеба: Соппротивление бесполезно // YouTube. – 11.05.2017. – URL: <https://youtu.be/ChwuFVZ5n3g> (дата обращения: 30.01.2022).

⁹ Реклама Пенталгин ЭкстраГель, версия 2 – июль 2020 // YouTube. – 23.07.2020. – URL: <https://youtu.be/Sq84R1OQNqI> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁰ Подборка рекламы Old Spice с Терри Крюсом #1 // YouTube. – 30.06.2015. – URL: https://youtu.be/LV0S_ю9ZCw (дата обращения: 30.01.2022).

¹¹ Дезодорант NIVEA Love – вокруг трещ, внутри фреш! // YouTube. – 15.09.2021. – URL: <https://youtu.be/rjHSVS-GxOM> (дата обращения: 30.01.2022); Реклама Гарньер Нео – эффективность на 48 часов // YouTube. – 09.05.2021. – <https://youtu.be/sAogPw3QA1A> (дата обращения: 30.01.2022); NIVEA fresh – антиперспиранты для длительной свежести // YouTube. – 06.04.2021. – <https://youtu.be/isunLYVOM6U> (дата обращения: 30.01.2022).

на о том, что «чистоту восточные славяне считают признаком в основном не физическим, а моральным... Обычно в каждом доме в углу у печи или у дверей висит умывальник... Рядом с умывальником всегда висит полотенце для вытирания рук (*рус.* рукотёр)... Русский перед каждой едой моет руки; кроме того, все умываются утром, когда встают» [4]. Представляет интерес и еще одна констатация: «В тот момент, когда средневековая Европа привыкла купаться всей семьей и со слугами, используя одну на всех бочку с водой, жители Руси спокойно обливались литрами воды, и такого понятия, как общий прием водных процедур, не было...»¹²

Известное «окно Овертона», как представляется, активно действует и, не исключено, позитивно отражается на мотивации некоторых граждан, которые хотели бы увидеть Россию в роли 51-го штата США или еще одного американского округа. Так, рекламой «палочек Твикс» нас принуждают принимать за основу поведенческих практик ситуации, когда «белый» человек должен в комплексе сервильности выслушивать замечания чернокожей оппонентки и автоматически готовиться «рыдать в подушку»¹³. Более того, удивляет присутствие в рекламных сюжетах, УРД которых выступают зарубежные фирмы (их 46 %), все больше и больше темнокожих героев явно «не российского формата». Кроме этого, не забудем, что реклама, к примеру, вольтарена завершается символикой, коррелирующей как с символикой ЛГБТ, так и с символикой Украины. Нас приучают считать нормой присутствие полуголых девиц в учебных аудиториях, поучающие «тупых профессоров» разбираться в специфике страховок ОСАГО¹⁴, приходить в кинотеатры, чтобы поесть жареную кукурузу¹⁵, кидать в лицо собеседникам съедобные предметы, как герои видеороликов «M&M's»¹⁶, а бабушкам избивать внуков за кусочек «БонПари»¹⁷, воспринимать «McDonald's»¹⁸ как единственное место, где осмысливается сущность понятия «классический», и т. д.

Результат описанной информационной атаки рекламы налицо. «Мяукающее» «Вау!» (Wow) вытеснило нормальное русское «Ого!» даже в комментариях к полету первой съёмочной киногруппы в космос. Видимо, граждане с «Вау!» уже не из России – они уже из 51-го штата. Полуголые «выплывающие сквозь зубы» слова девицы¹⁹ заполняют информационное поле. Содержание сериалов строится на римейках типа «Рая знает» и «Рая знает все», «О чем думают...», не говоря уже об искажениях классики жанров мелодрамы и бестселлера, бесконечных дублей с экстрасенсными патологоанатомами, психологами и психоневрологами, на глазах у зрителей постоянно вскрываются трупы, гибнут люди, а образы героев мужского пола напоминают переросших свои брюки нерешительных подростков,

¹² Гигиена средневековой Руси // DTF. – 22.09.2020. – URL: <https://dtf.ru/flood/215062-gigiena-srednevekovoy-rusi> (дата обращения: 30.01.2022).

¹³ Смешной момент из рекламы Twix Соленая карамель 2021 // YouTube. – 11.10.2021. – URL: <https://youtu.be/AFI8X5sdDfM> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁴ Если ОСАГО, то sraivni.ru. Выберите лучшее! // YouTube. – 12.07.2021. – URL: <https://youtu.be/2TvojVx9Z2k> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁵ Порcorn-среда в KINOPARK! Приходи в кино – получай ведро попкорна каждую среду! // YouTube. – 05.12.2016. – URL: https://youtu.be/n_dhLlGqJM (дата обращения: 30.01.2022); Купил ведро попкорна // YouTube. – 08.11.2017. – URL: <https://youtu.be/pvdzFo0Kabs> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁶ Реклама M&M's 2020. Эмемдемс: Давай в миску // YouTube. – 11.08.2021. – URL: <https://youtu.be/4KA99ZTif48> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁷ БонПари – попробуй отбери! // YouTube. – 17.06.2019. – URL: <https://youtu.be/lrW1FWSdBlc> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁸ Вся реклама Макдоналдс (до 2018 года) // YouTube. – 22.01.2018. – URL: <https://youtu.be/QUj2NJ0Yjhs> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁹ СберМегаМаркет – место выгодных покупок! Реклама Сбербанка – 10 часов подряд // YouTube. – 21.05.2021. – URL: <https://youtu.be/0zBxAB-SK-M> (дата обращения: 30.01.2022).

разрывающихся между абстрактным долгом, любовью и страстью. В это время на детских и не совсем детских каналах идет призыв к роликотомии. Повсеместно предлагается делать видеоролики без комментария по правовой и этической допустимости или недопустимости сюжета. Сравним: для публикации научной статьи каждый журнал дает рекомендации по оформлению содержания. Внедрение же в медиапространство происходит без регламентирующих установок – это поддерживает инициативы амбициозных лиц в устремлениях выделиться любой ценой и за счет любого качества сюжета. Отсюда массированно популяризируются «дани милохины» и «моргенштерны». Аналогичны пропаганда и предложение обучаться современным молодежным танцам. Детские передачи демонстрируют процесс освоения уличных танцев типа локинга, паппинга, дэнсхолла, тверкинга («танца попой») и прочих без комментария о том, что имеются недопустимые варианты даже в танце, где каждое движение имеет смысл. Возникает вопрос: «Яблочко» или элементы национальной танцевальной культуры, например вприсядку, о которых в этих передачах даже «не заикаются», кто-то из обученных новым танцам подростков сможет показать? Традиция первичного освоения нравственных и законодательных азов каждого социального действия разрушается попытками заигрывания и подыгрывания тем, кто малограмотен, но в результате активной поддержки извне расширяет группу сторонников безнравственной агрессии в информационном поле. Это очень наглядно было показано М. Ахмедовой²⁰ при описании откровений недоучек TikTok²¹. Покетбуки – карманные книги за отсутствием интересного и оригинального сюжета у слегка исписавшихся авторов дополняются пошаговыми инструкциями к Камасутре, неловко, но навязчиво трансформируя женский/детективный роман в эротический. Эротический контекст начинает доминировать везде и в невероятном масштабе. Складывается впечатление, что бесчисленные сюжеты, нередко с участием кинодив уровня школьной самодеятельности, режиссируются двумя-тремя людьми, имеющими как минимум 6–7 сексуальных девиаций, но считающих, что об их проблемах должен узнать весь социум, который просто обязан быть одержимым их отклонениями.

Начиная с сюжетов рекламных роликов, продолжается и на более широком информационной поле эпоха, которую можно было бы назвать эпохой принудительной эротизации повседневности. Есть и еще один результат относительно самой уязвимой части граждан – детей. «В 2020 г. было совершено 15 822 преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, что на 7,2 % больше, чем в 2019 г., и на 79 % больше, чем в 2012-м. Из 15 822 преступлений 47 % (7 439) преступлений совершены в отношении лиц, не достигших 14-летнего возраста. При этом 21,5 % (3 030) преступлений были совершены членом семьи, из которых 31 % – непосредственно родителем (937 преступлений). Указанные преступления совершены 7 072 лицами, из которых:

- изнасилования несовершеннолетних (ст. 131 УК РФ) совершили 657 чел. (9,2 %);
- насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) – 1 964 чел. (27,8 %);
- половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет (ст. 134 УК РФ) – 3 705 чел. (52,4 %);

²⁰ Ахмедова М. М. Откровения TikTok // Эксперт. – 01.02.2021. – URL: <https://expert.ru/expert/2021/06/otkroveniya-tiktok/> (дата обращения: 30.01.2022).

²¹ 04.03.2022 г. Роскомнадзор направил письмо TikTok из-за дискриминации российских СМИ, 6 марта TikTok приостановил работу в России из-за новых поправок в российское законодательство (URL: <https://www.rbc.ru/business/06/03/2022/6224ffe79a7947837fc69e7e>).

– развратные действия (ст. 135 УК РФ) – 701 чел. (9,9 %)»²².

К сожалению, ничтожно мало репрезентативных исследований влияния именно рекламной политики на ТВ и в других СМИ на рост агрессивности в обществе, особенно – в среде несовершеннолетних. Отметим, что в течение многих лет ученые обращают внимание на растлевающий характер информационной среды, в которой функционирует социум. Одни исследователи жалуются на давление власти, инициирующей «троллинг, грубое унижение идеологических противников и превознесение мировоззренчески близких, примитивное одобрение действий власти или не менее безыскусная критика властей предрешающих – эти перформативы, имеющие биополитическое значение для социального функционала человека, релевантны для всех медийных пространств вне зависимости от политических и культурных предпочтений конкретных продюсеров и собственников» [2]. Другие пытаются сосредоточить внимание всей страны на том, что имеются уже «федеральные средства информационной войны: пропаганда извращений и растление с 3 лет»²³. Как видим, одни критикуют властные структуры, другие – пропагандистов «секспросвета», но то, что «лежит на поверхности» – каждодневное разрушение умения связно мыслить, воспринимать целостную и достоверную информацию последовательно и логично, формируемое плохо контролируемым процессом рекламной активности, как-то оказывается почти в стороне.

Масса высказываний ученых за пределами критики властных установок остаются «гласом вопиющего в пустыне». Так, О. А. Снежко отмечает, что «в масштабах страны ложная информация, распространяемая, в том числе, с использованием сетевых ресурсов, может рассматриваться как угроза информационной безопасности государства, влиять на принятие стратегических решений и наносить вред правам и свободам граждан... Право на информацию должно отвечать критерию достоверности. В противном случае имманентно связанные с ним конституционные положения могут оказаться декларативными» [7]. В то же время, «по данным Национального рекламного альянса (НРА), динамика российского рынка ТВ-рекламы в I полугодии 2021 г. составила +20 % к аналогичному периоду 2020-го и +9 % к 2019-му. Во II квартале 2021 г. динамика рынка составила +40 % к аналогичному периоду 2020-го и +10 % к 2019 г. Значимые итоги I полугодия:

- доля отечественных рекламодателей на ТВ составила 56 %;
- рекламодатели из категории ТОП-100 увеличили бюджеты на 25 %;
- performance-бюджеты рекламодателей выросли на 34 %;
- категория e-commerce на ТВ демонстрирует практически двузначный рост (+93 %)»²⁴.

Как видим, деятельность этих свободно функционирующих в правовом поле страны агентов весьма успешна. В связи с этим напомним еще один вывод из Доклада Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ: «Количество обращений, поступивших к Уполномоченному в 2020 г. по вопросу защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, по сравнению с 2019 г. увеличилось на 80,4 %. Среди основных проблем, указанных заявителями, выде-

²² Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2020 году. – М., 2020. – 188 с. – URL: <https://cdnimg.rg.ru/pril/article/210/41/07/doklad2020.pdf> (дата обращения: 30.01.2022).

²³ Федеральные средства информационной войны: пропаганда извращений и растление с 3 лет на РИА Новости // Русское агентство новостей. – 29.01.2020. – URL: <http://новости-россии.ru/an.info/новости/федеральные-средства-информационной-войны-пропаганда-извращений-и-растление-с-3-лет-на-риа-новости/> (дата обращения: 30.01.2022).

²⁴ В I полугодии 2021 динамика ТВ-рекламного рынка превысила докризисный уровень // Национальный рекламный альянс. – 01.09.2021. – URL: <http://nra.media/mediacenter/v-i-polugodii-2021-dinamika-tv-reklamnogo-rynka-prevysila-dokrizisnyy-uroven> (дата обращения: 30.01.2022).

ляется нарушение законодательства о персональных данных, о рекламе, зрелищных мероприятиях, запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних и другие вопросы»²⁵.

Укажем также на еще одну дефиницию из 436-ФЗ: «Информационная безопасность детей – это состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию». Обратим внимание на слова – «нравственному развитию». Напомним определение порнографической информационной продукции из того же правового акта: «Информация порнографического характера – информация, представляемая в виде натуралистических изображений или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного». Там же имеется разъяснение о том, что является «натуралистическим изображением или описанием – это изображение или описание в любой форме и с использованием любых средств человека, животного, отдельных частей тела человека и (или) животного, действия (бездействия), события, явления, их последствий с фиксированием внимания на деталях, анатомических подробностях и (или) физиологических процессах».

Все это широкомасштабно представлено в рекламной продукции ВГТРК.

Контроль за этим процессом осуществляет несколько структур. Роспотребнадзор ведет госконтроль за отражением в сопроводительных документах информпродукции сведений, связанных с классификацией «кому можно», а «кому нельзя». Министерство культуры определяет порядок размещения знака информпродукции и (или) текстового предупреждения об ограничении ее распространения перед началом демонстрации фильма при кино- и видеообслуживании, в процессе оборота аудиовизуальной продукции на любых видах носителей и посредством зрелищных мероприятий. Рособрназор не позволяет недопустимой информации «просачиваться» в образовательные учреждения и организации.

Как оказывается, функции по выработке и реализации государственной политики в описываемой сфере осуществляет Минкомсвязи России, которое определяет порядок проведения экспертизы, возмещения связанных с ней расходов, правила размещения знака информпродукции и (или) текстового предупреждения об ограничении ее распространения перед началом трансляции телепрограммы или передачи, требования к административным и организационным мерам, к техническим и программно-аппаратным средствам защиты детей.

Самой действенной «по протоколу» оказывается позиция Роскомнадзора. Роскомнадзор организует экспертизу продукции в целях обеспечения информбезопасности детей, а также аккредитует экспертов и экспертные организации для проведения экспертизы и ведет их реестр. Но, что важно, осуществляет и надзор за злоупотреблением свободой массовой информации. Есть правовая проблема: Роскомнадзор не наделен полномочиями на утверждение требований к экспертам и экспертным организациям, осуществляющим проведение экспертизы информационной продукции.

Представим данные из ежегодного доклада Роскомнадзора.

«В 2020 г., как и в предыдущие годы, наибольшее количество предупреждений вынесено за распространение материалов, содержащих нецензурную брань (44,4 % от общего количества всех предупреждений). Число вынесенных в 2020 г. Роскомнадзором учредителям и редакциям средств массовой информации предупреждений за злоупотребление свободой массовой информации уменьшилось на

---

²⁵ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2020 году.

25 % процентов по сравнению с 2019 г. Стоит отметить, что наибольшее количество направленных в адреса редакций сетевых изданий обращений (90 %), как и в предыдущие отчетные годы, связано с распространением на форумах и в материалах СМИ комментариев, содержащих нецензурную брань (1 309 в 2015 г., 2 065 в 2016-м, 2 721 – в 2017-м, 3 099 – в 2018-м, 2 930 – в 2019 г.). Направлено предписаний в редакции электронных периодических и сетевых изданий, информационных агентств обращений об удалении или редактировании комментариев в СМИ – 2505.

Из них:

- с признаками возбуждения национальной розни – 123,
- с признаками возбуждения религиозной розни – 40,
- с признаками возбуждения социальной розни – 15,
- за размещение комментариев с признаками возбуждения расовой розни – 1,
- за пропаганду порнографии – 37,
- за комментарии, содержащие подстрекательство к осуществлению террористической деятельности – 4,
- за призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации – 4,
- за нецензурную брань – 2255,
- за публичное, заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, являющихся преступлениями, – 3,
- за пропаганду культа насилия и жестокости – 4,
- за пропаганду наркотиков – 15,
- за размещение комментариев, содержащих оправдание терроризма – 4»²⁶.

В этом же докладе отмечено, что «составлено протоколов об административном правонарушении 4 294, наложено административных штрафов (оставлены в силе, в руб.) – 5 595 765»²⁷.

Обратим внимание на то, что со стороны социума только 4 642 обращения граждан (3 %) касались вопросов содержания материалов, публикуемых в СМИ, в т. ч. в электронных СМИ и на интернет-сайтах. Но, как и в материалах докладов предшествующих лет, отсутствует конкретное указание – были ли обращения граждан, как и проверки, направлены на оценку содержания рекламного засилья на телевидении? Это говорит о том, что граждане плохо проинформированы о субъектах, имеющих властные полномочия для предотвращения указанных выше процессов. В то же время в зарубежных странах существуют специальные комиссии, которые жестко регулируют «рекламную вседозволенность». Об их деятельности имеется широкая информация в социуме, что, видимо, поддерживает гражданскую настроенность людей на обращение к ним для защиты своих законных прав и интересов.

Выводы

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информацией признаются любые сведения, независимо от формы их представления. Реклама – вид информации. Ее регулирование должно быть более жестким и шире

²⁶ Доклад «Об осуществлении государственного контроля (надзора) и об эффективности такого контроля (надзора) за 2020 год» / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. – М., 2020. – 293 с. – URL: https://rkn.gov.ru/docs/Doklad_o_goskontrole_2020_1703.docx (дата обращения: 30.01.2022).

²⁷ Там же.

опираться как на мнение ученых, так и на информированность граждан о механизмах защиты их прав и интересов. На примере самой распространенной рекламы – рекламы ЛС – показано, что люди реально становятся жертвами недостоверной рекламы, вводящей потребителя в заблуждение, манипуляции и злоупотребления доверием потребителя и его недостаточными научными знаниями, что нарушает предъявляемое к рекламе требование достоверности. Более того, весь комплекс рекламной продукции должен быть контролируемым, прежде всего на уровне экспертизы, позволяющей установить соответствие навязываемого контента нравственно-этическим нормам в социуме, а также соблюдению задач обеспечения безопасности как граждан, так и страны в целом.

Следовало бы предложить Роскомнадзору инициировать изменения в законодательстве для включения в сферу действия 436-ФЗ отношений в сфере рекламы и обеспечить исключение перевода связанных с этим шагом действий на уровень кликбейтного проекта. Изменения оценки и требований к качеству, времени и месту размещения рекламы, негативно влияющей, прежде всего, на детей, позволит инициировать внесение изменений в целом в законодательство о рекламе и рекламной деятельности на ТВ. Реклама в таких гигантских объемах, как сегодня (по 5–8 минут через каждые 15 минут показа фильма/передачи), «стремительная бегущая строка» наверху и внизу экрана разрушают способность формировать причинно-следственные связи, формирует клиповое мышление. Должен быть введен запрет на рекламу во время показа фильмов для любой возрастной аудитории, детских, исторических и социально значимых передач.

Отсутствие этического контроля и надзора за содержанием рекламных роликов приводит к засилью на наших экранах сюжетов, разрушающих национальные установки на сущность Добра и Зла.

Изменения в 436-ФЗ должны будут отразиться на законодательствах:

– о рекламе, так как нуждается в правовом обосновании специфическое положение телезрителей, которые могут пользоваться бесплатными каналами ВГТРК, расширенными в условиях цифровизации до уровня 98,5 %, только через платные услуги провайдеров;

– о защите прав потребителей, так востребовано правовое осмысление беспрепятства потребителя при принудительном навязывании рекламных услуг, нарушающем конституционное право личности на достоверную и полную информацию, которую не прерывают безнравственно отформатированные сюжеты. Более того, навязывание не заказанной потребителем услуги происходит в условиях, когда отказ от рекламы и защита потребителя от нее должны оплачиваться дополнительно за услуги третьим лицам;

– об иноагентах, так как в 2021 г. национальные рекламодатели составили 56 % от общего количества заказчиков, в то время как реклама от зарубежных производителей товаров даже при размещении и оплате услуг через «третьих лиц в матрешке» содержит неприемлемый для национальных ценностей контент.

В рамках коллегиальной деятельности сотрудников университетов целесообразно продумать возможность исследовательской работы, с помощью которой можно будет опираться на репрезентативные исследования и оценки реальных экспертов как в этике журналистики, и телевидения в частности, так и в оценке социокультурного негативного влияния рекламы на телевидении на человеческий капитал страны.

Список источников

1. Абабкова М. Ю. Этические проблемы рекламы лекарственных средств // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2014. – Т. 9, № 2. – С. 776–782.

2. Арье Е., Мороз О. Российское телевидение как участник информационных войн: проблема производства языка вражды // Векторы развития современной России. От формирования ценностей к изобретению традиций : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конференции молодых ученых, 11–10 апреля 2014 года / под общ. ред. М. Г. Пугачевой. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – С. 9–22.
3. Ежов И. Д. «На грани этики и права»: к проблеме государственного регулирования и саморегулирования рекламной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 12 (394). – С. 26–33.
4. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М. : Наука, 1991. – 522 с.
5. Имаева А. Э., Баланова Ю. А., Концевая А. В., Капустин А. В. Реклама лекарственных препаратов на телеканалах, ориентированных на детей и подростков в Российской Федерации: так ли все безобидно или надо что-то менять? // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2020. – Вып. 19, № 1. – С. 78–84. – DOI 10.15829/1728-8800-2020-1-2406.
6. Кузнецов А. В. Общие требования к рекламе в ряде зарубежных стран // Коммунология. – 2015. – Вып. 3, № 1. – С. 65–69.
7. Снежко О. А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 6. – С. 38–41.
8. Сушкова О. В. Актуальные проблемы и перспективы развития правового регулирования рекламы лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок // Вестник ЮУрГУ. Серия : Право. – 2019. – № 1. – С. 67–76.
9. Трищенко Д. А. Мифология лечения, ее спонсоры и протекторы // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 4. – С. 44–61. – DOI 10.17805/zpu.2018.4.5.
10. Baumann F., Rasch A. Exposing false advertising // Canadian Journal of Economics / Revue d'Canadienne Economique (CJE). – 2020. – Vol. 53, Iss. 3. – P. 1211–1245.
11. Faerber A. E., Kreling D. H. Content analysis of false and misleading claims in television advertising for prescription and nonprescription drugs // Journal of General Internal Medicine. – 2014. – № 29 (1). – P. 110–118. – DOI 10.1007/s11606-013-2604-0.
12. Faerber A. E., Kreling D. H. Now you see it. Now you don't: fair balance and adequate provision in advertisements for drugs before and after the switch from prescription to over-the-counter // Health Communication. – 2012. – № 27 (1). – P. 66–74. – DOI 10.1080/10410236.2011.569001.

Tatyana Vladimirovna Filippovskaya,

Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Social Sphere Economics,
Ural State University of Economics (Yekaterinburg)

Advertising Weeds in the Legal Field

Abstract. The paper explores the legal context of advertising activity on television channels. The author aims to investigate violations of legal norms in an advertising context and to provide suggestions for correcting the situation. The method used was the content analysis of TV shows during 2 months of 2021. The author's conclusion resides in the need to form a set of legitimate measures to exclude false advertising products that harm the mental health of citizens, and, above all, children.

Keywords: violations of law in advertising activity, ethical/unethical advertisement, false advertising, manipulation of consciousness in advertising

Гуманитарная дипломатия и права человека: теория и практика (обзорная статья по итогам круглого стола)¹

Аннотация. В обзорной статье представлены основные идеи и проблемы, которые обсуждались на круглом столе российских и зарубежных ученых и практиков, в том числе: гуманитарная дипломатия как дипломатия «мягкой силы», феномен гуманитарной интервенции, международное гуманитарное сотрудничество, др. Рассмотрены особенности развития современной гуманитарной дипломатии и новые направления развития научных исследований по правам человека.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, права человека, «мягкая сила», гуманитарная помощь, гуманитарное сотрудничество

Современная гуманитарная дипломатия имеет достаточно много векторов формирования и развития и в то же время имеет полимодальный характер. В процессе ее развития, совершенствования, трансформации участвуют государства, межправительственные организации, интеграционные объединения и НПО.

И такое мощное взаимодействие обусловлено тем, что глобальные гуманитарные проблемы можно решить лишь совместными усилиями государственных и негосударственных акторов. Гуманитарная дипломатия основана на классических гуманитарных принципах гуманности, беспристрастности и нейтралитета. В XXI веке она дополняется и обновляется прежде всего принципами уважения и защиты прав и свобод человека и гуманизмом устойчивости.

В соответствии с концепцией «тройной связи» современная гуманитарная деятельность включает не только оказание чрезвычайной гуманитарной помощи, но и миростроительство и долговременные проекты, направленные на развитие и выполнение Повестки дня на период до 2030 г. [4] (Цели устойчивого развития (далее – ЦУР) ООН).

Концепт гуманитарной дипломатии направлен на реализацию сразу целого ряда модулей:

- 1) перцептивного – положительного восприятия на международном уровне страны/международной организации;
- 2) эмоционального – помощи уязвимым слоям населения, заботы об экологии;
- 3) логико-семантического – обеспечения и защиты прав человека, выстраивания межкультурного диалога; предотвращения конфликтов. Тем самым гуманитарная дипломатия – как своеобразный зонтичный концепт – держится на двух фундаментальных столпах: оказании гуманитарной помощи и достижении ЦУР, при этом защита и реализация прав человека – важнейший ресурс для реализации

---

* **Ольга Николаевна Богатырева**, д-р ист. наук, профессор, Департамент международных отношений, директор Центра «Кафедра ЮНЕСКО прав человека, мира, демократии, толерантности и международного взаимопонимания», УрФУ (г. Екатеринбург).

Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, профессор, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет», председатель Свердловского регионального отделения РАПН (г. Екатеринбург).

Ксения Михайловна Табаринцева-Романова, канд. филол. наук, доцент, Департамент международных отношений УрФУ (г. Екатеринбург).

¹ При подготовке обзорной статьи ряд тезисов был представлен на официальном сайте Российского совета по международным делам [4].

данного вида дипломатии, а гуманитарное сотрудничество рассматривается как сложившаяся практика применения/взаимодействия государств [4].

Субъектный подход в гуманитарной дипломатии играет доминирующую роль, поскольку содержание, цели и инструменты гуманитарной дипломатии зависят от того, кто является ее субъектом – гуманитарная организация, интеграционное объединение, универсальная или региональная межправительственная организация.

Эти и другие вопросы и проблемы стали предметами для обсуждения на **круглом столе 15 декабря 2021 г.**, который состоялся в **Уральском федеральном университете им. первого Президента России Б. Н. Ельцина** (далее – УрФУ) в рамках реализации проекта РФФИ № 20-014-00033 А «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

В круглом столе международного уровня приняли участие российские и зарубежные исследователи и практики: Л. Н. Берг, зам. министра международных и внешнеэкономических связей Свердловской области; Рашид Алуаш, ответственный за Совместную программу Российской Федерации и Управления Верховного комиссара ООН по правам человека; А. С. Кушлейко, советник по превентивным программам и руководитель секторов Азиатско-Тихоокеанского региона и Евразии в Департаменте права и гуманитарной политики штаб-квартиры Международного Комитета Красного Креста; Веллингтон Перейра Карнейро, старший советник по правовым вопросам Управления Верховного комиссара ООН по правам беженцев; Т. В. Зонова, д-р полит. наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университета); Е. С. Громогласова, канд. полит. наук, эксперт Российского совета по международным делам; Тиберио Грациани, председатель аналитического центра Vision & Global Trends (Италия); Паскуале Поликастро, профессор Щецинского университета (Польша); завкафедрой прав человека Гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор С. И. Глушкова; канд. юрид. наук, доцент кафедры международного и европейского права УрГЮУ М. А. Лихачев; директор центра «Кафедра ЮНЕСКО прав человека, мира, демократии, толерантности международного взаимопонимания», д-р ист. наук, профессор УрФУ О. Н. Богатырева; доцент кафедры теории и истории международных отношений УГИ УрФУ К. М. Табаринцева-Романова и др. [4].

Также в круглом столе, проходившем в онлайн-формате, приняли участие преподаватели, аспиранты и магистранты УрФУ, Гуманитарного университета, УрГЮУ.

Участники круглого стола (Россия, Италия, Польша, Бразилия, Швейцария и др.) обсудили актуальные проблемы теории и практики гуманитарного сектора современной дипломатии. В ходе дискуссии был выделен ряд теоретико-методологических аспектов в изучении современной гуманитарной дипломатии:

1) гуманитарная дипломатия – это искусство перевода гуманитарных составляющих в политическую и практическую плоскости (советник Департамента права и гуманитарной политики МККК А. С. Кушлейко) [4];

2) гуманитарная дипломатия – это дипломатия «мягкой силы», особая роль в современных ситуациях при решении дипломатических вопросов должна отводиться НПО (профессор МГИМО Т. В. Зонова) [4] и др.

Т. Грациани, председатель аналитического центра Vision & Global Trends (Италия), отметил, что защита прав человека не должна превращаться в столкновение геополитических интересов и не может зависеть от национального «эгоизма» в ее интерпретации и реализации [4]. Наряду с этим, для того чтобы защита прав человека была эффективной в ее осуществлении, даже в дипломатической сфере, как это ни парадоксально, она должна «освободиться» от своей основопо-

лагающей идеологии «гуманитарного права», основанной исключительно на западной интерпретации прав человека, учитывать различные культуры народов, населяющих земной шар, и находить баланс с защитой коллективных прав.

Эксперт Российского совета по международным делам (далее – РСМД) **Е. С. Громогласова** обратила внимание участников круглого стола на то, что гуманитарная дипломатия – это не новая сфера. Данной проблематикой занимались многие, но с позиций, которые были актуальны скорее в прошлом, чем в настоящее время. Например, в работах советских исследователей достаточно часто можно было встретить термин «международное гуманитарное сотрудничество». В него включалось международное сотрудничество в сфере культуры, образования, науки, молодежные обмены, спорт. Появление феномена гуманитарной интервенции позволило понять, что гуманитарная составляющая международных отношений – гораздо более сложная и более межевая для международной жизни, чем об этом было принято думать. Она затрагивает проблемы государственного суверенитета самым непосредственным образом и ставит очень сложные дилеммы с международно-правовой точки зрения. Ведь международное право, как совокупность установленных норм и правил, регулирующих отношения государств в международной системе, тесно связано с морально-нравственными категориями.

По мнению эксперта РСМД Е. С. Громогласовой, концепция гуманитарной дипломатии в настоящее время может быть достаточно объемной, емкой. Она может включать и обязательства по защите людей от различных угроз (рукотворных и нерукотворных), и позитивную повестку (например, продвижение культурных инициатив, образовательные обмены, научное сотрудничество). Вся эта позитивная повестка не потеряла актуальности [4].

Как отметила эксперт РСМД Е. С. Громогласова, пандемия показала всем нам, что угроза незащищенной жизни является всеобщей, глобальной. Угроза чрезвычайного положения, о котором пишет Д. Агамбен, показывая, как в таких условиях возникает и распространяется «голая жизнь», – она актуальна и для отдельных стран, и для мира в целом, в связи с введением ограничений, в связи с обращением государств во все большей мере к внешнеполитическим стратегиям взаимного исключения. В качестве примера можно привести одностороннюю санкционную политику, направленную на демонстрацию собственной суверенной власти и движимой стремлением произвольно наказывать те страны, которые проводят самостоятельный внешнеполитический курс [4].

Профессор **П. Поликастро** (Польша) сделал вывод, что историческая эволюция международных отношений поставила под угрозу реализации возможности расширения правовой защиты людей за пределами отношений гражданства или проживания. Так, Евросоюзу еще не удалось официально оформить свое присоединение к Совету Европы и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод; в европейском дискурсе о свободах и правах доминируют наиболее активные политические силы в Европейском парламенте. Таким образом, смыслы и значения права теряют тот характер всеохватности и всеобщности, который был характерен для интеграционного процесса до Лиссабонского договора, и отдаляются от уважения конституционной идентичности государств-членов, что, как представляется, также гарантируется самим договором. Эти тенденции, которые, по-видимому, распространяются на всю европейскую политику, в настоящее время ставят под угрозу устойчивую защиту природы даже в государствах, не имеющих бюджетных ресурсов, способных покрыть расходы на такие вмешательства.

По мнению профессора П. Поликастро, развитие транснационального гражданства, направленного на защиту биосферы, способствует тому, что государства

будут прислушиваться в своей дипломатической деятельности к гражданскому обществу [4].

Доцент УрГЮУ **М. Лихачев** затронул вопросы прогрессивного развития международного права, эволюции правосубъектности и появления новых субъектов международного права. Он подчеркнул, что современное международное право неизбежно отходит от государственно-центричной модели и территориально очерченного принципа, двигаясь от межгосударственного международного права к праву человечности и человечества.

Профессор Гуманитарного университета **С. И. Глушкова** отметила новые направления развития научных исследований по правам человека:

- 1) правочеловеческий, правопросветительский, правозащитный дискурсы [3];
- 2) новые поколения прав человека (цифровые, соматические, биотехнологические, информационные, коммуникативные, экологические и др.);
- 3) новое понимание и содержание уже известных прав и свобод (например, вместо права на благоприятную окружающую среду – право на здоровую окружающую среду и др.);
- 4) развитие новых категорий в формирующейся междисциплинарной науке прав человека, например таких, как право на права (С. С. Алексеев), возраст прав человека (С. И. Глушкова) и др.

Также она проанализировала одно из актуальных направлений в деятельности ООН, связанное с влиянием цифровизации на права человека, развитием цифровых прав, и отметила, в частности, важность:

- 1) признания права на доступ к Интернету как одного из неотъемлемых прав человека (резолюция Генеральной Ассамблеи (далее – ГА) ООН от 3 июня 2011 г.) [2];
- 2) необходимости защиты прав человека не только в офлайн-, но и в онлайн-среде (резолюция ГА ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» от 18 декабря 2013 г.);
- 3) учреждения в ООН Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству (далее – Группа) 12 июля 2018 г.;
- 4) осознания того, что мы существуем в «век цифровой взаимозависимости», и, наряду с преимуществами от влияния цифровизации на жизнедеятельность общества и государства, надо признать наличие определенного неравенства в сфере цифровых технологий (доклад Группы 10 июня 2019 г.) [1].

С. И. Глушкова обратила внимание участников круглого стола также на важность развития культурной и научной дипломатии.

В целом надо отметить, что на круглом столе состоялось активное обсуждение заявленных вопросов и проблем, достаточно продуктивная дискуссия молодых и опытных ученых и практиков, наряду с этим были обозначены направления новых научных исследований и мероприятий, международного гуманитарного сотрудничества и развития идей гуманитарной дипломатии.

Список источников

1. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 4 (31). – С. 16–28.
2. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие прав человека в условиях цифровизации общества: современные тенденции в цифровой реальности // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10, № 5А. – С. 11–27. – DOI 10.34670/AR.2021.23.96.002.
3. Глушкова С. И., Мартынов К. Э. Современный дискурс прав человека: основные проблемы и противоречия // Дискурс-Пи. – 2019. – № 2 (35). – С. 98–106. – DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.98106.

4. Табаринцева-Романова К. Итоги – рекомендации круглого стола «Гуманитарная дипломатия и права человека: теория и практика» 15.12.2021 // РСМД : сайт. – Блог Ксении Табаринцевой-Романовой. – 11.01.2022. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/kseniya-tabarintseva-romanova/itogi-rekomendatsii-kruglogo-stola-gumanitarnaya-diplomatiya-i-prava-ch/> (дата обращения: 11.01.2022).

Olga Nikolaevna Bogatyryova,

Dr. Sci. (History), Prof., Department of International Relations,
Director of the Centre “UNESCO chair for human rights, peace,
democracy, tolerance and international understanding”,
Ural Federal University (Yekaterinburg)

Svetlana Igorevna Glushkova,

Dr. Sci. (Political Science), Professor, Head of Human Rights Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities, Head of Russian
Political Science Association in the Sverdlovsk region (Yekaterinburg)

Kseniya Mikhailovna Tabarintseva-Romanova,

Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of International
Relations, Ural Federal University (Yekaterinburg)

**Humanitarian Diplomacy and Human Rights: Theory and Practice
(A Review Article on the Results of the Round Table)**

Abstract. The review article presents main ideas and problems discussed by Russian and foreign scholars and practitioners in the roundtable session including: humanitarian diplomacy as a diplomacy of “soft power”, the phenomenon of humanitarian intervention, international humanitarian collaboration, etc. The authors also consider specific features of present-day humanitarian diplomacy and new directions in human rights research.

Keywords: humanitarian diplomacy, human rights, “soft power”, humanitarian collaboration

|| ФИЛОСОФИЯ

Трансформация повседневных практик в цифровой реальности

Аннотация. В цифровой среде самая неизменная часть наших действий – повседневные практики – сегодня не только изменяются, но и маркируют новый статус пребывания человека в гибридной реальности. Следует отметить, что конфигурация практик не формируется стихийно, а является сложным и противоречивым процессом, за которым скрываются фундаментальные трансформации в социальных и духовно-культурных структурах, в культурной и социальной субъектности, изменяющие характер нашей повседневности.

Ключевые слова: повседневные практики, цифровая реальность, партиципаторные практики, коммодификация и эстетизация жизненного мира, гибридная коммуникация

Цифровые коммуникации, сетевые сообщества, виртуальная реальность – это далеко не полный перечень терминов, которые вошли в научный обиход для анализа современности. Характер современной эпохи характеризуется высокой сложностью, противоречивостью и суперсвязанностью, которую Б. Уэллман концептуально определил как «тройную революцию»: социальных сетей, Интернета и мобильных коммуникаций [17]. Мы живем в период технических, «дизруптивных» инноваций, которые ускорили нашу повседневную жизнь, изменили время коммуникации, количество и качество потребляемой информации, привычные формы и практики существования. Вместе с этим изменился и сам человек, который, по мысли У. Митчелла, обрел новый статус «цифрового кочевника», живущего в кочевом электронном мире [7, с. 80].

Цифровая среда проникает в наши рутинные повседневные практики, изменяя, деформируя и создавая их новые конфигурации (потребительские, коммуникативные, трудовые, образовательные и др.). За этим сложным и противоречивым процессом скрываются фундаментальные изменения, происходящие в культуре позднего модерна, в его социальных институтах и отношениях. Целью нашей статьи является анализ того, как сдвиги в цифровой культуре повлияли на наши повседневные практики, на наши социальные связи и взаимодействия и, в конечном счете, на субъективность. Несмотря на то что многие из практик цифровой эпохи стали для нас рутинными, мы всё же осознаем, что находимся в самом начале изменений. Так как результаты влияния цифровых технологий на нашу жизнь далеко не так очевидны, необходима рефлексия, особенно в ситуации, когда нет однозначного положительного или однозначно отрицательного ответа.

Скорость происходящих изменений современной культуры ломает устойчивость и привычность нашего опыта повседневных действий и противоречиво воспроизводится в новых формах практик. Самая неизменная часть наших действий – повседневные практики сегодня быстро меняются и уже не так устойчивы и стабильны, как это было прежде. В этом смысле повседневность не просто пронизана культурными нормами, она «скована» ими, накрепко вписана в современную культуру, переживающую период своего нелинейного и полиформного развития. Безусловно, новый технологический уклад, цифровые технологии влияют и на расширение репертуара практик, и на их гибридную конфигурацию.

Важным следствием цифровизации культуры является трансформация потребительских практик и ролевой модели потребителя. Действительно, потребление

---

* Алла Владимировна Дроздова, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью, проректор по научной работе АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

органично вписывается в рутинную повседневность, являясь способом приспособления (адаптации) к изменившейся ситуации. В доцифровую эпоху концепция культуры потребления оценивалась критично, подчеркивался характер товарно-денежных отношений, связанный с практиками принуждения, властного давления и соблазна (Ж. Бодрийяр). Однако прежняя исследовательская оптика сегодня оказывается не всегда адекватной реальным процессам. Исследователи отмечают, что в развитых обществах прежняя иерархия потребностей демонтируется, и ей на смену приходят плюральные стратегии потребления. Мы видим, как в цифровом мире изменяется логика потребления и потребитель, который привыкает управлять своим временем, плотностью своих социальных контактов, начинает активно использовать цифровые сервисы как для покупки цифровых товаров, так и физических. Сегодня digital-практики предполагают, что потребление цифровых продуктов, услуг или сервисов – это продолженное и постоянно меняющееся действие. Потребительские практики смещаются сегодня в сферы идейного и эстетического потребления. Существенным сдвигом, изменившим практики потребления, стало развитие шеринг-экономики – экономики совместного пользования, экономики сотрудничества и участия. Так, на смену традиционному обмену приходит иная цифровая модель потребления «от пользователя к пользователю», которая ориентирует сетевых акторов на рациональное использование ресурсов, на ответственное потребление и защиту природы. В качестве примера можно привести появление таких интернет-сервисов, как «вторая жизнь вещей», которые помогают людям обмениваться вещами или отдавать их тем, кто в них нуждается, или сервисов совместного использования услуг, позволяющих искать попутчиков для поездок на дальние расстояния. То есть мы имеем дело с усилением «этизации» повседневных практик потребления, когда моральные нормы вовлекаются в потребительское поведение (прежде всего это касается многих сфер потребления от продуктов питания до энергоисточников). С одной стороны, в этих практиках как раз циклично проявляется традиция модерна, предлагающая судить о субъекте с точки зрения этичности его поведения. Но, с другой, в этом нельзя не заметить, что практики современного потребления становятся все более культуральными, связанными с умением наделять продукт определенной культурной ценностью, что выражается в постоянно растущем значении дизайна как составной части потребляемых продуктов и услуг.

Как мы уже отмечали, повседневные практики связаны с потреблением цифровых продуктов от электронных книг, музыки до онлайн-курсов, а также информации, которую пользователь получает через Интернет. Что и позволило Г. Дженкинсу в качестве ключевого момента современности выделить практики партиципации, которые он противопоставил традиционным практикам пассивного медиапотребления [15, с. 10]. Однако выделение партиципаторных практик, воспринятое на первых порах с большим оптимизмом, не привело к их реальному изменению, поскольку большинство людей в Сети остаются потребителями, а не производителями, и в этом смысле цифровые технологии часто работают на закрепление традиционных потребительских практик. По сути, переход к практикам просьюмеризма обернулся «перепроизводством реальности» – миллионными сообщениями пользователей в социальных сетях, что привело к инфляции информации, ее сокращению до простого сообщения – интернет-мема. Не имеющие авторства гифки, коубы стали своеобразным сетевым фольклором, репрезентирующим устойчивые архетипы, редуцируя сложное, не укладывающееся в привычные рамки [5]. Казалось бы, самые передовые способы потребления информации вернули к жизни самые консервативные и архаичные практики, племенные ритуалы коллективной травли и негодования. Современная информационная среда с ее широтой медийного охвата, доступом к любому публичному высказыванию ока-

залась переполнена такими феноменами, как троллинг, спам, кликбейт, фейки. В ситуации синтеза практик производителя и потребителя привычными стали разговоры о медийных манипуляциях, фейковых новостях, недоверии к источнику информации. Но при этом коммуникационные сети, с их поляризованными рынками мнений и эхо-камерами, производят только ту информацию, в которую потребитель хочет верить, даже если она сомнительна или откровенно лжива. Как отмечает Э. Паризер, с развитием цифровых технологий происходит персонализация потребностей и предпочтений, в результате чего соответствующие алгоритмы конструируют не только потребительские практики, но и потоки информационных сообщений, определяют то, «какие видео мы смотрим, в какие рестораны должны ходить, каких потенциальных партнеров встретим в службе онлайн-знакомств» [9, с. 19].

Таким образом, цифровые коммуникации стали новой потребительской платформой или, по словам Л. Болтански, «сетевым миром нового духа капитализма» [2], который проникает в частные, повседневные практики человеческого существования. Как уже было сказано выше, их эмансипация связана с эстетизацией и коммодификацией символической и материальной сферы общества позднего модерна, с его переходом в новое качественное состояние, названное «обществом переживаний» [10] или «экономикой впечатлений». В последние десятилетия мы переживаем своего рода универсализацию стратегии сентиментализма, который делал акцент на чувствах и подлинных переживаниях, причем эта способность перестала быть уделом элиты, а стала массовой практикой. Более того, сфера эмоционального стала полем деятельности разных экспертов, от поп-психологов до разработчиков алгоритмов приложений, посвященных отношениям и эмоциям. В этом контексте современные потребительские практики стали связаны с эмоциональным опытом, который исследователи Ева Иллуз [14], Арли Хохшильд [13] называют «эмоциональным режимом», то есть системой эмоционального поведения. Согласно Е. Иллуз, новая жизненная модель характеризует специфику современного постиндустриального общества, определяемого исследователем как «эмоциональный капитализм», который объединяет рыночное разнообразие языков, позволяющих говорить о себе. Прежняя парадигма рационального потребления товаров и услуг в современном обществе начала вытесняться эмоциональными потребительскими практиками, основанными на переживании (как известно, покупая что-либо, мы приобретаем чувство, а не просто вещь). Одновременно с этим эмоции становятся способом получения прибыли, на эмоциях работает реклама, социальные сети и политика. В эмоциональный мир всё больше вторгается логика экономической эффективности, логика получения выгоды. Так, Д. Пайн и Д. Гилмор в своей работе «Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена» [8], прежде всего ориентированной на маркетинговые задачи, фиксируют изменение потребительской ориентации. Чтобы продать товар, необходимо проникнуть во внутренний мир покупателя, именно поэтому товар должен быть максимально персонализированным. Вместе с тем и сам режим выбора товара становится главной практикой, позволяющей потребителю реализовывать свое стремление к удовольствию и счастью. Сегодня от него требуются специфические компетенции, связанные с ощущениями, вкусом, запахом, умением разбираться в том, что когда-то было практикой для избранных. Поэтому сегодня мы наблюдаем массовый бум разного рода культурных «знаточеств»: умение разбираться в аутентичной кухне, в сортах кофе, пива или риса, что формирует целые потребительские рынки.

Чувственный опыт сегодня связан с акселерацией эстетического переживания и эстетизацией жизненного мира. Следует отметить, что сфера эстетического в современной культуре существенно расширилась, эстетический характер приоб-

рели те стороны жизни, которые прежде никак не подпадали под категорию «художественного». Многие из них – дизайн интерьера, мода, сетевая фотография, видеоролики, спорт, медиа, политика – стали «наряжаться» в эстетические одежды, и вместе с этим элементы повседневной жизни стали объектами эстетического переосмысления. Сегодня очевидно, что эстетизация культурного пространства тотальна и повсеместна, она распространяется на поведение людей, жизненное пространство, сообщества, коммуникацию, общественные процессы и стратегии и тактики повседневных действий. Если проанализировать визуальный контент разных социальных групп, сетевую коммуникацию, музыку, сериалы, мемы, то очевиден переход от иронии постмодерна к миру человеческих чувств – ключевыми становятся концепты «новой искренности» или «новой чувствительности». Социальные сети стали площадкой, где пользователи публично рассказывают о личных историях, они не боятся признаться, что могут быть одиноки, несчастны, пьют антидепрессанты или страдают от безденежья. Парадоксально, что именно в сфере эмоциональности мы находим пересечение сфер культуры, общества и экономики. Сфера личного начинает мыслиться в рамках социальных структур, именно поэтому персональные истории, личные переживания в эпоху «экономического капитализма» становится инструментом для развития личного бренда, и современный рынок обнаруживает тенденцию к коммерциализации человеческих чувств.

Развитие эмоциональной стороны нашей жизни напрямую связано со стремлением современного человека, да и многих социальных групп, к аутентичности и оригинальности. Социолог А. Реквиц определяет современное общество как «общество сингулярностей» [18], в котором, по его мнению, логика универсального сменилась логикой уникального, единичного и неповторимого. Более того, сегодня претензия на статус «особенного» является не просто субъективно желаемой, но и социально ожидаемой нормой.

Социальные сети сегодня стали хорошей сценой, чтобы поделиться своей уникальностью. В современной онлайн-коммуникации это важный инструмент предъявления себя, когда пользователь через цифровые микропрактики – «следы» и «тени» разыгрывает свою неповторимость. Построение собственной биографии теперь рассматривается индивидом как проект повседневной «счастливой жизни», состоящий в демонстрации своих путешествий, своего жилья, еды. Пример тому – Instagram¹, где ценится привлекательность и аутентичность. Субъект позднего модерна занят не только самореализацией, но и тем, чтобы продемонстрировать вовне свою подлинную и привлекательную жизнь, которую все должны увидеть. Более того, современная позитивная психология закрепляет принцип: «плохие эмоции – это плохо в целом и плохо для отдельной личности; хорошие эмоции – это хорошо в целом и хорошо для отдельной личности» [12].

Отныне пользователь и его опыт являются центральными, что предполагает новый тип жизненной стратегии и практик, призывающий прожить эмоционально свою жизнь здесь и сейчас. Именно поэтому важной характеристикой произошедшего изменения в повседневных коммуникативных практиках стало «производство самости», создание «версии себя». Если в традиционных медиа самопрезентация была уделом знаменитостей и политиков, то сейчас каждый желает быть вовлеченным в публичную сферу интернет-пространства. Пользователи строят свой образ и конструируют свою идентичность при помощи лайков, различных профилей, картинок, тем самым заботясь о росте своей аудитории. Иными словами, с помощью онлайн-инструментов происходит одновременное представление себя и как персонажа, и как спектакля, а в качестве реквизита и костюмов «жи-

---

¹ Запрещенная в РФ экстремистская социальная сеть (с 21.03.2022 г.).

тель» социальных сетей использует визуальные репрезентации. «Сцена» социальных сетей помогает частному лицу быть встроенным в мир и осознавать свою частную жизнь как предмет общественного внимания и интереса.

В целом использование практик «представления себя другим» в повседневной жизни, как отмечает Д. Маршалл, указывает на переход от репрезентативной к презентативной культуре [6, с. 146]. Нельзя не согласиться с автором, что эти практики разнообразны, имеют разные уровни, и в связи с этим требуются новые инструменты их анализа. В доцифровую эпоху И. Гофман рассуждал о «драматургическом Я», когда каждый участник взаимодействия занят театральной самопрезентацией [3]. Как оказалось, ничего нового в этом нет, практики самопрезентации всегда были частью повседневной жизни. Только теперь эта инсценировка самого себя в цифровой коммуникации доходит до крайностей, повседневная жизнь документируется непрерывно. Возникает ощущение, что в презентации себя нет никаких пробелов, что все подробности рутинной жизни документированы. Другими словами, в практиках самопрезентации зафиксирован процесс становления «я-центрированного» (Э. Гидденс) общества, процесс индивидуализации и упадка традиционных общественных форм. Однако вряд ли происходящие изменения можно считать концом сообщества, но, безусловно, это сдвиг в сторону реструктуризации социальных отношений, в том числе сильных культурных и личных связей на основе индивидуальных интересов и ценностей.

Развитие социальных сетей вызвало к жизни множество коммуникативных практик, которые дополнили, а в некоторых случаях заменили традиционные формы офлайн-взаимодействия. Именно поэтому важно проанализировать, как изменились «протоколы коммуникации», правила и нормы между различными локальными «Я», существующими в сетевом мире [4, с. 55]. В онлайн-среде по-новому стала происходить настройка своей анонимности и личного участия в коммуникации, поскольку у пользователя появилась возможность общаться посредством лайка, банить, включаться или выключаться из общения, отсрочить сообщение во времени. Например, в новых условиях пандемии, когда все коммуникации были большей частью в онлайн, наибольшее изменение претерпели практики, которые в офлайн-жизни были ритуализированы. Именно новые Zoom-мероприятия, для которых не существовало готовых выработанных правил общения, стали теми площадками, где эти правила начали формироваться. В условиях современного кризиса произошла акселерация онлайн-практик: солидарности и заботы, цифрового опыта присутствия, расширились практики самообразования и цифровой грамотности. Нехватка непосредственного общения привела к тому, что в социальных сетях стали возникать как сообщества взаимопомощи – цифровое соседство, так и надзора, слежения, то есть своеобразного мониторинга действий друг друга. Особенно в период пандемии пользователи хотели, чтобы с ними разделили досуг; так, в онлайн стали возвращаться практики «домашних посиделок», которые, казалось, были уже утрачены в офлайн-жизни.

Развитие новых средств коммуникации связано не только с развитием коммуникативных практик, но и с появлением новых барьеров коммуникации, принципиально других, нежели в доцифровую эпоху. Происходит изменение культуры общения – усложнение доступа к личному пространству: теперь, чтобы позвонить, необходимо в переписке уточнить время, удобное для разговора. Конечно, дело не только в использовании гаджетов и множества каналов коммуникации, это симптом более фундаментального процесса: неготовности к прямому, телесному и непосредственному общению между людьми. В беспроводном мире сенсорная коммуникация выглядит как атавизм. И мы видим, как в эпоху пандемии обострились эти социальные процессы. Немецкие исследователи А. Хеллгерман и Ю. Лис отмечают: «Коронавирусному кризису необходим субъект, хорошо зна-

комый нам из неолиберальной повседневности: атомизированный, изолированный, предоставленный сам себе... тот, кто реализует свои социальные контакты, не покидая своего дома, своей квартиры, своего места перед монитором... и именно этот неолиберальный цифровой субъект лучше всех справляется с капиталистической повседневностью – не только в ходе пандемии, но и в целом» [16].

На смену событиям касаний (тач-событиям) приходит голосовое управление при помощи технологий искусственного интеллекта Гугл-ассистент, Алисы, Алексы или Сири, которые стали востребованными виртуальными партнерами коммуникации и начали влиять на ценностные приоритеты пользователей. И если голосовые помощники укрепляют коммуникативные стереотипы и клише, то появление многочисленных приложений для мониторинга настроения, самочувствия и здоровья, для знакомства и заработка побуждают нас принять эти клише в качестве руководства нашей жизнью. Некоторые из таких «терапевтических» чат-ботов предлагают пользователю вести дневник, заполнять тесты и тем самым отслеживают настроение, «помогают чувствовать себя лучше» и даже справляться с расставанием и утратой (реклама приложения Mend обещает, что является «персональным тренером для разбитого сердца»). Как справедливо отмечает П. Аронсон, «само наличие такого числа технологий, направленных на стремление к счастью, делает это стремление обязательным» [1, с. 135]. Вполне возможно, что эти цифровые приложения-помощники не только изменяют взаимодействие людей друг с другом, но и могут ограничить разнообразие способов общения и способов мышления, стать своеобразной цифровой доксой, если пользователи не научатся критически относиться к ним.

Таким образом, повседневные практики в цифровой среде, структурирующие сферы «жизненного мира» человека, не только расширяются, но и изменяются, маркируют новый статус пребывания человека в гибридной реальности. Эта новая цифровая среда не изолирована от всех прочих сред, в которых существует человек, и мы находимся в ситуации диалога между практиками онлайн и офлайн. Практики цифрового присутствия организованы вокруг идеи уникального, сингулярного «я» как основы культуры позднего модерна. Данная модель имеет символическую структуру, образность, идеологию и закрепляется в повседневных практиках, которые обретают свою нормативность и репрезентируют новые правила пребывания в цифровой реальности. И здесь необходимо помнить, что конфигурация практик является сложным и противоречивым процессом, за которым скрываются фундаментальные трансформации, сильно изменяющие нашу повседневную реальность.

Список источников

1. Аронсон П. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. – М. : Индивидуум, 2021. – 192 с.
2. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 976 с.
3. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 302 с.
4. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич, А. А. Архиповой под науч. ред. А. И. Черных. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2020. – 592 с.
5. Ловинк Г. Критическая теория Интернета / пер. с англ. Д. Лебедева, П. Торкановского. – М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 304 с.
6. Маршалл Д. Продвижение и предъявление себя: селебрити как символ презентационных медиа // Логос. – 2016. – Т. 26, № 6. – С. 137–160.
7. Митчелл У. Я плюс плюс: человек, город, сети / пер. с англ. Д. Симановского. – М. : Strelka Press, 2012. – 328 с.

8. Пайн Д., Гилмор Д. Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / пер. с англ. и ред. Н. А. Ливинской. – М. : Изд. дом «Вильямс», 2005. – 299 с.
9. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / пер. с англ. А. Ширикова. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.
10. Шульце Г. Производят впечатления [Электронный ресурс] : интервью // Esquire. – 2011. – URL: <http://esquire.ru/events> (дата обращения: 05.06.2021).
11. Bruns A. Blogs, Wikipedia, Second Life, and Beyond: From Production to Prodsusage. – Peter Lang Inc. : International Academic Publishers, 2008. – 418 p.
12. Cabanas E., Illouz E. Manufacturing Happy Citizens: How the Science and Industry of Happiness Control our Lives. – Polity Press, 2019. – 260 p.
13. Hochschild A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. – Berkeley : University of California Press, 1983. – 327 p.
14. Illouz E. Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help. – University of California Press, 2008. – 304 p.
15. Jenkins H. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / John D. and Catherine T. MacArthur Foundation. – Chicago, 2006. – 72 p.
16. Lis J., Hellgermann A. Universale Solidarität: Wider die Feindeslogik des Ausnahmezustands // Feinschwarz.net. – 21.03.2020. – URL: <https://www.feinschwarz.net/universale-solidaritaet-wider-der-feindeslogik-des-ausnahmezustands/> (access date: 05.06.2021).
17. Rainie L., Wellman B. Networked: The new social operating system. – Cambridge, MA : MIT Press, 2012. – 376 p.
18. Reckwitz A. Die Gesellschaft der Singularitäten. Zum Strukturwandel der Moderne. – Berlin : Suhrkamp, 2017. – 480 s.

Alla Vladimirovna Drozdova,

D. Sci. (Culturology), Assoc. Prof., head of Advertising and Public Relations chair, Vice-Rector on Research and Development, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

The Transformation of Everyday Practices in Digital Reality

Abstract. In the digital environment, the most routine part of our actions- everyday practices – do not only change but also mark a new status of man’s being in a hybrid reality. It is worth noting that the configuration of practices is not shaped spontaneously. It is a complicated and contradictory process that conceals fundamental transformations in social and spiritual-and-cultural structures, in cultural and social subjectivity that modify the nature of today’s everydayness.

Keywords: everyday practices, digital reality, participation practices, commodification and aestheticization of the existential world, hybrid communication

Танц-перформанс: между танц-театром и художественными практиками современного танца

Аннотация. В статье рассматривается российский танцевальный перформанс 1990-х – 2010-х гг. как специфическая и актуальная форма художественной рефлексии, возникшая связи с активизацией развития современного концептуального танца и форм танц-театра с начала 1990-х. Примеры отечественного танц-перформанса представлены в контексте общекультурного перформативного поворота и с точки зрения перформативной эстетики. Подчеркнуты связь и различия с танц-театром, а также актуализация и обновление отечественного танц-перформанса в связи с новыми стратегиями художественных практик современного танца.

Ключевые слова: (танц)перформанс, перформативный поворот, contemporary dance, танц-театр, танц-художник, художественные практики современного танца

Обосновывая неизбежность появления перформанса, Э. Фишер-Лихте, одна из влиятельных теоретиков этой формы художественной рефлексии, говорит о том, что во второй половине XX века стало очевидно: упования эпохи Просвещения на «расколдовывание мира» и «бесконечное совершенствование человека», благодаря развитию науки и технического прогресса, не оправдались. И по-прежнему, как и когда-то, «человек не способен управлять “незримыми силами”, присутствующими в мире» [15, с. 374]. Она считает, что художники осознали эту ситуацию раньше ученых (которые пришли к этим выводам в конце XX в.). В созданном ими на излете модернизма перформансе, с его мультидисциплинарностью, принципиальной непредсказуемостью, размыванием не только жанровых границ, но и любых дихотомий, в том числе – искусства/жизни, возникает ситуация, позволяющая «как актерам, так и зрителям осознать невозможность контролировать развитие событий» [Там же, с. 375]. То есть осознать неустойчивость собственного положения в сложноорганизованном современном обществе, когда децентрированный (постмодернистский) субъект воспринимается как объект, испытывающий на себе воздействие самых разных сил.

Российский танцевальный перформанс появляется в начале 1990-х гг.¹ Он возникает на волне приобщения к новым формам американского и европейского contemporary dance², танц-театра³ и, шире, – актуального современного искусства,

---

* **Наталья Валерьевна Курюмова**, кандидат культурологии, доцент кафедры хореографического искусства и художественной культуры АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург). E-mail: currently63@yandex.ru

¹ Сейчас принято говорить о трех периодах российского современного танца. К первому относят экспериментальное творчество студий свободного движения и пластического, а также ритмопластического танца 1910–1920-х гг.; открытия в области пластики и движения советского авангардного театра (биомеханика, танцы машин и т. п.); опыт обновления классической лексики балетмейстерами-новаторами примерно того же периода; ко второму (очень условно) – расцвет интереса к искусству пантомимы и пластическому театру с конца 1950-х до конца 1980-х гг.; и третий, который был связан с появившейся возможностью культурного обмена и который был ориентирован на европейские и американские идеи и техники, сложившиеся в XX в. на Западе.

² Концептуальный современный танец, нацеленный на исследование возможностей человеческой телесности, многовариантной работы тела с пространством, представляет целый конгломерат техник и направлений.

информация о которых стала доступной⁴. Близкий ему формат танц-театра в этот период получил большее распространение, затем, худо-бедно, институализацию, – и это понятно. Во-первых, при всей своей новизне, танц-театр представлял более знакомый формат: накануне перестройки очевидным был интерес к бессловесному (и потому уходящему от навязываемых идеологических стандартов) пластическому театру, выросшему из возобновления интереса к авангардным театральным тенденциям 1910–1920-х гг. и на волне увлечения разрешенной в СССР пантомимой⁵. Принципиальным отличием была всё же нацеленность деятелей танц-театра на результат – в виде законченного композиционно спектакля, в котором формулировался (хотя не так прямолинейно, как это было принято в советском сюжетном балете, иносказательно, иногда даже – косноязычно) некий месседж. Кроме того, авторы постановок традиционно рассчитывали на ответную эмоциональную реакцию, сопереживание или даже потрясение со стороны зрителя; им был необходим сценический формат, срететированная труппа, хотя бы минимальное техническое обслуживание и т. п. Те же, кому важнее был сам процесс работы с телом, движением в пространстве и исследованием/накоплением все новых внутренних состояний от движения, с одной стороны; поиск новых, нетрадиционно-театральных видов коммуникации со зрителем, от которого теперь требовалась большая действенность, самостоятельность, с другой – двигались по пути танцевального перформанса. Работа вне сценической площадки, отмена композиционной строгости, внятной смысловой артикуляции и, как правило, виртуозного танцевания делали это направление более маргинальным, привлекательным для более узкого круга зрителей – особых, «посвященных». Последних к перформансу привлекал именно формат – как бы ускользающий из-под «властных структур» хорошо сделанного спектакля, выводящий акт творчества за пределы «товарности», попадания в культурный мейнстрим. В пуле отечественных танц-перформеров первой волны можно представить достаточно большое количество имен⁶.

Один из самых ранних перформ-проектов (начало 1990-х гг.), московский проект «Театр Сайры Бланш»⁷, костяк которого составляли теперь международно

---

³ Жанр крупной сценической формы, объединяющей современные танцевальные и театральные практики, коллажирующий событийные фрагменты относительно некой общей темы, использующий не только танцевальные движения, но и повседневные, заурядные действия; использующий симультанно речь, музыка, визуальное оформление. Возник в Германии в творчестве представителей немецкого экспрессионистского танца, «матричные» черты приобрел в постмодернистскую эпоху, в творчестве выдающегося хореографа и режиссера Пины Бауш (1940–2007).

⁴ Это не отменяет попыток отдельных художников и артистов создавать перформансы (правда, еще не танцевальные, но задействующие телесную фактуру), в СССР (здесь много чего можно вспомнить, например музыкальные хеппенинги (выступления «Поп-механики»), организуемые музыкантом Сергеем Курехиным (1954–1996)).

⁵ Повальный интерес к пантомиме в СССР связан с рядом факторов: знакомством с творчеством молодежных зарубежных коллективов пантомимы в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957), а в 1961 г. с «первоисточником» – новой французской школой пантомимы благодаря первым гастролям артиста М. Марсо в СССР и др.

⁶ Среди представителей первых, «героических» поколений российского contemporary – москвичи «По.В.С.Танцы» («Почти внутренне свободные танцы»), основанные А. Конниковой и А. Альбертсом; Тарас Бурнашев и его проект «Онэ Цукер», Олег Сулименко, организовавший лабораторию перформанса и импровизации «Сайра Бланш» (все они в свое время прошли через «Класс экспрессивной пластики» Г. М. Абрамова), ученик Гедрюса Мацквичюса, перформер Андрей Андрианов; петербуржцы Нина Гастева и Михаил Иванов («Игуан-танц-театр»), сюда следует отнести и феномен ярославского движения контактной импровизации, лидером которого долгое время являлся психолог, педагог и перформер Александр Гиршон, новосибирский «Вампитер».

⁷ Театр принимал участие во множестве проектов и фестивалей современного искусства и танца в России, Европе и США.

признанные артисты, перформеры, постановщики Олег Сулименко и Андрей Андрианов, работали в разных средовых контекстах (в том числе гараж, заброшенные постройки и т. д.) в неброском для привыкшей к эффектам публики формате воркшопа. По возможностям исследования техники контактной импровизации. Сами себя они называли представителями «мужского интуитивного дуэта, в котором два человекоподобных организма исследуют и обживают незнакомую окружающую среду»⁸.

Питерский проект «Игуан»⁹ был создан работавшими дотеле в пантомиме Ниной Гастевой и Михаилом Ивановым в 1995 г. Фирменный знак «Игуана» – работа в манере элегантного, ненавязчивого стеба, разрушающего обывательские стереотипы. Так, в «Love in supermarket» (2009) они словно развивали цитату из манифеста Алана Капроу «Образование не-художников» [9]. В этом тексте основоположник хепшенинга обосновывает превосходство повседневности над любым художественным явлением, а сомнамбулические движения покупателей в супермаркете находит гораздо более выразительными, чем любые инновации современного танца. Для создания перформанса они отправились в один из оживленных питерских ТЦ супермаркетов, где пытались танцевать, безупречно выразительные в каждом жесте и позе (до удаления с площадки – целых 20 минут!) и снимать происходящее на видео.

В Екатеринбурге, среди наиболее последовательно работавших и работающих в данном направлении артистов, стоит назвать Наталью Левченко¹⁰ и Екатерину Жаринову¹¹. Н. Левченко начала заниматься перформансом еще в конце 1990-х гг. Самая недавняя ее работа (в коллаборации с двумя танцовщицами, а также – диджеем, известным рэп-поэтом и еще одним известным танцовщиком) – перформанс «УУУ» (2020), представляемый на площадке Уральского филиала Пушкинского музея ГЦСИ-Екатеринбург. Работа возникла в результате ежедневных практик аутентичного движения и метода Фельденкрайза: по словам самих участниц, «они исследовали Уральскую Угрюмость и искали внутреннюю Улыбку». Многокомпонентная сайт-специфичная работа, при всей серьезности, вовлеченности в процессы обживания пространства, телесного взаимодействия, непонятных действий (например, навьючивания на себя фуфаяк, штанов и прочей одежды, сваленной в центре танцевального пространства в кучу, а потом – обратного разоблачения) несет признаки глубоко скрытой постмодернистской иронии. Или скрытой уральской угрюмой улыбки: ее уже трудно скрывать, когда, наконец, позволившие себе блески, улыбки, гламур артистки отдаются неконцептуальному, но самому настоящему, самозабвенному танцу в ритмах диско. Екатерина Жаринова в своих перформансах (соло или в коллаборациях) разрабатывала приемы американского постмодерн-танца. Это означало освобождение от всего накопленного в тот момент танцевально-лексического багажа и создание новой лексики на основе тех или иных движеческих алгоритмов. Так, например, в перформансе «Алгоритмы. Анаморфозы. Аномалии» (2012) белые одежды перформерш (их двое), рисующих

⁸ Театр «Сайры Бланш» 15 лет спустя. Аккаунт в «ВКонтакте»: <https://vk.com/club33382673>.

⁹ В настоящий момент – участник международных фестивалей современного танца в Европе, Африке, Америке и в России. Лауреат фестиваля Fringe (Пермь); премия Upstream международного фестиваля ЦЕХ (Москва). Неоднократный номинант премии «Золотая маска».

¹⁰ Наталья Левченко, художественный руководитель неоднократного номинанта национальной театральной премии «Золотая маска» «Команда современного танца «Киплинг» (1992–2009), с начала 2000-х работает как педагог соматических практик и как свободный перформер.

¹¹ Екатерина Жаринова, организатор Малоформатного фестиваля современного танца в Екатеринбурге (2009–2016); хореограф, независимая танцовщица, выпускница Школы современного танца Екатеринбургского центра современного искусства. С 2000-го по 2005 г. входила в труппу театра «Провинциальные танцы»; в 2016-м, по окончании факультета театра и танца в The George Washington University (США), получила степень магистра изящных искусств (Master of Fine Arts).

математические формулы на белых полосах бумаги, а затем – претворяющих их в движения, подчеркивают нейтральность, «нулевость», с которых они начинают движение. В финале же, словно придя в состояние некоего творческого инсайта, исполнительницы разбрызгивают цветную гуашь из баночек на белые листы.

В начале уже совсем другой эпохи, 2010-х гг., в Екатеринбурге о себе заявил дуэт выпускников факультета современного танца «Zonk'a» (Анна Щеклеина – Александр Фролов). Помимо создания танц-спектаклей дуэт¹² активно и продуктивно действовал в формате танц-перформанса. В частности, в конце декабря 2021 г. Александр Фролов, также на площадке экс-ГЦСИ-Екатеринбург, представил инсталляцию-ретроспекцию «Тело. Отпечаток», отсылающую к более раннему перформансу дуэта, «Место» (2013). Тогда – конфликтное мучительное, но мгновениями – окрыляющее движение друг к другу двух людей совершалось в их взаимодействии с огромными листами крафт-бумаги. В бумагу заворачивались, ее мяли, рвали, делали из нее своих двойников-симулякров. Шуршание и шелест бумаги были фактурным акустическим сопровождением происходящему; приобретаемые ею странные формы – осязаемой метонимией тел перформеров. Нынешняя инсталляция направляла посетителей к рассматриванию фото-, видеозаписей, объемных фигур из крафт-бумаги – заархивированному «телу» спектакля. Диалог автора с самим собой, записанный и транслируемый, свидетельствовал о глубоко личном опыте перформера (начатого, по его словам, с момента рождения) «по осознанному возвращению к собственному телу». Без этого осознания, без воссоединения со своим телом, по мнению Фролова, – человек остается лишь пустой оболочкой – как смятый лит крафтовой бумаги.

В том же 2021 г. Анна Щеклеина стала номинантом «Золотой маски» с перформансом «Новая земля», созданном для Платоновского фестиваля в Воронеже с танц-труппой Камерного театра и осуществленном на пляжной насыпи Петровской набережной. Противостояние людей и природы происходило наяву (разразилась гроза). «Под барабанную дробь сама Анна читала отрывки из ранних произведений Платонова. Отчаянный танец танцоров труппы Камерного театра – фактически битва, акт сопротивления стихии. Они как будто “выросли из песка”, из самой земли, вытянулись во весь рост и начали бой за свое место под солнцем, размахивая красными флагами. Такими [автор] увидела людей будущего» [12].

Вся описанная выше деятельность отечественных танц-перформеров находится в русле так называемого «перформативного поворота», обозначившегося на рубеже 1960–1970-х гг. на Западе, связанного с появлением нового мультидисциплинарного направления гуманитарной науки «performance studies» (исследования перформативного). Парадигмальный сдвиг затронул самые разные социальные и гуманитарные дисциплины; он был нацелен на изучение человеческих практик и того, как индивидуальное поведение определяется контекстом. Любое действие человека, в любом месте и в любое время, рассматривается здесь как публичная «самопрезентация». По одному из основоположников данного направления, Ричарда Шехнера¹³, этот подход можно сформулировать так: «Мир больше не книга, которую можно прочесть, но перформанс, в котором можно принять участие» (цит. по: [6]). В своей книге «Теория перформанса» Шехнер [17] уравнивает в правах художественные и социальные практики. «Важным аспектом концепции Шехнера является намерение избежать в своих исследованиях эстетических предпосылок и обосновать перформативные исследования как дисциплину, близкую

¹² В 2021 г. дуэт, трижды номинант Национальной театральной премии «Золотая маска», прекратил свою деятельность как единый коллектив.

¹³ В 1967–1980 гг. режиссер нью-йоркского экспериментального театра The Performance Group; один из основателей отдела Перформанс Школы искусств Тиша Нью-Йоркского университета.

социальным наукам» [6]. Под перформансом в широком смысле слова исследователь понимает особый вид поведения и взаимодействия людей. Важным качеством этого поведения является неприятие идеологической нейтральности, что предполагает активное участие «перформеров» в социально-политической жизни сообщества. Это означало формирование, на время действия, сообщества перформеров и зрителей-участников, альтернативного повседневному существованию в системе, пронизанной микрофизикой власти. «В “Дионисе”¹⁴ участие в спектакле происходило по демократической модели, то есть зрители, вовлеченные в действие спектакля, имели возможность делать всё то, что делали перформеры, и становились... частью спектакля» [15, с. 72].

В контексте художественной и театральной критики перформативный поворот означал появление особого направления, изучающего перформанс и актуальное обновление господствовавшего прежде семиотического подхода. Ключевые книги по теории перформанса (как художественной практики) появились на Западе в 1980–90-х гг.; русскоязычному читателю они стали доступны не так давно. Одной из первых стала книга Роузли Голдберг, американского историка искусства, арт-критика и куратора «Искусство перформанса» [5]. Автор стремится проследить историю арт-перформанса начиная с эпатажных акций футуристов, дада и сюрреалистов – через хеппенинги, художественно-политические акции и практики концептуального искусства 1960-х гг. на Западе – вплоть до институализации перформанса. Она наступает в связи с принципиально меняющейся в начале XXI в. стратегией музеев и галерей, которые превращаются из «хранилищ» и мест созерцания признанных произведений искусства – в активно взаимодействующие с разными группами общества культурными центрами, презентующими актуальные процессы в искусстве. Голдберг одна из первых вписывает в эту историю и российских художников (от «Коллективных действий» – до Олега Кулика, Александра Бренера, «Синих носов» и т. д.). Обобщая большой эмпирический материал, автор пишет о том, что перформанс – это свободный, ничем не ограниченный, провокативный жанр «с бесконечным числом переменных, где исполнители – художники, которым надоело втискиваться в рамки более традиционных видов художественной практики и которые твердо намерены донести свое искусство до публики напрямую» [Там же]. Говорит она и о телесной, хаптической стороне перформанса, столь важной и в перформансе танцевальном: «Присутствие живого художника и акцент на его теле стали основными в понятии “реального”» [Там же], и о том, что для понимания этого направления искусства необходимо развитие способности к чувственному восприятию. Пишет она и о социальной значимости перформативного подхода – как возможности активного вовлечения зрителей в процесс, и о политической – как инструмента оперативного реагирования на изменения любого порядка: «отсутствие в нем материальной составляющей делает его особенно подходящим для того, чтобы избежать контроля правительственных органов» [Там же, с. 372].

Наиболее обстоятельно теория перформанса разработана в уже цитируемой выше книге Э. Фишер-Лихте [15]. Начиная с того, что традиционные эстетические теории оказываются непригодными для осмысления «перформативного поворота» в искусстве, она настаивает на необходимости разработки новой эстетики – «эстетики перформативности». Одновременно с этим, аналитику и критику в контексте этой эстетики автор вводит в общее русло театроведения. Необходимо отметить, что исследования современного театра и современного искусства в это

---

¹⁴ «Дионис в 69-м», знаменитый спектакль Р. Шехнера в духе по трагедии Еврипида «Ваханки», где зрители принимали непосредственное участие в ритуалах рождения бога Диониса, смерти Пентея, вакхических танцах. При этом и перформеры, и зрители должны были быть нагишом.

время очень сближаются; Хан-Тис Леман вводит понятие «постдраматический театр» [11], отменяющий «текстуалистскую» трактовку театрального спектакля, объединяющий целый конгломерат явлений, находящихся на пересечении перформативных и визуальных искусств (сюда, по сути, можно отнести и танц-театр, и танц-перформанс).

Э. Фишер-Лихте прослеживает корни перформанса, начиная от ритуала (например, самобичевание братств кающихся грешников, распространенных в романских странах со времен Средневековья, или жертвоприношение, известное во всех древних культурах) и опытов/теории авангардного театра начала XX в. – к тому моменту, когда в представлениях о театре акцент начинает сдвигаться с литературы на живой спектакль как обязательное сопричастие актеров и зрителей. Перформанс в этой логике представляет, по мнению автора, решительный сдвиг от спектакля (инсценировки) – к событию; от законченного произведения, репрезентации – к акту творения, от зрительского (зрителем) – к соучастию, «обмену ролями». Главным механизмом, «двигающим» перформанс, является автореферентная «петля ответной реакции». Спектакль возникает по принципу «самосоздания»: алгоритмы его «запуска» продумываются авторами. «Художник перформансист... создает специфическую ситуацию как для себя самого, так и для других» [15, с. 297]. Теперь присутствующий и в традиционном театре механизм становится условием существования перформативного действия, придавая разворачивающимся здесь событиям непредсказуемый характер. Здесь, вслед за Шехнером, Фишер-Лихте говорит о возникновении сообщества актеров и зрителей, как «некой структуры, в которой эстетический, социальный и политический моменты тесно связаны друг с другом» [Там же, с. 92].

Важным, в том числе и для танц-перформанса, и для танц-театра, является осмысление «автореферентности» телесных действий и движений перформеров: изначально они самодостаточны, не требуют пояснений и оправданий. «Они означают именно то, что они совершают – например, длящееся сорок пять секунд поднятие руки от уровня талии до уровня глаз» [15, с. 155]. Тем не менее эти «самонаправленные» жесты формируют пространство перформанса и могут вызывать у зрителя самые разные ассоциации, оставаясь зачастую на уровне догадок. В одном из своих интервью французский хореограф Борис Шармац хорошо прокомментировал полисемантичность автореферентного жеста: «Достаточно только поднять руку – и в этом жесте сразу будет и весь классический танец, и “клянусь на Библии быть хорошим президентом”, и “оп, поймал муху”, и “держусь за поручень в метро”, и протест политической демонстрации...» [16].

Автореферентность действий напрямую связана с понятием «воплощение» – переносом акцента на феноменальное тело актеров с их индивидуальными физическими данными. Здесь тело предстает как источник смысла – в противовес телу семиотическому (в традиционной театральной эстетике), телу-инструменту.

Подчеркивается «материальность» среды перформанса: в вещах и звуках ценятся не их способность к «означиванию смыслов», но их физические свойства – тактильность, акустическое качество, интенсивность, сила. Причем человеческое тело – объект равный среди других объектов. Особое свойство этой материальной среды – ее эмерджентность, особое воздействие на субъективное восприятие каждого участника, определенный ассоциативный ряд, психофизическое состояние, вызванное сочетанием, казалось бы, несочетаемых предметов, тел, фактур¹⁵. «Когда речь идет об “экстазе” вещей, подразумевается, что они преодолевают собственные границы и являют с особой интенсивностью феномен своего присутствия, притягивая... внимание зрителей» [15, с. 301].

¹⁵ В своем известном эссе [8] Сьюзен Зонтаг соотносит коллажирование разрозненных предметов в средовом пространстве перформанса с логикой сюрреализма.

В книге Фишер-Лихте осмысливается и сдвиг в работе с пространством. Автор выделяет здесь три стратегии: применение (почти) пустого пространства, позволяющее актерам и зрителям вариативность в передвижении по нему; создание специфических пространственных композиций, открывающих неизвестные/невысчитанные ранее возможности отношений актеров/зрителей; наконец, использование пространства, обладающего некой, не связанной с театром функцией, и исследование его специфики¹⁶. Кроме того, осмысливается и сдвиг в работе со временем. Оно обретает пространственные рамки, так как темпоритм перформанса диктуется не столько принятыми в традиционных театральных практиках членения спектакля (и связанных с особенностями психологического восприятия сидящего в зале зрителя), сколько реальными и автореферентными действиями, и перемещениями в пространстве, происходящими в режиме реального времени.

Особая энергетика и аура, «волшебство», возникающее в пространстве перформанса, связаны с концентрацией, казалось бы, на простых и заурядных действиях и вещах в неожиданном контексте, тогда обычное воспринимается как необычное. Испытываемые участником ощущения возникают от дестабилизации дихотомии «искусство и действительность» и других бинарных оппозиций; от состояния неопределенности, когда общепринятые правила поведения приходят в конфликт с тем, к чему провоцирует созданная перформером ситуация (или чего требует «петля ответной реакции»). Все это, по Фишер-Лихте, приводит к некоему пограничному, «лиминальному» состоянию – и, своего рода, трансформации. То есть обнаружению/необнаружению в себе участниками, хотя бы на время действия, новых качеств (от моторных до интеллектуальных), возможностей, идентичностей, которые могут подтолкнуть к переосмыслению некоторых личных установок восприятия действительности.

Первой книгой именно о танцевальном перформансе, его зарождении и практиках (задолго до фундирования перформативной эстетики как таковой) стала работа американской исследовательницы Салли Бейнз «Терпсихора в кроссовках. Танец постмодерн» [2]. Написанная историком танца, непосредственным наблюдателем и участником процесса, в 1972 г. и с тех пор многократно переизданная, на русский язык эта культовая для представителей contemporary dance книга была переведена в 2018 г. и издана в рамках программы «Garage dance» Музея современного искусства «Гараж» (куратор Вита Хлопова). В 11 главах книги представлены теоретические концепты и творческие практики наиболее значимых десяти авторов из числа работавших на площадке так называемой «Церкви Джадсона» в Нью-Йорке в 1960-х – начале 1970-х гг., а также деятельность образованного по инициативе некоторых из них Grand Union – танцевального сообщества, сделавшего изменяемый постоянно танц-перформанс основой своей артистической, коммуникативной и жизненной стратегии.

Примерно с начала 2010-х гг. в слегка «притормозившем» (в силу ряда причин, о них – тема отдельного разговора) отечественном современном танце актуализируется так называемый «новый танец», или – новый «танцперформанс», «концептуальный танец», «экспериментальный танец». Исследователь Анна Козолина в своей книге об этом явлении [10] пишет, что ни одно из этих понятий не дает в полной мере представления о сути явления. И называет его «странные танцы». Речь идет, по сути, о том, что в программе магистратуры Академии русского балета им. А. Я. Вагановой, запущенной в 2011 г., определяется как «художественные практики современного танца» [13]. Существовая на стыке современного танца (которого здесь становится еще меньше, и он далеко не всегда не то что

¹⁶ Отдельное направление перформанса – site-specific.

виртуозен, но даже профессионален), соматики¹⁷ и актуального критического дискурса, эти практики иницируются «танц-художниками».

Определение, что такое «танцевальный художник», можно найти в этой же программе. Это «специалист в области искусства танца, способный к артикуляции своей позиции в современном обществе и современной культуре в контексте художественных задач современности и культурных традиций» [13]. Обладающий «гуманистическим мировоззрением», владеющий «совокупностью знаний, умений и навыков в области постановочной, творческо-исполнительской, преподавательской, организационно-управленческой, производственно-практической, экспертно-консультационной и научно-исследовательской деятельности в творческих учреждениях искусств» [Там же]. Руководитель программы, Татьяна Гордеева¹⁸ (которая, вместе с танц-драматургом Екатериной Бондаренко, активно работает в данном направлении, ряд их совместных перформансов включен в постоянный «репертуар» Московского Центра им. Вс. Мейрхольда), держит планку программы в соответствии с актуальными международными трендами.

В этом контексте танц-перформанс весьма концептуализирован и, сближаясь с визуальными, а также – партисипаторными и социально ангажированными формами современного искусства, все дальше уходит от традиционных представлений о том, что такое танец. Деятельность молодой генерации танц-художников активно осмысливается и поддерживается новой молодой генерацией отечественных критиков, теоретиков и кураторов современного танца (которые нередко и сами практикуют «странные танцы»)¹⁹. По их мнению, художественные практики отечественных «танц-художников», с их «критикой театральной зрелищности и поиска зрительского свидетельства... обнищанием сценографического арсенала и акцентом “постановки на себя”... уходом в минимализм и попыткой присмотреться к телу как таковому, а не только телу техничному, натренированному исполнить чью-то хореографию» [10, с. 3], – постепенно становится основным ресурсом обновления в российском contemporary dance.

Продолжая развивать перформативную эстетику и помня «заветы» американского танца постмодерн, новое поколение танц-художников непосредственно связано и с более поздним (выросшим на той же почве) французским интеллектуальным направлением конца 1990-х гг. «не-танец». Яркими представителями данного ответвления во французском современном танце считаются Жером Бель, Борис Шармац, Ксавье Ле Руа и другие. Владея замечательной хореографической базой,

---

¹⁷ Область в исследованиях работы с телом и движений, которая подчеркивает внутреннее физическое восприятие и опыт.

¹⁸ Татьяна Гордеева – танцовщица, свободный перформер, исследователь современного танца. окончив Московскую академию хореографии с красным дипломом, после нескольких лет работы солисткой в «Кремлевском балете» резко сменила направление и занялась contemporary dance; танцевала в танц-компании Саши Пепеляева «Кинетик», была одним из организаторов Фестиваля современного российского танц-театра «Цех» (1998–2011). Возглавляет указанную программу с 2011 г.

¹⁹ Молодые исследователи, многие из которых изучали предмет не только в России, но и за рубежом, в том числе – Анна Козонина, Анастасия Прошутинская, Екатерина Ганюшина, Анна Кравченко и др., нацелены на активное, практическое участие в формировании инфраструктуры отечественного современного танца. В своих исследованиях и кураторской деятельности они отталкиваются от cultural studies – актуального направления междисциплинарных исследований, в которых границы искусства проблематизируются и размышления о нем выходят за рамки специальных дисциплин (искусствознание, эстетика). На формирование этой методологии влияют актуальные гуманитарные дискурсы. В том числе: критическая аналитика французского постструктурализма и социального конструктивизма; рассмотрение тех или иных культурных практик в их соотношении с определенными социальными явлениями и системами власти, в русле культурных штудий и т. п. Многие из них говорят об уязвимости, синдроме самозванца и нестабильной профессиональной идентичности, в состоянии которых живет российский танц-художник и которые тематически «прорабатываются» в его художественных практиках.

представители данного направления проблематизируют понятие танца, его границ, исследуя возможности движения вне хореографии; одновременно многие из этих авторов работают с танцорами, как с обычными людьми, и обычным людям ставят задачи, как танцорам. Характерным примером не-танца является перформанс Бориса Шармаца «Manger» (что значит «есть», «съесть»), показанный в Москве в рамках фестиваля «NET» 7 лет назад. Действо происходит в пустом помещении, зрители могут свободно перемещаться. Танцовщики сначала находятся среди зрителей; единственное их отличие – у каждого из них есть лист белой бумаги, который в какой-то момент они начинают поедать. Главное действие – тщательное пережевывание бумаги – производится стоя, лежа, извиваясь всем телом, перемещаясь; бумагой давятся, слизывают ее с пола, каждый сам по себе и вступая в телесный контакт. В какой-то момент, не переставая поглощать бумагу, они начинают потихоньку напевать тему *allegretto* из 7-й симфонии Бетховена. Комментарии к подобным вещам, как правило, ограничиваются утверждением, что здесь не заложено никаких метафор и меседжей, нет критики общества потребления или еще чего-то в этом роде. Речь идет об абсолютно автореферентных действиях. Но каждый вправе по-своему интерпретировать увиденное.

Стратегии художественных практик современного танца исследователь Анна Козонина определяет так: «*Все* новое в танце... связано не столько с производством эффектной формы (в консервативном смысле), сколько с поиском границ танца и движения, исследованием способов телесной коммуникации, изучением потенциала танца для производства сообществ, акцентом на социальную информацию, которую несет тело, изучением танца как действия, способа мыслить и производить аффекты» [10, с. 98]. А куратор танца Анастасия Прошутинская считает, что «сейчас хореографы – это не профессионалы-ремесленники-постановщики, а люди с разным бэкграундом и большим количеством интересов. Эти интересы и разные типы занятости насыщают информацией и наполняют их работы. Утром такой человек может выступить на академической конференции, днем сходить на занятия по *vogue*, потом написать критический текст, вечером показать перформанс. Художник собирает и комбинирует совершенно разные практики, и это меняет наше представление о виртуозности и завершенности формы конечного продукта. Хореограф не может позволить себе запереться в студии на три месяца, чтобы создать произведение искусства. И не только по экономическим соображениям, но и потому, что за эти месяцы пройдет десять фестивалей, появятся три активистских движения, все время нужно быть к этому подключенным, и это порождает другие режимы производства» [7].

Вик Лащенов, один из авторов перформанса «Лаборатория самозванства»²⁰, представленного в московском Манеже летом 2018 г. в рамках выставки российского современного искусства «Здесь и сейчас», размышляет о тактиках современного молодого художника (танц-художника в том числе). «У меня нет базового танцевального или хореографического образования, – говорит он о себе. – Некоторое время я ходил на классы по технике современного танца, продолжал снимать видеоарт и писать сценарии для кино. В какой-то момент моя практика привела меня к необходимости делать танцевальные работы самому...» [4]. Ситуацию современного молодого художника он определяет как отсутствие ремесленных навыков и связей в художественном поле, но огромное желание делать хоть что-то (хотя и непонятно, что именно или как). И «именно в этом делании, а не в совершенном владении каким-либо медиумом, и проявляется его виртуозность» [Там же]. Сила современного художника, считает он, это создание контек-

²⁰ Участники записываются заранее и проходят своего рода тренинг эмпауэрмента, т. е. «прокачки» и групповые обсуждения, связанные с проблематикой профессиональной самоидентичности.

ста, меняющего восприятие зрителя (то есть та самая трансформация, о которой пишут теоретики перформанса). А ощущение самозванца – это данность нашего времени, новая форма существования в таком обществе, где постоянные изменения и рост знаний, необходимых для работы, происходят быстрее, чем мы успеваем ими овладеть. Поэтому танц-художник предлагает рассматривать самозванство как реализацию тактики поведения «делай как хочешь, пусть думают, что хотят» [4].

Создатели одного из заметных и, главное, несмотря на все трудности полумаргинального существования, устойчивых проектов последнего времени, танц-кооператив (как они себя именуют) «Айседорино горе», Саша Портянникова и Даша Плохова, – танц-художники «дипломированные». Они из первого выпуска магистрантов рассмотренной выше программы АРБ им. А. Я. Вагановой (2013). Тем не менее в своем манифесте они говорят об «институциональной маргинальности» и «маргинальной институциональности». Важный этический момент их программы – они стремятся восстановить разорванные связи между танцевальным авангардом начала XX в. и нашим временем: «Мы... плоть от плоти российского танцевального поля» [1]. Этот поиск собственных корней и самоидентификации стал импульсом к осуществлению ими весьма обстоятельного и актуального (по проблематике, формам реализации и акцентам) проекта «Советский жест». «Многоступенчатого» и «долговременного» проекта «по исследованию архива современного танца прекрасной России прошлого», осуществление которого заняло больше пяти лет. Исходной точкой стало обращение к «архиву» свободного танца эпохи советского студийного движения 1920-х гг., а именно – к эскизам, записям, стенограммам, конспектам практик, документации работы деятелей того времени, сохранившимся в архивах Хореологической лаборатории РАХН (1923–1928), объединившей в то время многие эксперименты и практики. Следующим этапом стала организация и проведение «Хореологической лаборатории» (поддержанной музеем современного искусства «Гараж»), с участниками которой в течение нескольких месяцев Саша и Даша работали с извлеченными из архивов фрагментами телесных практик – движений, поз, принципов движения, построения. При этом целью исследования художницы видели не восстановление (restoration) исторического эксперимента, а переработку (recycling) существовавшего знания. Завершением проекта стала лекция-перформанс «Советский жест» (в начале декабря 2021 г. спектакль был показан, в т. ч. в рамках 6-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства), а также появление «Руководства по применению танцевального пластического архива» [14], зафиксировавшего все этапы развития проекта, задокументировавшего все принятые к сведению и переработанные материалы, представившего научную рефлексю на проделанную работу, предлагающего алгоритмы работы с движенческим архивом для дальнейших исследований.

Обращаясь к экспериментам раннесоветского периода, авторы стремились, во-первых, преодолеть «конфликт идеологий» между собственной «постсоветской идентичностью» (телесностью, воспитанной современным танцем) и телесностью «советского прошлого»; во-вторых, «деколонизировать» развитие современного танца в России: найдя некие базовые основания, конкретные данные его исторического прошлого, задокументировать, переработать и создать основу для его дальнейшего развития, чем «способствовать развитию локального культурного поля, которое выстраивает паритетные отношения с мировыми трендами» [14].

«Советский жест» – хороший пример различия между танц-перформансом как некой, при всех оговорках все еще остающейся художественной, акцией (разовой или повторяемой, как танц-спектакль) – и актуальными художественными практиками, нацеленными на многоуровневый коллаборационный процесс, с акцентом

на социально-этической значимости, полезности проекта. Танец, искусство, эстетика, оставаясь неизменным фоном, уходят на второй план в связи с задачами «выстраивания горизонтальных коммуникационных связей», полезных «партиципаторных проектов»²¹, высвобождающих творческий потенциал не только самого автора (авторов), но и других участников. «Новая этика» современного искусства активно развивается, продвигается, осмысливается (об этом см.: [3]). Каково ее будущее? Каково будущее искусства танца и танц-перформанса в нашей стране? Это тема для дальнейших наблюдений и штудий.

Список источников

1. Айседорино горе: танцевальный кооператив [Электронный ресурс] : сайт. – URL: <https://www.isadorino-gore.com/aboutru> (дата обращения: 12.02.2022).
2. Бейнс С. Терпсихора в кроссовках. Танец постмодерн / пер. с англ. А. Матвеевой. – М. : Арт Гид, 2018. – 312 с., ил.
3. Бишоп К. Искусственный ад. Партиципаторное искусство и политика зрительства. – М. : V-A-C press, 2018. – 528 с.
4. Лащенко В. Тактики самозванства [Электронный ресурс] : интервью / вела Е. Ганюшина // Room For: пространство современного танца. – 30.05.2018. – URL: <http://roomfor.ru/impostor-lab/> (дата обращения: 02.02.2022).
5. Голдберг Р. Искусство перформанса. От футуризма до наших дней. – М. : Ad Marginem Press, 2014. – 320 с.
6. Демехина Д. К вопросу о концептуализации перформанса: версия Ричарда Шехера // Артикульт. – 2017. – № 28 (4). – С. 144–152.
7. Дмитриевская А. Взволнованный куратор: Анастасия Прошутинская о кураторстве современного танца, уязвимости и новом гуманитарном сдвиге [Электронный ресурс] : интервью / беседу вели А. Дмитриевская, А. Козонина // Colta : электронный портал о культуре и обществе²². – URL: <https://goo.su/cphx> (дата обращения: 07.02.2022).
8. Зонтаг С. Хеппенинги. Искусство безоглядных сопоставлений // Мысль как страсть / сост., общ. ред., пер. с фр. Б. Дубина ; пер. с англ. В. Голышева. – М. : Русское феноменологическое общество, 1997. – 208 с.
9. Капроу А. Искусство, которое не может быть искусством // Художественный журнал. – 1997. – № 17 – С. 5–6.
10. Козонина А. Странные танцы. Теории и истории вокруг танцевальных перформансов в России. – М. : Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 244 с. : ил.
11. Леман Х.-Т. Постдраматический театр / предисл. А. Васильева ; пер. с нем., вступит. ст. и коммент. Н. Исаевой. – М. : ADCdesign, 2013. – 311 с.
12. Новая земля. Платоновский фестиваль искусств, Воронеж [Электронный ресурс] // Золотая маска : сайт Национальной театральной премии. – Разд. : Номинации на премию 2022. – URL: https://www.goldenmask.ru/spect_2401.html (дата обращения: 13.02.2022).
13. Основная образовательная программа высшего образования – программа магистратуры по направлению подготовки 52.04.01 «Хореографическое искусство», профиль подготовки «Художественные практики современного танца» // Академия Русского Балета им. А. Я. Вагановой. – СПб., 2015. – URL: https://vaganovaacademy.ru/vaganova/obrazovanie/magistratura/OOP_mag52.04.01sov_2016.pdf (дата обращения: 07.04.2022).
14. Плохова Д., Портянникова А. «Опыты хореологии», или Куда нас завел «Советский жест» [Электронный ресурс] : руководство по практическому применению танцевального архива. – URL: <https://goo.su/bqKI> (дата обращения: 14.02.2022).
15. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской ; под общ. ред. Д. В. Трубочкина. – М. : Международное театральное агентство «Play & Play» : Канон+, 2015. – 376 с.

²¹ То есть таких, в которых, по выражению искусствоведа Клер Бишоп, вовлеченные «люди являются ключевым художественным медиумом и материалом».

²² 11 марта 2022 г. Роскомнадзор ограничил доступ к сайту Colta (признан Минюстом России иностранным агентом).

16. Шармац Б. Я не говорю танцу «нет» : интервью // Colta : электронный портал о культуре и обществе²³. – URL: <https://goo.su/btWe> (дата обращения: 07.04.2022).

17. Шехнер Р. Теория перформанса / пер. с англ. А. Аслаян. – М. : V-A-C Press, 2020. – 486 с.

Natalia Valerievna Kuryumova,

Cand. Sci. (Culturology), Associate Professor of the Department of Choreographic Art and Artistic Culture, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Dance Performance: between Dance Theater and Artistic Practices of Contemporary Dance

Abstract. The article deals with the Russian dance performance of the 1990s - 2010s as a specific and relevant form of artistic reflection, which has arisen in connection with the intensification of the development of contemporary dance and dance-theater forms since the early 1990s. The examples of Russian dance-performance are presented in the context of a general cultural performative turn and from the point of view of performative aesthetics. The author emphasizes the connection and differences with the dance theater, as well as the actualization and updating of the domestic dance-performance in connection with new strategies for the artistic practices of contemporary-dance.

Keywords: (dance) performance; performative turn, contemporary dance, dance theater, dance artist, artistic practices of contemporary dance

---

²³ 11 марта 2022 г. Роскомнадзор ограничил доступ к сайту Colta (признан Минюстом России иностранным агентом).

Русский стиль и современная культура

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы бытия народной культуры в современности через обращение к русскому стилю. Выделяются два аспекта анализа: повседневная жизнь и искусство. Проблема включения традиционной русской культуры в повседневность рассмотрена на примере русского костюма, а интеграция русской народной культуры в искусство – на примере хореографии. Авторы исходят из утверждения, что народный костюм и народный танец исчезли из повседневной жизни людей. Выявляются способы включения народного костюма в современную моду на основе стилизации. Включение народного танца в современную хореографию предполагает не столько стилизацию, сколько реконструкцию, рождая феномен танца постфолк.

Ключевые слова: традиция, стиль, стилизация, повседневность, русский стиль, костюм, искусство, народный танец, прием реконструкции, танец постфолк

Интерес к традиции, историческим народным истокам и народной культуре остро проявляется в периоды «потери идентичности», непонимания своего места и роли в мире, часто сопровождается ощущением какой-то неполноценности при сравнении с прошлыми поколениями или с другими народами («Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя: богатыри – не вы»).

Обращение к истории, «к предкам» происходит не в самые тяжелые периоды жизни народа и государства, хотя кризисы или проблемы повседневного существования в той или иной сфере в эти периоды непременно есть. Но всё же главные причины – экзистенциальные, именно переживания, ощущения потерянности, тоски, нереализованности (и силы есть, и возможности, а что-то идет не так). Как правило, в эти периоды – либо канун каких-либо потрясений (войн, бунтов, революций...), либо они сопровождаются этими катаклизмами. Национальное самосознание просыпается не тогда, когда с традицией и национальным существованием все в порядке, когда повседневная жизнь строится, протекает на основе народных традиций, а тогда, когда они потеряны. Индустриальное и постиндустриальное общество – тому пример. Россия в этом отношении – не исключение. «Русский стиль» как направление искусства и жизни появился в качестве реакции на реформы Петра I («византийский стиль» внутри барокко), затем интерес к нему усиливается в XIX веке (война с Наполеоном, затем декабристы, внутри романтизма), далее – народничество, славянофильство на фоне вызревания социал-демократического движения, социальной революции, мировой войны. В советский период – Великая Отечественная война вновь заставила обращаться за смыслами и идеалами к истории (русский стиль внутри соцреализма).

В современном глобализированном мире с его стандартизацией и унификацией этноразнообразие и уникальность превратились в культурный капитал. Глокализация – другой полюс глобализации. Большие и малые народы стремятся заявить о себе, обнаружить себя, показать свою значимость, свое место в мире. Гло-

---

* **Марьяна Анатольевна Ершова**, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и социальной работы ФГАОУ ВО Российский государственный профессионально-педагогический университет (РГППУ) (г. Екатеринбург).

Людмила Анатольевна Мясникова, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

Анна Сергеевна Полякова, старший преподаватель факультета современного танца АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург). E-mail: postfolkdance@gmail.com

бальные проблемы: экологические, пандемия, нехватка ресурсов, колоссальное различие между уровнем и образом жизни группы «цивилизованных» стран и многих «других», притом что именно небольшая группа «цивилизованных» диктует идеалы, нормы, правила и векторы жизни всему миру, привели к всплеску национального самосознания, вплоть до национализма, национального (и расового) фанатизма. Похоже, мир, и Россия в том числе, вновь находятся в «точке бифуркации». По крайней мере, мы, россияне, так себя ощущаем. Поиск исторических корней, народной культуры, традиции становится не просто ретромодой, а именно основой для определения ключевых ценностей, идеалов, перспектив развития.

Но анализ надо все же начать с моды на «традиционное». Мода на традицию проявляется в повседневной жизни. По всему просвещенному миру умножаются проекты по возрождению древних ремесел, восстанавливаются старинные жилища, выясняются мельчайшие подробности быта наших предков. Предметом внимания становится не только то, во что одевались, чем питались, – восстанавливаются почти утраченные породы домашних животных, садовых растений, бытовавших на скотных дворах и в огородах тысячелетие назад. Даже возникают деревни, где добровольцы не только реконструируют предметы, но и пытаются прожить часть своей жизни, как в далеком прошлом. Возникает вопрос: является ли подобный опыт подлинным восстановлением традиции? И возможно ли ее восстановить?

Существует множество различных трактовок в понимании традиции. Культурные антропологи справедливо считали традицию устойчивым стержнем существования культуры: без традиции как основания устойчивости, стабильности, если «связь времен» распалась и не восстановлена – культуры нет. Традиция – связь прошлого с настоящим. Но значит ли «связь» – воспроизводство прошлого в неизменном виде? В какой-то мере неизменность должна наличествовать, но полностью прошлое сохранить нельзя, иначе оно поглотит настоящее, культура не будет развиваться, застывает, будет недееспособна. Что из прошлого будет воспринято – зависит от запросов настоящего. Именно настоящее запрашивает из прошлого то, что нужно сегодня. Это не означает, что настоящее не зависит от прошлого. Х-Г. Гадамер прекрасно показал [4], что мы всегда живем в сфере предрассудков, традиция, история отбирает из прошлого те предрассудки, которые жизнеспособны, отсекая другие. Но и предрассудки настоящего, сталкиваясь с прошлым, тоже корректируются, в какой-то мере разбиваются, в какой-то укрепляются через диалог с прошлым. Поэтому история постоянно переосмысливается, интерпретируется через запросы настоящего. Традиция же скрепляется временем.

Прежде чем рассуждать о специфике русского стиля в повседневной жизни современного россиянина, необходимо определиться с исходными понятиями: стиль, стилизаторство, стилизация.

Определение стиля связывают с художественным творчеством, рассматривают в соотношении с формообразованием, а также с методами, техническими приемами обработки материалов. Стиль – стержень, обеспечивающий целостность всех компонентов художественного произведения и, добавим, культуры определенного этноса, эпохи. В художественном творчестве стиль индивидуализирован, но вместе с тем выражает некоторые общие закономерности жанра, художественного направления. Стиль устойчив, и все же исторически трансформируется, то есть сочетает и устойчивость и изменчивость. Когда речь идет о русском стиле, то имеются в виду стилевые особенности русской народной культуры, некий общий образ (идеальный тип) представлений народа о мире и о себе, воплощенный в культурных предметах (как материальных, так и идеальных), являющихся средой

обитания этноса (или какой-то социокультурной группы), сохраняющийся через трансформации в процессе культурно-исторического бытия этноса.

То есть понятия стиля и традиции взаимосвязаны, взаимокоррелируют. Стиль входит в исторический процесс через стилизаторство или через стилизацию. Стилизаторство, казалось бы, ближе к исходному образцу, так как пытается воспроизвести детали «в том же аутентичном виде». Стилизаторство, как и стилизация, – воспроизведение традиционного в современном, то есть старое переносится в новые условия. Но стилизаторство всегда вторично, искусственно и эклектично. Впрочем, сама эклектичность становится своеобразным проявлением целостности и стиля. Стилизация же трактуется как имитация стиля какого-либо автора, жанра, течения в искусстве или культуре, народности, эпохи в новых условиях. Несмотря на то что стилизация не предполагает достоверного повторения, она все же привносит в настоящее дух прошлого, создает новую целостность. Стилизация может быть и подражанием, и новой интерпретацией прошлого.

Граница стилизаторства и стилизации не абсолютна. Так, славянофильское следование русскому образу жизни – это, безусловно, подражание и стилизаторство. Имеется в виду ношение бороды, «русские завтраки» с водкой и квашеной капустой, подпоясанные косоворотки и «придворные сарафаны». Подобное «ряжение», достижение «визуальной достоверности» оборачивалось эпатажем и фарсом. Вместе с тем, например, художественное творчество В. Васнецова, В. Сурикова, Н. Римского-Корсакова, А. Даргомыжского, Н. Рериха и др. передавало идеальный образ народа и его мира.

Для стилизации характерно абстрагирование от несущественного, выделение существенных проявлений, то есть определенное упрощение, обобщение, символизация. Кроме того, стилизация предполагает декоративность. Ее результатом является новая выразительность.

Попробуем рассмотреть суть русского стиля и стилизации на примере, во-первых, костюма, одежды как важнейшего элемента повседневности [2]. Во-вторых, проанализируем приемы включения народного танца в хореографическое искусство.

Русский народный костюм не существует как элемент повседневной жизни. В каком же виде он существует? Это не кокошники – лапти – сарафаны – косоворотки – павловопосадские платки. Это лишь отдельные знаковые элементы костюма. Инструментами стилизации будут являться цвет, форма, фактура, рисунок, пропорция и др. Совокупность этих характеристик и рождает то, что называется русским (или любым другим) стилем. Знание этих параметров позволяет дизайнерам одежды создавать модели, сочетающие в себе приверженность традиции, и отвечает на вызовы современности.

Бытование русского костюма в современной российской повседневности представляется весьма плачевным, в отличие, например, от немецкого или шотландского народного костюма, которые хранятся во многих семьях и являются парадной одеждой. Кокошники из картона и страза на спортивных болельщицах, стриптизерши на юбилеях, фотосессии, где силиконово-гламурные особы обнимаются с медведями и Маша с мальчиковым лицом, выскакивающая отовсюду, как известный персонаж из табакерки, – далеко не проявление русского стиля. Как и вечорки, хороводы и игры среди берез, сжигание чучела на Масленицу. С помощью их не под силу приобщиться к традиции. Традиция бытует в повседневности, а не в музее или на подмостках шоу.

Говоря о русском национальном костюме, следует обратить внимание на его историческую, географическую и социальную изменчивость. Рассуждая же о русском стиле в одежде, следует вычленив базовые средства его выразительности. Выделение этих средств выразительности и позволяет артикулировать формулу

русского стиля и продемонстрировать способ его воплощения в современную культуру [11; 6].

Итак, для русского стиля прежде всего характерна опора на конкретный силуэт – конус [12]. Характерны закрытые формы. Головные уборы пропорционально гораздо меньше объемных блуз, сарафанов, душегрей, зипунов, кафтанов и шуб. Широкая многослойная одежда перехватывается поясом выше талии или под грудью. Этот прием делит фигуру на две неравные части: маленький верх и большой низ. Многослойность одежд, обилие сборок, маленький верх, плавно переходящий в широкий низ, рождает форму мягкую, статичную, тяжелую, устойчивую.

Создание такой формы требует использования плотных, весомых материалов: льна, плотного хлопка, сукна, парчи, меха [12]. Здесь не нужны ткани пластичные, легко драпирующиеся, летящие, скользящие, вялые или хрупкие. Дополнительную плотность и весомость тканям придает обильная густая вышивка шерстью, льном, хлопком, шелком и канителью. Утяжеляются ткани тесьмой и лентами, бисером, драгоценными и полудрагоценными камнями, аппликацией, меховыми оторочками, накладными металлическими пластинами.

Важно отметить, что для русского стиля наиболее характерны два композиционных решения в расположении рисунков на одежде [6]. Первое создается из широких горизонтальных полос, контрастных по цвету. Второе заключается в создании перевернутой буквы «Г»: широкая полоса проходит по центру сарафана сверху вниз и горизонтально по подолу. Обе эти композиции усиливают впечатление устойчивости фигуры. В то же время создается не явно читаемое устремление фигуры вверх. Наш взгляд переходит от одной горизонтальной полосы к другой, потом – к третьей, и т. д. Вверх – вниз, вниз – вверх. Подсознательно фигура вытягивается, воспринимается выше, чем есть на самом деле. Это как лестница, основание которой прочно стоит на земле, а ступени дают возможность подняться ввысь.

Русский стиль богат различными рисунками, но наиболее распространено использование цветочных мотивов. Это бесконечные вариации на тему роз: мягкие, рыхлые по контуру, округлые. Характерны также и стилизованные изображения птиц и животных. Любопытно, что рисунки, создаваемые в условиях индивидуального крестьянского хозяйства, носят геометрический характер. В них не встречаются дуги, овалы, круги. В то же время крестьянский костюм охотно воспринимает мануфактурные ткани, с принтами, построенными на плавных дугообразных линиях.

Безусловными фаворитами в русском национальном костюме выступают белый и красный цвета [10]. Третье место следует отдать различным оттенкам синего и голубого. Часто используется зеленый. В некоторых областях довольно активен черный, но обязательно в сочетании с красным и белым. Желтый встречается гораздо реже и в значительно меньших объемах. Золотой (особенно в вышивке) очень распространен в нарядах царских, боярских, купеческих. Коричневый и фиолетовый – самые нелюбимые цвета в одежде русского стиля.

Разобравшись с совокупностью выразительных средств, рождающих феномен русского стиля в одежде, можно перейти к рассмотрению специфики современной моды. Для моды XXI века характерно отсутствие единого стилистического направления. Каждый бренд, каждый модный дом из года в год выносит на подиум коллекции определенного стиля. Более того, всякий видный дизайнер имеет свой уникальный почерк, позволяющий узнавать его работы среди многих других. Таким образом каждый выдающийся дизайнер (или бренд) вырабатывает свой неповторимый стиль. Дольче и Габбана интерпретируют любую тему через призму барочной пышности и излишества. Альберта Феретти – фантазирует на тему викторианства, Кельвин Кляйн – неизменно минималистичен и классичен.

Чтобы не утонуть в этом «море красоты», необходимо ясно понимать особенности внешности человека. Современная мода предполагает работу со зрелой личностью, с клиентом образованным, имеющим развитый эстетический вкус, понимающим и принимающим себя.

Еще одной особенностью моды XXI века является любовь к смешению стилей вплоть до эклектики. Смешение стилей предполагает поиск таких образных решений, которые стоят на стыке разных стилей, соединяя в себе выразительные средства из разных эстетических миров. К примеру, рисунок и крой изделия относят его к классическому стилю, а фактура и цвет – к натуральному. Таких решений очень много в коллекциях Ральфа Лорена. Строго говоря, рождается новый стиль, и таких стилей может быть неограниченное количество. Эклектика в моде предполагает столкновение в одном костюмном ансамбле вещей, несущих противоречивые эмоциональные сигналы. Например, веселость и беззаботность блузки противопоставляются серьезности и строгости юбки. Эклектика – явление, требующее отдельного разговора, поэтому в данной статье ограничимся лишь фиксацией популярности данного приема в современной моде.

Особенности моды XXI века порождены целым рядом условий современной жизни и мироощущением современного человека: гиперскоростью ритмов и гиперобъемом информации; калейдоскопичностью подачи информации и клиповостью мышления; многозадачностью индивида; проблематизацией самоидентификации; утратой прочных мировоззренческих идеалов...

Возникает вопрос: как возможно существование русского костюма в постиндустриальном обществе? Видятся три варианта решения этой проблемы.

Первый. Необходимо дизайнерское усилие по созданию таких вещей, в каждой из которых присутствовали бы выразительные средства из разных стилевых направлений. Например – худи, кроссовки или бомбер с этническим рисунком. Здесь современность формы и технологичность материала соединяются с национальным колоритом и принтом. Важно такую вещь грамотно дополнить до полного комплекта. Ошибочно полагать, что следует к вышеуказанным вещам выбирать похожие (худи «под Гжель» и кроссовки «под Гжель»).

В современном мире, полном нестабильности, стремительных перемен, и мода приветствует впечатление легкости, спонтанности, случайности. Поэтому к худи с принтом «гжель» можно выбрать, например, желтые кроссовки и белую юбку-татьянку (или свободного кроя джинсы). При таком комбинировании внутри комплекта возникают стилистические связи, и в то же время рождается впечатление непринужденности.

Второй вариант решения проблемы соединения традиционного костюма и современного общества – вписывать откровенно этническую вещь в комплект из вещей современного стиля. За основу соединения можно взять единство формы, ритма, общего настроения, идеи. Так, например, платок, где на белом поле «разбросаны» дымковские игрушки, производит впечатление детского праздника, радости, веселья. Это настроение можно раскрыть, дополняя костюм джинсовой юбочкой с воланом, который будет отсылать к пышным воланам на юбках дымковских барынь. Юбку можно дополнить белой блузой с полосками, где полосы дадут отсыл к тем же воланам дымковской игрушки. Комплект могут дополнить серьги в виде, например, игрушечных лошадок, матрешек и т. п.

Наконец, третий вариант решения проблемы адаптации русского стиля к образу жизни современного мегаполиса – включение этнических вещей в эклектичные комплекты. Эклектика – прием очень сложный в исполнении. Его сложность в кажущейся простоте – можно смешивать что угодно с чем угодно. Следуя этому принципу, можно легко создать неэстетичный, дурновкусный комплект. Чтобы избежать подобного эффекта в костюмном ансамбле, необходимо понимать, что

эkleктика рождается на столкновении противоречивых визуальных сигналов, а не на смешении чего угодно с чем угодно. Так, эkleктичный комплект может быть построен на столкновении исторического и современного, вечернего и дневного, делового и спортивного и т. д. При этом важно соблюдать принцип единства вещей в комплекте (фактурное, колористическое, ритмическое). Понадобится соединить в комплекте такие вещи, в дизайне которых есть нечто противоречащее друг другу, но и объединяющее их.

Размышляя над проблемой адаптации русского национального костюма к условиям жизни современного города и требованиям современной эстетики, мы не можем обойти стороной вопрос о типах русской красоты. Актуальность этого вопроса вызвана еще и тем, что современная мода исходит из принципа множественности эстетических образцов [5]. Иначе говоря, современная мода не исходит из наличия единого и единственного стандарта красоты. Современной моде интересен индивид с его уникальными особенностями и умение этого индивида эстетически грамотно свои особенности преподнести окружающим с помощью продуктов этой самой моды. В связи с этим важно понимать, какие черты лица можно подать выигрышно с помощью одежды в русском стиле, а каким лицам этот стиль противопоказан.

Задавшись вопросом о специфике русской красоты, можно выделить несколько типажей, имеющих некое общее основание. Источниками формулировки типически русских черт внешности послужили описание красавиц в русском фольклоре [7] и живопись [1]. Данная типология не является исчерпывающей и может в дальнейшем обогащаться новыми типами.

Первый тип русской красоты может быть условно назван «крестьянским». Высокая, статная женщина (или девушка) крепкого телосложения, могучая, как говорили раньше. Обязательно упитанная – как известно, хороший работник (работница) хорошо и кушает. Сильная и быстрая в движениях, выносливая. Черты лица мягкие, объемные, тяжелые. Широкие брови плавной дугой. Нос небольшой, без горбинки, но и не прямой – чаще всего с разной степенью курносости, довольно мясистый. Лоб средний или невысокий, скулы не выступают, губы мягкие, подбородок округлый, утяжеленный. Щеки крупные, полные. Кожа – белая и с ярким румянцем. Волосы от светло- до темно-русого тона, густые и длинные. Примеры – на картинах Е. Архипова и Ф. Малявина.

Второй тип – купеческий. Для этого типа характерны статность и дородность, мягкость и тяжеловатость линий, белизна кожи, соболинность бровей, заметность румянца. Вспоминаем купчих на полотнах Б. Кустодиева. Здесь подвижность и сила уступают место вальяжности движений. Бровь капризно приподнимается, линия губ заметно более изгибистая, что придает лицу выражение избалованности. Линии в лице более гладкие, холеные. В образе чувствуется властность.

Третий тип – боярышня. Лицо имеет некоторую вытянутость по вертикали. Черты лица отличаются некоторой утонченностью. Здесь мягкие линии щеки, губ, лба будут соседствовать с вяловатой линией глаз и бровей, веки полуопущены, что создает впечатление меланхоличности, задумчивости. Румянец разливается по коже очень нежно, деликатно. Кожа тонкая, полупрозрачная, очень светлая и прохладная по тону. Яркий пример этого типажа представлен в работах К. Маковского.

Следующий, четвертый тип русской красоты может быть назван «инокиня». Он представлен на многочисленных полотнах В. Нестерова. Здесь заметна заостренность черт лица: чуть более заметно выступают скулы, островат носик, несколько заострен подбородок. Взгляд обращен в себя, лицо покойно, на нем нет выраженных эмоций. Кожа бледная, румянец почти потухший. Соболиные брови, плавность и тяжеловатость линий роднит этот тип русской красоты с другими.

Для каждого типа русской красоты будет характерен свой набор выразительных средств.

Подобная адаптация является выражением постфолка в современной повседневной культуре.

Особенности русского стиля в современной культуре можно проследить на другом уровне – через адаптацию народного танца в хореографическую культуру. Еще раз хочется подчеркнуть, что особенности мировосприятия современного человека обнажили потребность в переосмыслении системы ценностей и, в большей степени, – осознании связи с историческим прошлым. Вместе с тем прошлое нельзя перенести в настоящее в том виде, в каком оно существовало. Это в полной мере относится и к народному танцу. Ведь народная танцевальная культура – явление подвижное, в любой исторический момент и она меняется (эволюционирует) вместе с развитием культуры в целом. На сегодняшний день народный танец в форме народного пляса из повседневной культуры исчез. Он существует, следуя образцам хореографической культуры. Продолжают ли его паттерны быть актуальными в современной хореографической культуре и быть источником проявления новых движенческих форм?

Судя по многочисленным работам, посвященным истории российского танцевального искусства, можно выделить два основных метода в основе творческих фолк-преобразований: стилизация¹ и реконструкция.

Как отмечает исследователь театрального искусства П. Пави, стилизация – это «прием изображения реальности в упрощенной форме, создание модели, лишенной излишних деталей и отражающей основные ее качества... выделяет некоторые общие структурные черты, образующие основную схему, выявляющие глубинную суть явлений» [13, с. 331].

Некоторые исследователи танца утверждают, что стилизация – это «создание сценического хореографического произведения, но в стиле народного первоисточника, с использованием подлинных движений и характерных элементов композиции» [16, с. 119–120]. То есть стилизация предполагает достаточно свободное истолкование содержания определенного художественного стиля, послужившего ее прототипом.

Советский историк театра и балетовед Ю. И. Слонимский отмечал, что такое свободное обращение с фольклором, при котором внешняя форма превалирует над содержанием, приводит к его размыванию и исчезновению. Размышляя о стилизации, автор утверждал, что основным достоинством данного метода является идея сохранения целостности фольклорного произведения и средств его художественной выразительности, и в работе с ним необходимо «лишь развернуть заложенные в фольклоре недостаточно раскрытые идейные и выразительные возможности» [9, с. 51].

Исследователь народной традиционной культуры, этнохореограф А. И. Шилин отмечает: «Сцена диктует свои законы. Перенос в неизменном виде на сцену аутентичных хореографических образцов снижает их убедительность» [18], поскольку теряется не только синкретизм в исполнении (например, «при узкой специализации и разделении участников народных хоров на только поющих и только танцующих нарушилась целостность воспроизведения песенного и хорео-

---

¹ Прием стилизации получил свое воплощение еще в начале XX века в творчестве балетмейстера М. Фокина, который намеренно ломал привычные движенческие модели (например, поворачивал ступни ног внутрь (*en dedans*), причудливо изгибал привычные позы и положения рук). Фокин обратился к форме одноактного балета, отказавшись от многочастных структур, где отсылка к тому или иному этносу присутствовала на протяжении всего действия и все движения были подчинены единому стилевым законам (например, в спектаклях «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911) и др.).

графического текстов одним человеком» [19]), но и в том, что традиционная хореография подверглась трансформации, прежде всего, с позиций техники классического танца («разработанная стройная система балетной школы в своих канонических требованиях во многом не соответствовала характеру движений и навыкам, присущим русскому традиционному танцу» [19]). Вот почему технологически метод стилизации основывается на нескольких приемах. Прежде всего, в основу стилизованного сценического действия автор включает не всё фольклорное произведение полностью, а лишь наиболее яркие и значимые его моменты, при этом отбирая и стилизуя характерные танцевальные элементы. Также необходимо подчеркнуть своеобразную композицию фольклорного материала, «свежий пластический мотив, дающийся в развитии, яркие, самобытные пластические интонации» [3, с. 122]. Сценическое действие не воспроизводит всей совокупности условий, в которых создавалось данное произведение, и, как следствие, – не имеет первичной эффектности. В связи с этим следует определить новые способы эмоционального воздействия на зрительскую аудиторию. Народный танец (или его фрагмент), вырванный из «фольклорного контекста», теряет очень важные составляющие: условия бытования и атмосферу, в которой он исполнялся, элементы, жесты, мимику и пр. Автор, стилизующий народный танец, должен восполнить эти потери средствами профессионального искусства. Так, стилизации подвергается и сценическое пространство, где необходимо «упростить реальность» и закрепить ее «несколькими предметами-знаками, которые позволили бы идентифицировать ее природу и место действия» [13, с. 332].

Следовательно, можно предположить, что, действительно, стилизация оказывается первичным технологическим приемом взаимодействия с фольклорным материалом в общем процессе его трансформации в танец профессиональный. Включение фольклорных элементов в новую движенческую структуру, а также их объединение и техническое усложнение являются способами компенсации потерь, связанных со стилизацией фольклора и переводом его в область профессионального искусства. Тем не менее итог такого процесса всегда значительно обогащает само профессиональное творчество, расширяя его возможности, и, в том числе, осуществляется попытка фиксации, пусть в стилизованном виде², но исчезающих элементов фольклорного танца.

Ярчайшим проявлением стилизации народного танца является творчество И. Моисеева и его «Ансамбля народного танца СССР» (ныне – Государственный академический ансамбль народного танца имени Игоря Моисеева), отвечавшего запросам советского общества. Фольклорная основа народно-сценического танца, пусть сильно отретушированная и стилизованная, давала зрителю ощущение соединения коллективного и личного; а еще – возможность интериоризации ценностей, декларируемых официальной идеологией коллективизма и самоотверженности. Обществу и каждому человеку были необходимы близкие сердцу, переживаемые объединяющие образы. Кроме того, программным принципом творчества И. А. Моисеева и его ансамбля был интернационализм, то есть в помощь советскому человеку и его попыткам выстроить собственную идентичность в многонациональном государстве балетмейстер подключил витальность и музыкальность всех народов.

Прием стилизации не во всем соответствует современным запросам общества. К слову, рассуждая о народном костюме и его включении в современную культуру, основополагающим приемом является именно стилизация. Рассматривая же

---

² В качестве примера современных спектаклей, решенных средствами стилизации, можно привести очень разнохарактерные произведения: «Мой Иерусалим» (1998) Б. Эйфмана, «Венгерские танцы» (2004) А. Мирошниченко, «Танго “Del Plata”» (2018) Лауры Роатта (Аргентина) на труппе ГААНТ им. И. А. Моисеева и др.

процессы интеграции народного танца, можно говорить не только о стилизации, но и о реконструкции. Действительно, фольклорный аутентичный танец является «корневой системой народной хореографии» [18], и все чаще он становится предметом интереса специалистов – представителей городской культуры, вовлеченных во всё усиливающиеся процессы урбанизации.

Это связано, прежде всего, с внутренними ощущениями современного человека, существующего в эпоху глобализации, когда происходит потеря своей идентичности, связи с традицией, с культурными ценностями единого народа, чувства общности и сопричастности. Прием реконструкции позволяет обратиться к аутентичному танцу, первооснове, которая присутствует в культурно-генетической памяти каждого человека. Характерными критериями данного приема являются: сохранение исходного аутентичного элемента, а не изменение его с позиций авторского искусства; синкретическая связь танца и песни с игровым действием; отказ от синхронного исполнения; включение импровизации в движение; работа с темпоритмикой.

Многозначность элементов фольклорного аутентичного танца настолько очевидна, что объясняет его витальность и прочность, открывая возможность многократного его использования (на протяжении нескольких эпох) и обращения хореографов и балетмейстеров к одним и тем же элементам, движениям, композиционным приемам и пр. Это дает возможность фольклорному танцу жить «вторую», «третью» жизнь и т. д., в том числе в структуре авторских произведений профессиональной культуры. Именно к этому приему – реконструкции – обращаются хореографы, работающие с современными формами танца, выраженными в форме танца постфолк [14]. Данный прием позволяет создать созвучное современности произведение, в котором присутствует и сложность языка, и ясность замысла, и вместе с тем множественность восприятия смыслов.

Как точно отметила хореограф Н. В. Каспарова, «погружение в прошлое помогло нам обрести себя в дне нынешнем» [15, с. 33]. Этот аспект и составляет природу танца постфолк, который позволяет современным авторам обратиться к культурным корням, самости, актуализировать национальную принадлежность.

При соединении двух систем «телесного мышления» (техники современного танца и элементов народного танца) меняется и состояние исполнителя, выражающее «образно-смысловые структуры, которые объективно возникают в культуре как обобщение доминантных черт практического и ментального... опыта людей, выраженного в их телесном поведении» [8, с. 19]; создаются новые художественные образы; формируется новый танцевальный язык (выражается в небольших фразах хореографического текста танца постфолк). Цели этой инкорпорации могут быть различными. Во-первых, включение фольклорных движений в лексику современного танца (например: «гармошка», широкие шаги с каблука, положения рук «подбоченясь», присядки и хлопучки, дробные удары каблуком и пр.) вновь актуализирует и дает народному танцу возможность существовать в новой для себя художественной форме. Во-вторых, элементы народного танца служат дополнительным «строительным материалом» и возможностью обогащения, усиления специфичности и характерности постмодернистской лексики. В-третьих, хореографы современного танца в своем творчестве намечают и выражают общее состояние современной культуры. Вновь хочется подчеркнуть, что введение фольклорного начала с его коллективной, родовой силой – это обращение к природным истокам, к коллективной памяти, коллективной чувственности человека (что во многом уже утрачено; сейчас современный человек все чаще испытывает нехватку коллективного сознания, духа). Тем самым элементы народного танца обогащают телесно-пространственные структуры современного танца присущим фольклору энергией и витальностью; устанавливает для современного человека,

фрустрированного техногенной и информационной цивилизацией, мосты и связи с его социокультурным прошлым и природой.

Сегодня, когда народный танец, сохраняясь в «пассивной памяти людей... в состоянии своеобразного анабиоза» [17], испытывает процессы глубоких изменений, связанных с глобализацией и урбанизацией, и, как следствие, – сокращения числа носителей и исчезновения его традиционных форм; переходом в область сценического искусства; разобщенностью усилий профессионального сообщества по фиксации и хранению подлинных фольклорных материалов³ – проявленный устойчивый интерес хореографов современного танца к аутентичным хореографическим формам является принципиально иным методом его трансляции, позволяющим остановить процессы регрессивного движения. Посредством подобного обращения к фольклору хореографы современного танца проявляют совершенно уникальный русский подход к освоению своей родной этнической традиции.

Итак, представленный нами анализ бытия русского стиля, как в повседневности, так и в искусстве, позволяет понять и проблемность, и основные тенденции решения вопроса о бытии народной культуры в современности.

Список источников

1. Абрамкин И. А. Женский образ в портретной живописи русского сентиментализма на рубеже XVIII–XIX веков : дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Абрамкин Иван Александрович. – М., 2018. – 303 с.
2. Бакшаева О. А. Традиция в историко-культурном развитии народного костюма : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Бакшаева Ольга Азарьевна. – Нижний Новгород, 2007. – 176 с.
3. Богданов Г. Ф. Самобытность русского танца. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та культуры и искусств, 2001. – 224 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
5. Гужа Е. А. Эстетика повседневности в современной культуре : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04 / Гужа Екатерина Алексеевна. – М., 2017. – 143 с.
6. Ефимова Л. Е., Алешина Т. С., Самонин С. Ю. Костюм в России XV – начала XX в. : из собрания Государственного Исторического музея : альбом. – М. : Арт-Родник, 2000. – 232 с.
7. Кальницкая А. М. Взаимодействие и взаимосвязи поэзии и обряда в среднерусской свадьбе : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / Кальницкая Александра Михайловна. – М., 1984. – 195 с.
8. Курюмова Н. В. Современный танец в культуре XX века: смена моделей телесности. – СПб. : Планета музыки, 2020. – 208 с.
9. Лопухов А. В., Ширяев А. В., Бочаров А. И. Основы характерного танца. – СПб. : Лань : Планета музыки, 2007. – 343 с.
10. Митрягина Т. А. Русский народный костюм как ценностно-культурная парадигма : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Митрягина Тамара Алексеевна. – Белгород, 2005. – 159 с.
11. Мерцалова М. Н. Поэзия русского костюма. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 192 с.
12. Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов : в 4 т. – М. : Академия моды, 2001.
13. Пави П. Словарь театра. – М. : Прогресс, 1991. – 480 с.

---

³ Впрочем, в отношении последнего аспекта есть позитивные улучшения: на базе ФГБУК «Государственный Российский Дом народного творчества имени В. Д. Поленова» (Москва) создан Центр русского фольклора (в частности сектор актуализации традиционной народной культуры), чья деятельность направлена на распространение знаний о традиционной плясовой культуре в различных формах (осуществление экспедиционной деятельности, издание методических пособий по собиранию, изучению и освоению традиционной хореографии, проведение обучающих мастер-классов и конкурса «Перепляс»).

14. Полякова А. С. «Танец постфолк»: к исследованию одного из феноменов современного танца // *Обсерватория культуры*. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 425–430.
15. Современный танец постсоветского пространства : сб. ст. и мат. / авт.-сост. Е. В. Васенина. – М. : Редакция журнала «Балет», 2013. – 324 с.
16. Уральская В. И. Рождение танца. – М. : Советская Россия, 1982. – 143 с.
17. Чурко Ю. М. Проблемы интерпретации фольклора в современном хореографическом искусстве // *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*. – 2005. – № 5. – С. 38–45.
18. Шилин А. И. Неизвестный русский танец // *Народное творчество*. – 2006. – № 3. – С. 12–16.
19. Шилин А. И. Русский народный танец в XXI веке : ситуация и перспективы // *Песенный фольклор в начале XXI века : вызовы и ответы : материалы науч.-практ. конф (Москва, 5 декабря 2013 г.) / науч. ред. Л. С. Зорилова, И. В. Ржепянская*. – М. : [б. и.], 2014. – С. 97–106.

Maryana Anatol'evna Ershova,

Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Social Work of Russian State Vocational Pedagogical University (RSVPU) (Yekaterinburg)

Lyudmila Anatol'evna Myasnikova,

Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor at Tourism and Hospitality chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Anna Sergeevna Polyakova,

Senior lecturer of Contemporary Dance Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Russian Style and Present-Day Culture

Abstract. The paper explores the issues of the existence of today's folk culture through an appeal to the Russian style. The authors highlight two aspects of the analysis: everyday life and art. The problem of the inclusion of traditional Russian culture into everydayness is illustrated using the Russian costume. And the integration of Russian folk culture is discussed on the example of choreography. The authors proceed from the assertion that folk costume and folk dance have disappeared from everyday people's life. The paper reveals ways to include folk costume into present-day fashion on the basis of stylization. Incorporating folk dance into contemporary choreography rather implies reconstruction than stylization, giving birth to the phenomenon of post-folk dance.

Keywords: tradition, style, stylization, everydayness, Russian style, costume, art, folk dance, reconstruction technique, post-folk dance

Сейченко в музыке: искусствоведческий и философско-культурологический аспекты

Аннотация. В статье рассматривается проблема сочетания и совмещения различных стилистических пластов (имеющих собственное философско-культурологическое содержание) в европейской музыке XVII – 1-й половины XVIII в. (традиционно определяемую в музыковедении как «эпоха барокко»). Рассматриваются связи музыкального искусства с синхронными явлениями в других сферах искусства. В качестве рабочего термина, определяющего эпоху, автором предлагается концепт «Сейченко».

Ключевые слова: Сейченко, барокко, рококо, классицизм, предромантизм, Ренессанс, ренессансный реализм

«Сейченко (*итал.* seicento, буквально – шестьсот), принятое в итальянском языке наименование XVII в.; применяется для условного обозначения художественной культуры Италии XVII в.» [4, с. 222]. Как видим из определения, данный термин применяется исключительно по отношению к итальянской культуре, и только к ней (впрочем, в искусствоведческих публикациях на данную тему постоянно подключаются материалы об искусстве Испании, Франции и Нидерландов того времени). Для нас важно, что рамки использования термина «Сейченко» никогда не включают в себя музыковедение. Применительно к последнему по отношению к реалиям XVII и 1-й половины XVIII в. традиционным стал концепт «барокко». То есть, согласно данному подходу (воспринимаемому как аксиоматический), музыка рассматриваемого исторического периода – это барокко, и только барокко. Насколько, однако, данная концепция соотносится с фактами? И насколько она именно может восприниматься аксиоматически?

В свое время классик немецкой философии XX века Эрнст Трельч определил традицию как элемент статики в процессе динамики. Переводя данное высказывание в русло привычных понятий, можно сформулировать так: традиция – это не что-то вечное, а некий относительный «участок стабильности» в мире постоянного движения (гераклитовский «панта рей») и неизменной диалектики «бифуркаций» и «флуктуаций». И еще стоит вспомнить известную максиму Карла Поппера: наука начинается там, где можно отвергнуть концепцию (Поппер, как известно, определил данный подход как «фальсификационизм») [5, с. 337–339]. По мысли Поппера, претензия на неревизуемость той или иной концепции означает переход с поля науки на поле религии – именно последняя всегда претендует на «вечное».

Представляется, что «бароккоцентрическая» концепция музыкальной культуры XVII–XVIII вв. страдает односторонностью и имеет только одну ценность – крепость устоявшейся традиции. Вопросы возникают сразу при более внимательном рассмотрении фактологического положения дел. Во-первых, при тиражировании традиционного подхода возникает разрыв между музыковедением и остальным искусствоведением (поскольку применительно к литературе и изобразительному искусству исследователи приходят к совершенно иным выводам); во-вторых, музыковедческая традиция игнорирует аспекты философского и культурологического характера (что тоже традиционно – и такая ситуация в музыкове-

---

* Дмитрий Владимирович Суворов, кандидат культурологии, доцент, лауреат писательской премии им. П. П. Бажова (г. Екатеринбург).

дении, как известно, далеко не вчера стала мишенью резкой критики со стороны М. Бахтина); в-третьих... и тут мы подходим к сердцевине проблемы.

Суть в том, что духовная и художественная культура XVII и 1-й половины XVIII в. имеет одну уникальную особенность – это сосуществование и взаимовлияние нескольких духовных и стилистических направлений, каждое из которых имело свой ярко выраженный и легко узнаваемый «хабитус». Подчеркиваю, данная ситуация смотрится как абсолютно уникальная: в предыдущие эпохи подобная «полистилистичность» могла проявляться только в виде постепенного перехода средневековья в Ренессанс, с неизбежными в таких случаях философскими и стилистическими напластованиями (по хорошо знакомому культурологам алгоритму перехода контркультуры в состояние господствующей культуры) и с существованием конкретных творческих фигур, сохранявших «инокультурные» пристрастия (Ян ван Эйк и Иероним Босх, в творчестве которых средневековые семантики весомее ренессансных), а также в виде неравномерности торжества Ренессанса в разных регионах Европы – общеизвестно, что Треченто (ранний Ренессанс) был имманентен только для Италии, а так называемое «Северное Возрождение» синхронно итальянскому Чинквеченто («Высокий Ренессанс»), но не Кваттроченто (XV век). В последующие века можно вспомнить вызревание сентиментализма и предромантизма в недрах классицизма (XVIII в.), а также сосуществование романтизма и постромантизма в XIX веке. Но все вышеописанное по масштабу явления не идет ни в какое сравнение с поистине уникальной ситуацией XVII и 1-й половины XVIII в. – здесь аналогом будет только еще более масштабная духовно-стилистическая амальгама XX века.

Встает вопрос о корнях данного явления, и они многократно описаны. Как известно, Сейченто, XVII век, – это начало Нового времени. Этот рубеж имеет множество демаркаций политического (первые буржуазные революции), экономического (постепенное вытеснение феодальных отношений капиталистическими), социального (вызревание новых социальных слоев и групп), духовного (борьба Реформации и Контрреформации), философского (рождение рационалистической и эмпирической философии науки), научного (кристаллизация классической «инвариантной» картины мира на основе фундаментальных научных открытий) характера (см: [1, с. 121–130]). Все это проходило через острейшие духовные и социальные конфликты, а также посредством внешне менее заметных, но семантически еще более значимых и драматических культурных трансформаций. Такая историко-социокультурная ситуация, создававшая колоссальное «поле высокого напряжения», была чрезвычайно плодотворна для интеллектуального и эстетического творчества – и совершенно не располагала к какой бы то ни было «унификации» (см: [8, с. 411–412]). К этому надо добавить неравномерность описываемых процессов в разных странах Европы, несинхронность смены границ стилей (создававшую «точки наплыва»), несовпадения статусов политико-экономического и духовно-культурного модусов.

При изучении и анализе художественных тенденций музыкальной культуры рассматриваемого периода, как представляется, необходимо «выполнить завет Бахтина» – преодолеть типичную для музыковедения «профессиональную самоизоляцию» и подключать к аналитическому аппарату данные культурологии и философии, а также литературоведения и искусствоведения (применительно к изобразительному искусству). Такое расширение дискурса позволяет включать музыкальную специфику в более широкую систему координат, синхронизировать имевшие место эстетические и культурные процессы, а также прояснить многие дискуссионные моменты. Надо отметить, что именно в музыковедческой области рассматриваемая тематика – сравнительно с другими областями искусствоведения – представляет дополнительные сложности для изучения, поскольку именно в

музыке стилистические рамки и границы зачастую размыты, а многие конкретные персоналии в эстетическом плане находятся на «пограничье». В данной статье предпринимается попытка внести ясность в рассматриваемую проблематику и произвести «эстетико-стилистическую демаркацию». В качестве рабочего концепта изучаемая эпоха будет определяться как «эпоха Сейченко». Итак...

Безусловно, в музыке XVII и 1-й половины XVIII в. барочная стилистика абсолютно доминирует. Если иметь в виду многократно отмечаемую антиномичность мировоззрения барокко, его драматическую и даже трагическую «разорванность», осознание мира как «раздора стихий» (удачный образ из пьесы Лопе де Веги «Фуэнте Овехуна») (см: [6, с. 109–110]), преодоление и переосмысление «великой наивности» ренессансной мечты о грядущем «золотом веке», «полифоничность» мировосприятия и мироощущения (что констатировала М. Лобанова) [3, с. 25–29], своего рода «гамлетовский» алгоритм творческой философии («Гамлет» и вообще поздние трагедии Шекспира – квинтэссенция философии барокко в искусстве), – то надо признать: $\frac{3}{4}$ музыкального наследия рассматриваемой эпохи идеально вписываются в данную матрицу. Отсюда – и высочайшая планка драматизма музыкального барокко, ставшая своеобразной «визитной карточкой» всего направления. Причем философская «полифоничность» и «антиномичность» столь же идеально перетекают собственно в эстетику и даже в чисто музыкальную стилистику. Еще раз обратим внимание на наблюдение М. Лобановой о «полифоничности» барокко: общеизвестно, что одним из главных (и грандиозных) музыкальных открытий интересующего нас стиля стало рождение так называемой «полифонии свободного стиля» (в противовес «полифонии строгого стиля» Ренессанса) – что никак нельзя считать случайным... На макроуровне (включая и сугубо музыковедческие, и общекультурно-философские аспекты) – безусловно барочными авторами следует признать практически всю итальянскую школу оперы-*seria* (Ф. Кавалли, Дж. Каччини, А. Чести, Ст. Ланди, Дж.-Б. Легренци, А. Страделла, А. Скарлатти), всех итальянских композиторов того времени, специализировавшихся в основном на инструментальной музыке (А. Корелли, Дж. Фрескобальди, Дж. Торелли, Дж.-Б. Бассани, Т. Витали, А. Вивальди, Т. Альбинони, Ф. Верачини, Б. Марчелло, А. Марчелло, Ф. Джеминиани, П. Локателли, В. Манфредини, Ф. Дуранте, П. Нардини, Дж.-Б. Сомис), всю немецкую музыку XVII века (Г. Шютц, С. Шейдт, И. Г. Шайн, Г. Шейдеман, М. Преториус, И. Пachelьбель, Я. Фробергер, Г. Муффат, И. Кунау, Д. Букстехуде, Л. Кребс, Р. Кайзер, И. Маттезон), большую часть композиторов Восточной Европы (Г. И. Бибер, П. Вайвеновский, А. Михна, Я. Д. Зеленка, Б. Черногорский, Ю. Жарзевский, Ю. Жарзиньский, М. Мельчевский, С. Каприкорнус, И. Д. Хайнекен, И. Г. Шмельцер) – с кульминацией всего направления в 1-й половине XVIII века, в лице трех великих титанов немецкой музыки: Г. Ф. Телемана, Г. Ф. Генделя и И. С. Баха. (Впрочем, как увидим, именно применительно к названной «великой троице» возникнут интересные «модуляции».)

Однако барокко, как уже отмечалось, – кардинальное, но далеко не единственное направление в музыке рассматриваемого хронологического отрезка европейской истории. Параллельно барокко в Европе (точнее, во Франции) развивался и вышел на первую позицию стиль рококо – с философских и общеэстетических позиций во многом альтернативный по отношению к барокко. Хотя искусствоведы XIX века имели тенденцию расценивать рококо как «подвид барокко» (или даже как высшую ступень последнего) [9, с. 32–36], такая точка зрения представляется неправомерной (хотя и не лишенной наблюдательности!): все-таки эстетическая самобытность культуры рококо (стремление к ясности и эстетизму – в противовес «полифоничности» барокко) и, прежде всего, философско-мировоззренческая «инаковость» (культуре рококо абсолютно чужд внутренний

трагизм и «гамлетизм» барокко) слишком бросаются в глаза. И эта «альтернативная культура» весьма ощутимо влияла на общеевропейские реалии – хотя бы потому, что рококо было «культурной интервенцией» Франции эпохи Ришелье и «короля-солнца», политического и культурного гегемона континента. Что интересно, именно в музыке стилистические границы барокко и рококо размыты – и, скажем, в «лирических трагедиях» Ж.-Б. Люлли или в скрипичных концертах и сонатах Ж.-М. Леклера можно констатировать превалирование именно барочных элементов. Но рококо отпраздновало свой ликующий триумф в так называемой «Школе французских клавесинистов» (Л. Дакен, Ж. Дандрие, Л. Н. Клерамбо, Ж. Шампион де Шамбоньер, и прежде всего – лидер школы Ф. Куперен «Великий», бывший также классиком французской оркестровой и ансамблевой музыки), а также во французской скрипичной и виолончельной музыке того времени (М. Маре, Р. Маре, А. Форкре, Ж. де Буамортье, Ж.-Б. Сенайе) и в операх Ж.-Ж. Кассанеа де Мондонвиля. «Французский стиль» оказался – даже на фоне поистине титанического взлета барокко – настолько «креативным», что оказал весьма ощутимое влияние на творчество последних титанов барочной эпохи; достаточно вспомнить многие страницы творчества И.-С. Баха (например, «Французские сюиты» для клавира, да и само частое обращение Баха – и Генделя! – к чисто французскому по генезису жанру клавирной и оркестровой сюиты), а также все творчество Телемана. Последнего, к слову, в СССР на страницах учебников музлитературы обвиняли в подражательности по отношению к французской рокайльной традиции. Это, разумеется, не так – но сам факт глубокого воздействия французского художественного опыта на творчество Телемана сомнений не вызывает.

Затем. Если рассматривать старт музыкального Сейченко (1-я треть XVII века), то мы обнаружим весьма мощное поле притяжения эстетики уходящего Ренессанса (момент, вовсе не экзотичный применительно к литературе того времени – достаточно вспомнить Лопе де Вегу, Кальдерона и раннего Шекспира). Этот момент – самый интересный и неожиданный, поскольку (по мнению большинства исследователей) разрыв между Ренессансом и барокко был едва ли не демонстративным. По точной констатации С. Скробкова, «в начале XVII века, в связи с рождением оперы, европейская музыка переживает радикальный перелом стиля. Более резкого, более стремительного изменения стиля, чем то, которое произошло в первой четверти XVII века, музыкальное искусство не знает и до сих пор... Склад многоголосия становится элементарно гомофонным, партия солиста в силу своей индивидуализированности резко выделяется на фоне гармонического сопровождения... инструментальная музыка начинает приобретать вполне самостоятельное значение. Все эти сдвиги в стиле оказываются подобными скачку через бездну» [7, с. 111]. Кроме того, С. Скробков справедливо отмечает смену основополагающего принципа интонационной организации музыки – от принципа переменности в эпоху Ренессанса (сменившего в свое время принцип остинатности, характерный для музыки Средневековья) к восторжествовавшему в Сейченко принципу централизующего единства (ставшему основным до конца XIX века) [Там же]. Но тот же С. Скробков замечает: «При всей радикальности изменений в стиле, разрыва в историческом развитии музыки не наступает» [Там же, с. 112]. И здесь кардинальным моментом, демонстрирующим поразительные «флуктуации» характерной полистилистичности Сейченко, является общеизвестная история рождения оперного жанра в рамках художественных исканий Флорентийской камераты на рубеже XVI–XVII вв. Как известно, это был типичный кружок ренессансного типа, состоявший из представителей разных видов искусств (и просто любителей, разделяющих идеи гуманизма); и сама первоначальная идея, повлекшая за собой столь грандиозные последствия, была сугубо ренессансной – возро-

дять древнегреческий театр во всей его творческой синкретичности. Как известно, античный театр был предельно условным искусством, базировался на мифологических сюжетах, а участники театрального действия сочетали сценическую речь, пение и танцы. Попыткой «реставрировать» античный опыт и были первые оперы, написанные Якопо Пери, – «Дафна» (1598 г., не дошла до нас) и «Эвридика» (1600 год, ставший официальной датой рождения оперы). Как и всё в практике Ренессанса, «ретроспективная» идея стала платформой для новаторства – вместо возрождения старого было создано новое... Опера Я. Пери была первым, почти еще ученическим опытом – а первым классиком оперного жанра суждено было стать Клаудио Монтеверди (которого – наряду с А. Корелли и Я. Свелинком – вообще можно считать первым музыкальным гением Сейченко). В высшей степени показательно следующее: по стилистике и жанровым предпочтениям Монтеверди всецело принадлежит эпохе Ренессанса (характерно, что Монтеверди был последним композитором, активно сочинявшим мадригалы; этот жанр, как известно, был настоящей музыкальной эмблемой эпохи Возрождения и ушел вместе с ней), а по обращению к опере (которая именно под пером Монтеверди приобрела свой современный вид) и по активному освоению упомянутых Скребковым стилистических новаций музыкального языка – Монтеверди уже прокладывает пути в барокко. То же самое касается и нидерландского мастера Я. Свелинка: в его вокальной музыке преобладают ренессансные, а в инструментальной – барочные элементы. Фактически именно Свелинк и Монтеверди, говоря словами О. Мандельштама, натурально склеили своей кровью позвонки двух столетий.

Есть и иной аспект музыкальной эстетики того времени, могущий вызвать параллели с уходящей ренессансной эпохой. В литературоведении известен концепт «ренессансного реализма» (обычно применяемого по отношению к творчеству Шекспира, Сервантеса и Лопе де Веги – если вспомнить феномен «малых голландцев» в живописи, то становится ясно, что искусствоведческие рамки данного явления могут быть расширены) [2, с. 25–32]. Для нас важно, что элементы реалистической эстетики (связывающей искусство с окружающей действительностью) были не чужды Сейченко. Проявлялась ли эта тенденция каким-либо образом в музыке? Проявлялась, и именно так, как обычно констатируют применительно к литературе: единого стилистического течения не образуют, но вполне явственно проявляют себя в персоналиях. Таковыми персоналиями являются уже упоминавшийся Г. Ф. Телеман, а также единственный британский классик Сейченко – Г. Перселл. Последний вообще так часто и настолько откровенно в своем творчестве обращался к элементам и художественным особенностям английской народной музыки (беспрецедентное явление для музыки XVII века!), что можно констатировать абсолютный эстетический выход композитора за рамки барокко (к которому Перселла традиционно причисляют). Да и созданный Перселлом жанр лирической оперы («Дидона и Эней») – явление совершенно невиданное для музыки того времени: показательно, что следующими образцами этого жанра будут «Евгений Онегин» П. Чайковского, «Русалка» А. Дворжака и вся школа французской лирической оперы XIX века (Ш. Гуно, Ж. Массне, Л. Делиб, А. Тома, ранний Ж. Бизе). Что касается Телемана, то у него в большом числе инструментальных сочинений (которых, как известно, немецкий автор написал порядка двух тысяч!) открытым текстом используются фольклорные элементы музыки тех стран, где Телеман проживал в течение всей своей весьма активной жизни (Германия, Франция, Англия, Испания, Швеция, Речь Посполитая). Да и названия многих произведений Телемана – таких, как «Французские квартеты» или «Польский концерт» – говорят сами за себя... Данная тенденция свойственна не только двум упомянутым авторам: английское народное музыкальное начало заметно у позднего Генделя, а, скажем, «Кофейная кантата» И. С. Баха – вообще поразительный

пример не только реализма, но даже реалистической социальной сатиры в творчестве последнего титана барокко.

Но и этим не исчерпывается «радужная палитра» стилистики музыкального Сейченко. Как известно, во французской литературе XVII века тон задавал классицизм – художественное направление, в следующем (18-м) столетии ставшее доминирующим во всех видах искусства. Как мы сейчас увидим, музыка также не осталась безучастной к классицистским веяниям, причем именно в данном аспекте изумляет тот факт, что этот «предклассицизм» чисто музыкально проявляется именно в тех формах и стилистических особенностях, которые впоследствии станут узнаваемыми «мемами» эпохи Высокого классицизма. Здесь, как и в предыдущем случае, мы имеем дело не с тенденцией, а с индивидуальными персональными «прорывами»; и персоналий здесь – тоже две: это Дж.-Б. Перголези и Доменико Скарлатти. Последний (будучи сыном Алессандро Скарлатти-старшего) в большинстве своих сочинений (оперы, скрипичные сонаты, concerto grosso) предстает перед слушателями типичным представителем Высокого Барокко; однако в его творчестве была одна сфера (ставшая потом самой известной и даже приобретшей эмблемное значение для характеристики творчества Д. Скарлатти), в которой композитор совершенно определенно выходит в иную стилистическую сферу. Это – изобретенный Скарлатти-младшим жанр фортепианной (клавирной) сонаты. Жанр этот – подчеркнуто камерный, «неброский» и абсолютно «миниатюрный» по пропорциям (сонаты одночастны, каждая идет буквально 3–4 минуты). Стилистически сонаты Скарлатти резчайшим образом «выламываются» из барочной эстетики и поразительно напоминают стилистические открытия эпохи музыкального классицизма (вплоть до аллюзий к Моцарту!). И фортепианная техника этих сонат имеет гораздо больше точек соприкосновения с музыкой венского классицизма, нежели с барочной практикой... Но та же картина наблюдается и при знакомстве с творчеством Перголези – супергениального и трагически рано ушедшего композитора (Перголези умер в 26 лет – поставив ужасный и никем не превзойденный рекорд в истории музыки). Большинство сочинений из огромного наследия Перголези, включая главный его шедевр – *Stabat mater*, – безусловно принадлежит к барокко; но одним своим произведением итальянский корифей совершил настоящую стилистическую революцию. Это «Служанка-госпожа», первый в европейской музыке (и блистательный) образец оперы-buff, итальянской комической оперы (эстетически базирующийся на традициях театра dell'arte, «комедии масок»). Созданный Перголези жанр, которому было суждено огромное будущее, по особенностям музыкального языка принадлежит формирующейся эстетике классицизма. И такие моменты – не единственные в практике Сейченко. Классицистская эстетика подчас явственно дает о себе знать в ораториях Генделя (особенно в трактовке комических образов – таких, как Харафа в оратории «Самсон»), в операх Телемана (одноактная комическая опера «Школьный учитель» – образец классицизма чистой воды!) и особенно в творчестве замечательного немецкого композитора Иоганна Адольфа Хассе, совершившего в собственном творчестве «модуляцию» от барокко через рококо к классицизму (роль Хассе в музыке 1-й половины XVIII века во многом идентична роли Свелинка и Монтеверди применительно к предыдущему столетию).

И, наконец, есть еще одна эстетическая «мутация», являющаяся едва ли не самой экзотической (и практически не замеченной исследователями). Суть в том, что внутри культуры музыкального барокко существовала тонкая струйка, по стилю заставляющая вспомнить практику музыкального романтизма. Если вспомнить, что середина XVIII века (время окончательного завершения барочной эпохи) вплотную примыкает к старту Sturm- und Drang- Bewegung, рождению европейского предромантизма, то данный момент теряет изрядную долю экзотич-

ности. Проявляется этот момент двояко: с одной стороны, уже упоминавшиеся клавирные сонаты Д. Скарлатти своей камерностью и «миниатюрностью» протягивают стилистически мостик не только к Моцарту (первому классику предромантизма и будущему идолу романтиков), но и к собственно романтической эпохе, к Шуберту и Шопену. С другой стороны, на гребне позднего барокко появляется своего рода «субэстетика», которую можно определить как «ультрабарокко» (данный термин используется применительно к барочной архитектуре Испании и Латинской Америки). У М. Лобановой есть интересные мысли об «экстремистском крыле барокко», и этот концепт (правда, высказанный автором немного по другому поводу) может быть применен к рассматриваемому моменту [3, с. 40–41]. Одиноким классиком такой эстетики – Джузеппе Тартини, великий скрипач и композитор 1-й трети XVIII века. В его музыке насыщенность и острый драматизм барокко переходят в новое качество – усиленное чисто виртуозной нагрузкой на скрипку, появлением того, что впоследствии (применительно к таким фигурам, как Н. Паганини, А. Вьетан, Г. Эрнст и Г. Венявский) будет определяться как «воинствующий романтизм». Тартини – прямой предтеча данного стиля в скрипичной музыке: это проявляется во многих его сочинениях (например, в ре-минорном концерте для скрипки), но кульминация здесь, конечно, – соната «Трели дьявола». Это сочинение в музыке XVIII века – совершенно уникальное, не имеющее аналогов (причем применительно и к барокко, и к классицизму): не случайно с ним связана характерная мистическая легенда о том, что якобы композитор услышал ее во сне, и исполнял эту сонату сатана... Стилистический аналог здесь может быть только один – скрипичная практика эпохи Паганини–Венявского: в этом отношении «Трели дьявола» (и все творчество Тартини в целом) – уникальный пример индивидуального стилистического прозрения. Нечто подобное впоследствии произойдет с поздними квартетами Бетховена, прозванными «письмами в XX век».

Такова картина «полифоничности» и «полистилистичности» музыки Сейченко. Представляется, что фундаментальные исследования данного интереснейшего феномена еще впереди.

Список источников

1. Арган Дж. К. История итальянского искусства : в 2 т. / пер. с итал. Г. П. Смирнова ; под науч. ред. В. Д. Дажиной. – М. : Радуга, 1990. – Т. 2 : Высокое Возрождение. Барокко. Искусство XVIII века. Искусство XIX – начала XX века. – 239 с., 64 л. ил.
2. Безруков А. Н. История зарубежной литературы (Античность, Средние века, Возрождение) : учеб. пособие. – Бирск : БФ БашГУ, 2016. – 120 с.
3. Лобанова М. Н. Западно-европейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 335 с. : ил., ноты.
4. Популярная художественная энциклопедия : Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство : в 2 т. / редкол.: В. М. Полевой (гл. ред.) и др. – М. : Советская энциклопедия, 1986. – Т. 2 : М–Я. – 432 с.
5. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. – Т. 4 : От романтизма до наших дней. – СПб. : Петрополис, 1997. – 880 с.
6. Свидерская М. И. Искусство Италии XVII века: Основные направления и ведущие мастера. – М. : Искусство, 1999. – 178 с. – (Из истории мирового искусства).
7. Скробков С. С. Художественные принципы музыкальных стилей. – М. : Музыка, 1973. – 446 с.
8. Федотова Е. Д. Италия: история искусства. – М. : Белый город, 2006. – 608 с.
9. Ermatinger E. Barock und Rokoko in der deutschen Dichtung. – Leipzig : V. G. Teubner, 1928. – 196 s.

Dmitriy Vladimirovich Suvorov,

Cand. Sci. (Culturology), Associate Professor, the winner
of the P. P. Bazhov Writer's Prize (Yekaterinburg)

Seichento in Music: Art and Culture-based Aspect

Abstract. The article examines the problem of combining and juxtaposing various stylistic layers (layers that have their own philosophical and cultural content) in European music of the XVII - 1st half of the XVIII centuries (traditionally defined in musicology as the “Baroque era”). The author considers the connections of musical art with synchronous phenomena in other spheres of art. As a working term defining the epoch, the author proposes the concept of “Seichento”.

Keywords: Seichento, Baroque, Rococo, classicism, pre-Romanticism, Renaissance, Renaissance realism

О творческом наследии А. И. Лучанкина. Памяти Товарища

В октябре 2021 года мы простились с доктором философских наук **Александром Ивановичем Лучанкиным**. Он родился 20 сентября 1952 года в Свердловске. Учился в обычной школе на старой Сортировке, отслужил в армии (стройбат) и поступил на философский факультет УрГУ. Навык работы на стройке пригодился ему в ССО «Товарищ», где он был «и жнец и на дуде игрец». Закончив обучение, он поступил в аспирантуру и в 1985 году защитил кандидатскую диссертацию «Традиции в социокультурной преемственности: методологический аспект» под руководством профессора В. И. Плотникова, который верил в его талант и интересовался успехами ученика до последних лет своей жизни. Спустя четырнадцать лет Александр Иванович защитил и докторскую диссертацию «Социальные представления и социальная работа: проблемы философского обоснования» (1999 г.), работая на кафедре «Социальной философии» в Альма-матер.

Главная тема исследования обозначалась автором как попытка обоснования посреднической модели социально-философского дискурса в поддержке практики социальной работы в ее духовно-проектном аспекте. Речь шла о социальных представлениях подростков и молодежи; имиджах, образах, идеях, утопиях, идеалах, образах социальности, взятых в проблематике проектирования их жизненного сценария.

В этой работе Александр Иванович призывал социальную философию взять на себя роль терапевта обыденных социальных представлений, их целителя. Актуальность социальной терапии он обосновывал в своих последующих неакадемических работах и практиковал в обыденной жизни все отведенное ему время. Вокруг него всегда «кучковались» люди с улицы, требующие внимания и участия. *«Человек с улицы» всегда готов, по меткому выражению О. Розеншток-Хюсси, ответить взрывом национальных, социальных, расовых предрассудков и мифологем в ответ на безучастную монологичность экспертов. Если философия не исцеляет социальные представления, то выпадает из дискурса социальности»*.

Безучастными монологами он признавал большинство представителей академической школы – не способных влиять на обыденность и социальность в позитивном ключе.

Во второй половине 90-х годов Александр Иванович активно занимался практикой социальной работы, проводя семинары и деловые игры в клубном молодежном движении вместе с командой молодых «игротехников» (термин «ОДИ» (организационно-деятельностная игра) Г. П. Щедровицкого) из Института философии и права УрО РАН. Результаты своих практических исследований эта команда опубликовала в работе «Социально-клубная работа с молодежью: проблемы и подходы»¹. Основным инструментом постижения социальных феноменов

¹ Лучанкин А. И. Социально-клубная работа с молодежью: проблемы и подходы / А. И. Лучанкин, А. А. Сняцкий ; РАН. Урал. отд-ние. Ин-т философии и права, Ин-т культ.-образоват. технологий. – 3-е изд. – Екатеринбург, 1997. – 396 с.

своей эпохи А. И. Лучанкин признавал философско-феноменологический подход, а основной акцент в аналитике делался им на феномене интерсубъективности и механизмах повседневной типизации в общении-диалоге-коммуникации. На его лекции по философии на матмехе УрГУ приходили слушатели с других факультетов.

Свое критическое отношение к родной академической школе А. И. Лучанкин иногда проявлял открыто, что сказалось и на его карьере. В 2003 году он вынужден был покинуть Альма-матер, перейдя работать в негосударственный туристский вуз на кафедру «Гуманитарных дисциплин». Здесь опыт клубной работы помог ему адаптировать академический дискурс и сам курс «Философии» под запрос формирования компетенций будущего мыслящего менеджера туристской сферы с активной жизненной позицией. Он применял интерактивные методы преподавания с первого до последнего дня работы в «Академии туризма и международных отношений» (АТИМО) в сентябре 2021 года.

Здесь он встретил уже и совсем иную студенческую аудиторию, близкую его сортировочному детству, нацеленную на «здесь и сейчас». Зарекомендовав себя, он стал практикующим профессором, со своим рабочим кабинетом, регулярно выезжая в экспедиции и практические семинары. В благодарность открывшемуся для него новому миру туризма он написал неакадемическую книгу «Этюды к феноменологии путешествий» (2011)². В год ее издания в «Белинке» состоялась ее официальная презентация с показом коллекции его картин и любимых маршрутов. Вместе со студентами Александр Иванович ежегодно выезжал на «Летнюю школу» в природный парк «Оленьи ручьи» или турбазу «Хомячок» (г. Полевской), где совершал трекинги днем, а вечером предводительствовал в тематических играх и семинарах у костра.

Вместе с коллегами кафедры «Менеджмента и экономики» АТИМО он участвовал в практических семинарах «Школы сельского туризма» в Ирбите, а позднее и «Охотничьего туризма», организованных Фондом поддержки предпринимательства Свердловской области в 2013–2015 годах. Здесь проходили обучение предприниматели, желающие инвестировать в туристский бизнес, развитие инфраструктуры внутреннего туризма (гостевые дома, тематические парки и «этнодеревни» в сельской местности). По воспоминаниям участника семинаров, учредителя музея «Народного быта» в Ирбите М. И. Смердова, занятия Александра Ивановича всегда привлекали, так как они проходили в диалоге и учили думать.

Новые подходы к практике философского письма стали обозначаться Александром Ивановичем в его работе «Жизнестойкость: ментальные путешествия к доверию» (2015)³. Эта книга выдержала второе издание – «Жизнестойкость: в поисках концептуального персонажа» (2018)⁴, будучи тщательно переработанной. Виртуальный опыт путешествий и практического обучения был осмыслен им в очередном опусе-монографии «Этюды к философии способностей» (2020)⁵, изданного этим же издательством Ф. Еремеева «Кабинетный ученый». В работе события сбываются в диалоге двух друзей, неспешно сплавляющихся вниз по течению Чусовой. В попутчике странника (автора) угадывается «умничка» Андрей Сняцкий, с которым автор соглашается и спорит на берегу у костра, прислушиваясь к звукам леса и реки... Одной из центральных тем обсуждений является фе-

² Лучанкин А. И. Этюды к феноменологии путешествий / А. И. Лучанкин, Л. А. Кадырова ; Уральский международный ин-т туризма. – Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2011. – 231 с. : ил.

³ Лучанкин А. И., Кадырова Л. А., Базаров Е. Ю. Жизнестойкость: ментальные путешествия к доверию. - Lap Lambert Academic Publishing, 2015. – 244 с.

⁴ Лучанкин А. И., Кадырова Л. А. Жизнестойкость. В поисках концептуального персонажа. – М. : Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. – 368 с.

⁵ Лучанкин А. И. Этюды к философии способностей. – М. : Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. – 344 с.

номен Высчела, как его называет А. И. Лучанкин. Проблема отчуждения власти, социального разделения читается за этим образом. Автора пугала и нарастающая тенденция культа силы в нашем обществе. Не случайно целая глава посвящается разбору идеи сверхчеловека Ф. Ницше, заимствованной и приспособленной для своих нужд нацистами в 1930-х годах в Германии. *«Высший человек» Ницше гениально играет в человека: он побеждает животных, спасает мир, загадывает загадки, но сам является загадкой и животным. Своей жизнеутверждающей стороной активной воли он освобождает людей от тяжести жизни, от ответственности за всё существующее, не нагружает их жизнь грузом героически-возвышенных ценностей; он сам создает новые смыслы и ценности, которые делают повседневную жизнь легкой и утвердительной.*

Иллюстрация к книге, из графики А. И. Лучанкина (2020)

...Неверно думать, что воля к власти означает «вожделение господства» или «волю властвовать» над другими: Ницше говорит о самовластии и, прежде всего, о власти над собой (энкратии); во-вторых, могущество/слабость относительно касаются друг друга, самые «могущественные» персоны легко могут перестать быть самыми сильными в персоналистском государстве (назначаемые и снимаемые губернаторы); в-третьих, идея Вечного Возвращения не есть цикл или круг-повтор возвращения Того Же Самого: у Ницше наблюдается, скорее, образ круговорота с преобладанием «стрелы становления» (неизменны только изменения). <...> Негативное «Нет», произносимое Заратустрой, не есть негативность. Это священное «Нет», исторгаемое из пасти Льва как зов к разрушению всех старых ценностей, божественных и человеческих, ибо они

составляют рассудочно-оценивающую суть всякого суда и осуждения – основу европейского и всякого догматически-консервативного нигилизма, отрицающего новизну нового. Суть негативности Заратустры – космическая, она есть преобразование социальной природы человека, потустороннее нигилизму. Чудо выше добра, если добро – это чудо.

Вот почему может показаться, что Заратустра уже исполнил свой долг, всего лишь ухватившись за косматую гриву Льва, пропитавшись ненавистью ко всему ставшему и установленному; но пророк не остается на ступени «Нет» во имя священного и преобразующего становления; негативность Заратустры – это гимн дионисийской эротике, шествие позитивного утверждения жизни и смерти; и если Дионис обручается с Ариадной в кольце Вечного Возвращения, то и Заратустра находит жену в нем же; как Дионис порождает сверхчеловека, так Заратустра зовет его своим

ребенком. Его заслуга в том, что он споспешествует утопии – символическому «рождению высшего человека» в людях двора. Утверждающая негативность Льва становится Ребенком, критика ставших предрассудочных ценностей – смыслом преобразований. <...> Это обычный двойной стандарт, который философия практикует со времен смерти богов: для дворов «здоровье» выступает мериллом жизнестойкости перед злом; для затворника-философа масштаб жизнестойкости – духовная мятежность и неуспокоенность в ожидании чуда, свершения утопии.

Из коллекции графики А. И. Лучанкина (2020)

В одной из глав обсуждается им и тема массового террора, при сопоставлении позиций А. Солженицына (искупительная, очищающая жертва) и В. Шаламова (бесмысленная, уравнивающая палачей и их жертв). Обсуждение темы страха, травли и боли было продолжено им в последней книге, заказанной ему в 2021 году редактором издательства «Кабинетный ученый». Каждую главу своей новой работы он начинал в стиле новеллы Мопассана или диалога Сократа. Здесь есть и любовная, и детективная история, погружение в музыку и миры своих собеседников, в которые он выбрал полюбившийся ему круг его трудных подростков (дворян). Книгу писал он тщательно и долго, порою теряя веру в свой талант, возвращаясь к Бахусу.

Выйти из его примиряющих объятий помогал ему порой лишь чистый холст, стоящий в кухне на рабочем столе напротив окна. Благо, краски чаще всего были под рукой. Это спасало лучше, чем вино. Сарказм и уныние отступали, и он вновь ощущал себя веселым буддистом, жадным до внимания к бытию и его пустоте. Сам себя он ощущал точкой сингулярности или черной дырой, требующей постоянного наполнения: образами, мыслями, чувствами. В его доме постоянно были задействованы все информанты: радио, плазма, комп, книги, друзья, соседи. Ближким же трудно было смиряться с его «инфо-хаосом», питающим мыслеобразы... Для «своих» он слыл строгим «сократовским стоиком», любившим, правда, воздать дань и древнему культу Бахуса и Диониса. Игры, представления, восторг публики и ее благодарное воздаяние – все эти атрибуты античного массового праздника были близки для него и желанны, особенно в период «бурных» 80–90-х.

Однако сам вольный образ жизни его, наряду с дерзкими и прямыми сократовскими высказываниями, мешал ему оставаться жрецом Мельпомены надолго. В нем признавали киника, т. е. циника-собаку, и прогоняли со двора. Так поступил театральный, также позднее случилось и в Альма-матер. Он брался за темы боли и смеха, возвышенного и обмана, творчества и пустоты, подражая Лакану и Бахтину, Делёзу и Гваттари, отдавая дань и апологии «вещи в себе».

Часто он позиционировал себя как буддист-агностик, защищаясь от меняющихся властных установок-идеологем. Друзья же звали его Лучом «ургушных ясных дней», способным творить добро и свет. Он любил «жизнь и все живое» и стал значимой частью мира близких ему людей. Ушел же он из жизни как настоящий стоик, никого не прося о помощи, заботясь больше о безопасности других, в том числе сына и внука, оставив богатое философское наследие и коллекцию ярких картин. Пусть его жизнь и труды останутся в памяти чтущих свет и творчество во всех его искрометных проявлениях.

Е. Ю. Базаров,

*канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма
АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург)*

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

**Актуальные проблемы трансформации политических курсов
в контексте современной политики, прав человека
и международных отношений (обзорная статья
по итогам международной конференции)**

Аннотация. В обзорной статье представлены основные идеи и проблемы, которые обсуждались на конференции российских и зарубежных ученых и практиков, в том числе: тенденции и особенности развития, диффузии, трансформации политических курсов, в том числе молодежной политики; актуальные проблемы политико-правовых направлений развития государств в контексте устойчивого развития; вопросы трансфера и адаптации моделей городского и регионального управления; проблемы развития экспертного сообщества и общественного контроля.

Ключевые слова: политический курс, политико-правовой курс, трансфер, перевод, адаптация, управление, права человека

Департамент политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (далее – НИУ ВШЭ – СПб), Российская ассоциация политической науки (далее – РАПН), при поддержке Филиала Фонда Фридриха Эберта в России выступили организаторами **Десятой ежегодной Международной конференции «Октябрьские чтения»**, которая состоялась **20–22 октября 2021 г. в Санкт-Петербурге**. Темой Октябрьских чтений в этот раз стала следующая: **«Перенос, распространение и перевод политических курсов: преодолевая противоречия рационалистических и конструктивистских подходов»**. В первый день конференции традиционно состоялся молодежный форум, а во второй день – круглые столы и панельные дискуссии основных участников конференции. Председателем программного комитета конференции выступил канд. ист. наук, доцент, академический руководитель магистерской программы «Сравнительная политика Евразии» НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) О. В. Корнеев.

Участниками конференции стали 70 человек, среди которых – преподаватели российских университетов и вузов стран СНГ (гг. Бишкек, Ереван, Екатеринбург, Москва, Санкт-Петербург, Тверь, Пермь, Ростов-на-Дону), европейских университетов (Нидерланды, Бразилия, Франция, Великобритания), а также студенты российских университетов (НИУ ВШЭ СПб, СПбГУ, УрИ РАНХиГС (г. Екатеринбург)), Государственного университета управления (г. Москва).

Основными содержательными направлениями для дискуссий в рамках конференции стали следующие проблемы: концепции переноса, распространения и перевода политических курсов в политической науке и теории международных отношений; дискуссии о рациональности акторов трансфера политических курсов; перевод политических курсов: «спикеры», «переводчики» и «аудитория»;

---

* Александр Юрьевич Сунгуров, д-р полит. наук, профессор Департамента прикладной политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург, Президент Межрегионального Гуманитарно-политологического центра «Стратегия» (г. Санкт-Петербург).

Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет», председатель Свердловского регионального отделения РАПН (г. Екатеринбург).

особенности переноса политических курсов в контексте международной политики развития; перенос и перевод политических курсов на постсоветском пространстве; распространение неолиберальных политических курсов в социальной политике; перенос политических курсов: продвижение, сопротивление, локализация, адаптация: от сопротивления идеям к принятию практик: как практики влияют на восприятие глобальных идей локальными акторами; распространение политических курсов в условиях регионализма и регионализации; роль международных организаций в процессах трансфера политических курсов; трансфер политических курсов в условиях многоуровневого управления; особенности переноса политических курсов в «развитых» и «развивающихся» странах; методологические сложности изучения переноса/распространения/перевода политических курсов; дихотомия глобальное – локальное: критика и предложения; трансфер политических курсов в контексте прав человека.

Основные идеи выступлений и дискуссий участников

Доктор политических наук, профессор, завкафедрой мировых политических процессов МГИМО (У) **М. М. Лебедева** выступила с докладом на тему **«Значение “перевода курсов” в мировой политике»**. Рассматривая взаимодействие российских и зарубежных ученых и университетов в контексте «перевода курсов», она отметила: 1) важным является диалог в целях создания общего продукта (совместной магистратуры, публикации, учебника, проекта), 2) однако диалог не всегда эффективен, он может быть и имитационным, односторонним (например, односторонняя мобильность преподавателей и студентов и др.), 3) важным является создание и развитие профессиональных ассоциаций, исследовательских центров, научных фондов, дискуссионных площадок (например, Валдайский клуб, Примаковские чтения и др.), 4) необходимо выстраивать реальный, оптимальный, эффективный диалог.

Доктор политических наук, профессор Департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ СПб, председатель оргкомитета конференции **А. Ю. Сунгуров** выступил с сообщением на тему **«Общественные палаты и общественные советы: опасность имитации»**. Основной тезис его выступления состоял в том, что сама процедура назначения общественных палат различного уровня, при которой решающую роль играют властные структуры (Президент РФ на федеральном уровне, главы администраций и депутатские ассамблеи на уровне субъектов РФ), приводит к тому, что в состав этих палат попадают преимущественно лоялистские представители общественности, вовсе не склонные к серьезному общественному контролю деятельности власти. Состав же общественных советов при министерствах и ведомствах формируется, как правило, руководителями этих ведомств, что также приводит к тому, что в этот состав входят люди, по большей части лояльные к деятельности властных структур.

С докладом **«Трансформация внешнеполитического курса Армении после “Бархатной революции” 2018 г.: факторы риска в армяно-российских отношениях»** выступил **А. В. Атанесян**, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Ереванского государственного университета. Профессор проанализировал роль постпротестных политических элит, пришедших к власти в Армении после «Бархатной революции» весной 2018 г., в обеспечении армяно-российских стратегических взаимоотношений в новых условиях. Несмотря на существенно возросший уровень негативных восприятий и критики со стороны широких слоев общества, 20 июня 2021 г. те же постпротестные элиты переизбрались в парламент Армении и составили там

большинство. Соответственно, можно прогнозировать, что политический курс Армении в ближайшем будущем останется неизменным, и его изучение, в частности в контексте взаимоотношений с РФ, является крайне актуальным. Курс деятельности постпротестных элит Армении рассматривался автором доклада в трех основных аспектах: идеологическом, информационно-коммуникативном и функциональном. Одной из основных задач представленного профессором исследования была характеристика поведенческих моделей и действий постпротестных элит Армении, связанных с армяно-российскими взаимоотношениями и создающих скорее антироссийский, нежели пророссийский образ власти в Армении, включая образ премьер-министра Н. Пашиняна. Через анализ и сопоставление внешнеполитических курсов предыдущих и нынешнего лидеров Армении автор сделал вывод об отсутствии в основе их деятельности необходимой государственной стратегии развития и политической идеологии, которая бы основывалась на национальных интересах, приоритетах, а также парадигмах в международных отношениях. Так, по мнению профессора, либеральная идеология постреволюционных элит Армении не имеет под собой научных оснований и реализуется в условиях острого внутри- и внешнеполитического кризиса, являясь, по сути, нефункциональной, в то время как реализм превалирует в выступлениях потерявшей власть оппозиции. Декларирование стратегических взаимоотношений с РФ, партнерских отношений с Западом, политики балансирования и дополнения (комплементаризма) прежде носило скорее символический, нежели функциональный характер, однако в условиях деятельности постреволюционных элит является еще более проблематичным, нежели прежде. Анализируя общественные восприятия в Армении до и особенно после «Бархатной революции» касательно оценки эффективности армяно-российских отношений и роли в них постпротестных элит, профессор отмечает, что восприятие позитивного образа РФ как союзника коррелируются с отрицательным образом Н. Пашиняна и фактором постпротестных элит, тогда как элементы негативных восприятий роли РФ в безопасности Армении не всегда коррелируются с образом и фактором Н. Пашиняна и имеют иные, более глубинные причины.

Канд. филос. наук, доцент Школы политических исследований факультета общественных наук РАНХиГС (г. Москва) **М. Ю. Мизулин** представил доклад на тему **«Методологические сложности изучения переноса/распространения/перевода политических курсов»**. Он отметил следующее: соглашаясь с утверждением, что в познавательном, герменевтическом и интерпретационном интеллектуальных процессах существуют методологические сложности изучения переноса/распространения/перевода политических курсов, следует признать и обратное, а именно: применение процедуры феноменологической редукции может предельно упростить указанную методологическую сложность. Ясно, что при такой постановке вопроса все сложности не пропадут сами по себе и не исключено, что для многих исследователей могут оказаться еще более проблематичными. Однако, по мнению М. Ю. Мизулина, такой мыслительный ход следует предпринять и попытаться доказать его эффективность и состоятельность. Речь в данном случае идет о том, что процесс переноса/распространения/перевода политических курсов следует редуцировать до состояния изучения и сравнения состояния и форм политического мышления и деятельности политика, осуществляющего и осуществившего процедуру переноса/распространения/перевода политического курса. Сама по себе данная процедура не так проста, так как требуется достаточно проработанное понимание структурного и функционального содержания политического мышления как такового. Но при освоении и понимании процедуры феноменологического редуцирования

политического поля, связанного с переносом политического курса, отпадает необходимость включать в предмет такого исследования множество, как правило, неопределенных деталей и состояний такого явления. Изменение состояний политического мышления в этом случае становится единственным индикатором фиксации переноса/распространения/перевода политического курса как такового. Главным критерием изменения состояния политического мышления политика, осуществляющего политическую деятельность, является совершенно иная морально-этическая и нравственная установка, нежели та, что существуют у действующих политиков.

Т. А. Подшибякина, канд. полит. наук, доцент Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), выступила с докладом на тему «**Диффузия политических курсов: методология и проблема релевантности в исследовании российской политики**». Она отметила: 1) диффузия в глобальном мире становится определяющей чертой политики, ее называют «быстрой политикой», «экспериментальным управлением» государством, «лабораторией демократии», подчеркивая тем самым скорость распространения и вклад в реформирование политических институтов; 2) на современном этапе популярным является исследование механизмов распространения политики: обучения, эмуляции и конкуренции; расширяются возможности применения эмпирических методов; идет поиск новых научных подходов; 3) в России лишь в течение последних 15 лет отмечается интерес к политическому диффузионизму. Обращаясь к участникам конференции с вопросом: «Существует ли в России, с ее централизованной системой управления, предмет исследования диффузионизма – свободное распространение политик, курсов, паттернов, идей?», сама Т. А. Подшибякина отвечает на него так: да, и в России можно найти локальные сферы существования диффузионных процессов в публичной политике, из которых наиболее проработана внешнеполитическая сфера как поле взаимодействия суверенных государств, при этом следует отметить также влияние экспертных сообществ на принятие решений о заимствовании политических курсов. Однако более распространенным для России является процесс «трансфера» политики, или переноса, определяемого выбором властных элит. В России должны в полной мере развернуться процессы демократизации в политической сфере, чтобы возник интерес к давно существующей и хорошо проработанной в мировой политической науке концепции Policy Diffusion.

С. И. Глушкова, д-р полит. наук, профессор, завкафедрой прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), председатель Свердловского регионального отделения РАПН и «Стратегии», выступила с докладом на тему «**О роли международных организаций в процессе трансфера политических курсов (на примере ООН)**». Она отметила, что в 2015 году ООН была утверждена новая повестка дня для стран – членов ООН, получившая название «Цели устойчивого развития (ЦУР ООН)». Государства, входящие в ООН, должны достичь этих целей к 2030 году. Среди них – ликвидация нищеты и голода, обеспечение качественного образования, гендерное равноправие, борьба с изменением климата, обеспечение безопасности городов и доступного жилья, развитие инноваций и инфраструктуры, создание достойных рабочих мест и достижение экономического роста, защита мира и верховенства закона, сохранение морских ресурсов и экосистем на суше, др. Тем самым ООН направила в 2015 году все страны, как развитые, так и развивающиеся, как восточные, так и западные, по одному политико-правовому курсу, фактически основанному на понимании прав человека в западном контексте. Не все страны, особенно с восточной культурой, готовы принять трансфер подобного курса, ибо национальные традиции, религиозные обычаи многих таких стран отнюдь не предполагают равенства мужчин и женщин, ген-

дерного равноправия и многих других целей устойчивого развития. Пандемия внесла жесткие ограничения и мощные изменения в политику всех государств, затормозила достижение многими странами (прежде всего развитыми) повестки дня ООН – целей устойчивого развития (ЦУР ООН). В истории ООН до ЦУР были ЦТ (цели тысячелетия), КУР (концепция устойчивого развития) и многие другие межгосударственные инициативы, которые фактически предполагали процесс трансфера политико-правовых курсов западных стран, развитых стран на территории развивающихся государств. Наряду с этим деятельность договорных органов системы ООН (комитетов по правам человека, по правам ребенка, по правам инвалидов, по правам трудящихся-мигрантов и членов их семей и др.) тоже в определенной степени предполагает постепенный процесс трансфера политических курсов. Так, например, при обсуждении первоначальных и периодических докладов государств (как официальных, так и альтернативных/теневых докладов) и подготовке по их итогам замечаний общего порядка комитеты выносят рекомендации об обеспечении гендерного равноправия, защите прав сексуальных меньшинств, что нередко противоречит национальным традициям, государственной политике, религиозным традициям ряда государств. В этом отношении на разных площадках ООН регулярно возникает достаточно много противоречий, дискуссий о том, какие права человека считать первостепенными, приоритетными в настоящем мире и рассматривать в качестве индикаторов уровня правозащитного развития государства и институтов гражданского общества.

Е. В. Николаев, директор по правовым вопросам Союза малого и среднего бизнеса Свердловской области, общественный советник Главы Ивдельского городского округа, обучающийся Уральского института управления – филиала РАНХиГС (г. Екатеринбург), выступил с докладом на тему **«Обратные связи в системе публичного управления: на чьей стороне “мяч”?»** Он отметил, что обратные связи в системе публичного управления принято понимать как созданные государством посредством права механизмы исследования управляемого объекта для разработки и реализации программы мероприятий и инструментов воздействия на объект управления. Но практика показывает, что общество может само формировать каналы обратной связи в сложившихся правовых условиях и модернизировать существующие. Для этого необходимо несколько предпосылок: достаточный уровень гражданского самосознания, общественный экспертный ресурс, непротиводействие со стороны органов власти. В рамках доклада Е. В. Николаевым был представлен анализ деятельности Народной трибуны в городе Екатеринбурге как площадки, образующей комьюнити мыслящих и граждански активных людей; истории Народной законодательной инициативы за возвращение прямых выборов глав муниципальных образований Свердловской области как примера конструктивного и правового влияния на принятие решений; деятельности движения «Мирные жители» как примера формирования обществом своих каналов обратной связи и модернизации существующих.

Н. Н. Козлова, д-р полит. наук, завкафедрой политологии Тверского государственного университета, и **С. В. Рассадин**, канд. филос. наук, профессор этого университета, выступили с докладом на тему **«Институт молодежных политических лидеров в РФ: поиск эффективных моделей молодежной политики»**. Выступающие представили анализ политического курса в области молодежной политики в целом, а также в узком сегменте – работы с молодыми политическими лидерами. На протяжении последних десятилетий молодежь является предметом пристального внимания государства, поскольку современное поколение молодежи формировалось как политический субъект в постсоветских условиях, а ее политические ценности, установки, модели политического

поведения, проекты будущего России существенно отличаются от установок старших поколений российских граждан. Выработке системной политики в работе с активной молодежью и принятию Федерального закона от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» предшествовала апробация с начала 1990-х гг. различных моделей молодежной политики в регионах России. Выступающие также: 1) отметили взаимовлияние западных образцов молодежной политики, советских практик работы с молодежью и новых самостоятельных стратегий, выработанных региональными акторами в данном направлении, 2) концептуализировали эмпирический материал в контексте четырех механизмов, предложенных Fabrizio Gilardi и Fabio Wasserfallen: обучения, конкуренции, принуждения и подражания, 3) обратили внимание на то, что по мере укрепления вертикали власти происходит унификация политического курса, а также его адаптация под масштабные национальные проекты, 4) выделили следующие ключевые причины артикуляции молодежной политики: нынешнее поколение молодежи является самым многочисленным из когда-либо существовавших; многочисленное молодежное население представляет собой уникальный демографический дивиденд, который может способствовать прочному миру и достижению устойчивого развития в его трех измерениях: экономическом, социальном и экологическом, при условии проведения инклюзивной и эффективной политики признания детей и молодежи проводниками перемен; прямая связь молодежи с Целями устойчивого развития. В условиях новых вызовов Российское государство стремится адаптировать запросы молодых людей под собственные образы будущего великой и сильной державы, расставляя акценты на воспитание гражданственности и патриотизма, а также наращивая патернализм молодежи, увеличивая возраст и материальную поддержку в самых различных сферах до 35 лет.

Канд. полит. наук, доцент НИУ ВШЭ СПб **А. А. Балаян** и канд. полит. наук, доцент СПбГУ **Л. В. Томин** представили доклад на тему «**Трансфер авторитарной социотехнической модели городского управления (на примере Москвы)**». В выступлении рассматривался вопрос трансфера и адаптации модели «умного города» как части процесса цифровизации управления в автократиях. События последних лет доказывают, по их мнению, что контролируемая сверху цифровизация дает автократическим режимам новые механизмы управления и социального контроля. Управленческая модель «цифровой автократии» стала возможна в контексте формирования экономики больших данных, основанной на многоуровневой цифровой инфраструктуре. Цифровая инфраструктура сбора данных является важнейшим инструментом двойного назначения (маркетинг, управление). Верхний уровень цифровой инфраструктуры – составляющие элементы системы «умного города» (камеры видеонаблюдения, Wi-Fi, система датчиков). На примере Москвы рассмотрен пример трансфера технологических инструментов и управленческих практик авторитарной социотехнической модели городского управления. На материале уличных акций протеста рассматриваются политические эффекты использования властями города цифровой инфраструктуры, в частности системы камер с технологией распознавания лиц. Изучение российской ситуации соотносится с последними решениями Совета по правам человека ООН и инициативами Европейского союза по контролю над технологиями удаленного биометрического распознавания.

С. В. Севастьянов, д-р полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), выступил с сообщением на тему «**Азиатские модели адаптации и сопротивления классическим европейским подходам к региональному управлению**». Азиатские государства, по его мнению, никогда не считали объявленную классической европейскую

модель интеграции, основанную на успешном опыте построения ЕС, примером для полного копирования в Азии. В первую очередь это вызвано их неготовностью делегировать наднациональным структурам часть своего государственного суверенитета, особенно в сфере безопасности, и стремлением выстраивать более гибкие формы управления институтами сотрудничества, а также исполнения принимаемых решений и устанавливаемых ими институциональных норм. В результате в регионе был выработан собственный комплекс подходов к регионализму, базирующийся преимущественно на азиатских ценностях и на принципах так называемого «Азиатского пути», или «Пути АСЕАН» (исходя из многолетнего успешного опыта построения и функционирования данной МПО). Он стал региональной альтернативой МПО, выстроенным в соответствии с англо-американскими юридическими традициями, а его основными особенностями при продвижении интеграции являются неформальный подход и опора на достижение консенсуса всеми членами МПО. Эти характеристики «Пути АСЕАН», с одной стороны, снижают эффективность данного подхода, особенно в решении проблем региональной безопасности. С другой – они позволили странам АСЕАН существенно продвинуть региональную экономическую интеграцию и встать в центре интеграционных процессов более крупного региона Восточной Азии на основе модели «АСЕАН Плюс», а также распространить действие принципов «Пути АСЕАН» на МПО всего АТР, включая АТЭС, несмотря на недовольство западных членов этих МПО. При этом новацией более поздней версии азиатского регионализма, продвигаемой Китаем, стал так называемый «Дух Шанхая» – набор принципов, на которые он опирается при выстраивании и функционировании Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Принципы «Духа Шанхая» почти не отличаются от постулатов «Пути АСЕАН», но решения в ШОС принимаются на основе не классической, а более мягкой формы консенсуса (несогласный член МПО может не голосовать за не устраивающее его решение, при этом оно не блокируется), что позволяет более эффективно решать стоящие перед ШОС задачи.

К. А. Сулимов, канд. полит. наук, доцент Пермского государственного национального исследовательского университета, выступил с докладом на тему **«Общественные советы при учреждениях как пасынки государственной политики привлечения “общественности” к управлению»**. По его мнению, тенденция к созданию общественных советов в свое время затронула, кроме органов исполнительной власти, огромный пласт организаций, выполняющих публично значимые задачи по предоставлению услуг от лица государства, – государственные и муниципальные учреждения. Речь, прежде всего, идет об организациях социальной сферы: здравоохранения, образования, социального обслуживания, культуры и прочем. При них создано большое число советов с участием общественности. Часть из них имеет более или менее четко определенные функциональные задачи: управляющие, попечительские, наблюдательные советы, но даже с ними вопросы о степени их активности, а также результативности деятельности и влияющих на это факторов остаются малоисследованными. Тем более это касается «обычных» «общественных» советов, смысл и функции которых нередко переизобретаются в каждом конкретном месте локальными акторами; или не происходит даже этого, и тогда советы остаются сугубо номинальными образованиями. Конкретные логики, приведшие к их созданию в разных сферах и областях, отличаются. Но важным элементом была логика переноса смысла и функций общественных советов при органах власти на аналогичные структуры при учреждениях; выступающим были рассмотрены последствия, возможности и ограничения такого переноса.

Также на международной конференции были представлены доклады на следующие темы: «**Об институциональной перестройке механизма принятия политических решений в РФ**» (О. Г. Румянцев, канд. юрид. наук, доцент Финансового университета Правительства РФ, президент Фонда конституционных реформ, председатель редакционного совета издания «Конституционный вестник», Москва), «**Особенности смены президентской власти в современном Кыргызстане и изменения политического курса государства**» (Азиз Канатбек, директор НИИ политики стран Запада и Центральной Азии, Бишкек, Киргизия), и многие другие.

Наряду с молодежным форумом, панельными секциями и круглыми столами большой интерес вызвал мастер-класс для студентов «**Работа с литературой: от исследовательского замысла до итогового текста**», который провела академический директор аспирантской школы по политологии НИУ ВШЭ СПб, д-р полит. наук, профессор О. Ю. Малинова.

Особый интерес, наряду с офлайн-мероприятиями, вызвали онлайн-круглые столы с участием ученых из Бразилии, Франции, Великобритании, Нидерландов.

В целом надо отметить, что участники Десятой, юбилейной, Международной конференции «Октябрьские чтения–2021» активно обсудили заявленные проблемы, представили свои научные исследования, мнения, суждения и взгляды на вопросы переноса, распространения и перевода политических курсов; а также наметили новые направления коммуникации, межрегионального и международного академического сотрудничества, возможные темы будущих совместных исследований.

Sungurov Aleksandr Yurievich,

Dr. Sci. (Political Sciences), Professor of Applied Political Science and International Relations, the National Research University “Higher School of Economics” – St.-Petersburg, President of Interregional Humanities and Political Sciences Centre “Strategiya”

Svetlana Igorevna Glushkova,

Dr. Sci. (Political Science), Head of Human Rights Chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Head of Russian Political Science Association in the Sverdlovsk region (Yekaterinburg)

**Pressing Issues of Political Courses Transformations in the Context of Current Politics, Human Rights and International Relations
(A Follow-Up Article to the International Conference)**

Abstract. The article summarizes the key ideas and issues discussed at the conference of Russian and foreign scientists and policy-makers. Among others, they address the following issues: tendencies and peculiarities of the development, diffusion, transformation of political courses including youth policy; urgent problems of political and legal lines in states development in the context of sustainable development; issues concerning transfer and adaptation of urban and regional management models; the problems of expert community and public control development. **Keywords:** political course, political and legal course, transfer, adaptation, management, human rights

**Актуальные вопросы антикоррупционного просвещения,
общественного контроля, противодействия коррупции
(обзорная статья по итогам Антикоррупционного форума
Свердловской области в 2021 году)**

Аннотация. В обзорной статье рассмотрены основные вопросы, которые обсуждались на тематических секциях и пленарном заседании Антикоррупционного форума Свердловской области. Среди них – сотрудничество институтов гражданского общества с органами государственной власти по противодействию коррупции; повышение эффективности образовательных и иных мероприятий, направленных на антикоррупционное просвещение и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов, и др.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционное просвещение, гражданское общество, органы государственной власти, общественные палаты, общественные советы

С 1 по 9 декабря 2021 г. Департаментом внутренней политики Свердловской области (далее – Департамент ВП СО) совместно с Общественной палатой Свердловской области (далее – ОП СО) был проведен **Антикоррупционный форум Свердловской области** (далее – Форум), в котором приняли участие более 1 000 человек в режиме видео-конференц-связи: представители органов государственной власти, некоммерческих организаций, научного и предпринимательского сообщества, правоохранительных и контрольно-надзорных органов СО, члены общественных советов при исполнительных органах государственной власти СО, члены Общественной палаты СО и общественных палат (советов) муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области.

В рамках Форума успешно прошли *шесть тематических секций*:

1. **Конструктивное сотрудничество институтов гражданского общества с органами государственной власти по противодействию коррупции** (1 декабря 2021 г.). Организатором выступила Общественная палата СО. Руководителями секции, в которой приняли участие 180 чел., были В. И. Винницкий, заместитель председателя ОПСО, член Общественной палаты РФ (далее – ОП РФ), В. А. Щукин, член ОПСО, председатель рабочей группы по противодействию коррупции.

2. **Повышение эффективности образовательных и иных мероприятий, направленных на антикоррупционное просвещение и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов** (2 декабря 2021 г.). Организаторами выступили юридический факультет, Центр правового просвещения и прав человека (далее – Центр) Гуманитарного университета и Департамент ВП СО. Руководителем секции, в которой приняли участие 345 человек, С. И. Глушкова, завкафедрой прав человека, директор Центра, координатор программы «Общество против коррупции». Поддержку в организации тематической секции оказали проректор по проектной деятельности и молодежной политике УрГПУ И. А. Попп

---

* Анна Борисовна Вуберман, главный специалист отдела по взаимодействию с субъектами общественного контроля, общественными организациями и казначеством Департамента внутренней политики Свердловской области (г. Екатеринбург).

Светлана Игоревна Глушкова, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет», председатель Свердловского регионального отделения РАПН, координатор программы «Общество против коррупции» (г. Екатеринбург).

и директор Центра дополнительного образования УрИУ РАНХиГС при Президенте РФ О. Н. Дзюба.

3. Профилактика и противодействие коррупции в «деловой» сфере (3 декабря 2021 г.). Организатором выступил Союз малого и среднего бизнеса СО (далее – Союз). Руководитель секции, в которой приняли участие 86 человек, – президент Союза А. А. Филиппенков.

4. Опыт реализации исполнительными органами государственной власти Свердловской области и органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории СО, Концепции взаимодействия органов государственной власти СО, органов местного самоуправления муниципальных образований и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции (6 декабря 2021 г.). Организаторами выступили Институт государственного управления и предпринимательства УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и Департамент ВП СО. Руководитель секции, в которой приняли участие 60 человек, – Г. А. Банных, доцент УрФУ.

5. Правовые основания деятельности средств массовой информации по борьбе с коррупцией (7 декабря 2021 г.). Организаторами секции выступило Свердловское региональное отделение ООО «Ассоциация юристов России» (далее – СРО АЮР). Руководитель секции, в которой приняли участие 60 человек, – А. Д. Елизаров, член Попечительского совета СРО АЮР, руководитель ООО «Центр противодействия коррупции в органах государственной власти».

6. Молодежный научно-правовой фестиваль «Урал без коррупции» (8 декабря 2021 г.). Организаторами выступили СРО ВОО «Молодая гвардия Единой России», Молодежный парламент СО, Союз малого и среднего бизнеса СО. Руководителями фестиваля, в котором приняли участие 40 человек, выступил А. Д. Николаев, руководитель СРО ВОО «Молодая гвардия Единой России» СО; трансляция дискуссии «Урал без коррупции» насчитывает более 2 000 просмотров. Наряду с этим, в рамках форума с 1 по 8 декабря 2021 г. в Свердловской области прошли 11 фестивалей «Урал без коррупции» в муниципальных образованиях Свердловской области, в том числе в Рефтинском, Качканарском, Серовском, Новоуральском, Каменском городских округах, и в городских округах Верхняя Пышма, Сухой Лог. В рамках дискуссий участники (более 200 человек) обсудили вопросы противодействия коррупции и высказались на тему инструментов борьбы с коррупционными проявлениями.

9 декабря 2021 г. на *Пленарном заседании* форума выступили следующие спикеры: председатель Общественной палаты СО А. Ю. Левин; О. Л. Чемезов, и.о. вице-губернатора СО; Д. Г. Жуков, председатель Комитета по вопросам законодательства и общественной безопасности Законодательного Собрания СО. Участники пленарного заседания, как и тематических секций в целом, обсудили практику взаимодействия институтов гражданского общества, органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере профилактики и противодействия коррупции на территории области. Многие из выступающих отмечали, что в Свердловской области создаются необходимые условия для реализации эффективной политики противодействия коррупции, прежде всего благодаря совместным усилиям органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества.

Основные идеи и проблемы, обсуждавшиеся в выступлениях на тематических секциях

Зам. председателя ОП СО, член ОП РФ **В. И. Винницкий**, выступая на секции **«Конструктивное сотрудничество институтов гражданского общества с органами государственной власти по противодействию коррупции»**, отметил, что одним из основных элементов механизма противодействия коррупции помимо правоохранителей являются институты гражданского общества. И это подчеркивается, в том числе, Национальными планами противодействия коррупции, утвержденными Президентом РФ. В частности, он напомнил участникам, что в Плате на 2021–2024 гг. идет речь о расширении участия граждан и НКО в противодействии коррупции; о повышении эффективности работы субъектов общественного контроля в этом направлении; о привлечении добровольческих движений к антикоррупционной работе.

В Свердловской области растет количество общественных объединений и организаций, с которыми активно взаимодействуют государственные органы и органы местного самоуправления. Таких организаций порядка 400, из них 17 имеют в уставе задачи по противодействию коррупции. Самой популярной формой взаимодействия стали заседания рабочих групп по вопросам профилактики и противодействия коррупции – это 39 % всех мероприятий в государственных органах и 25 % всех мероприятий в органах местного самоуправления.

Он отметил, что Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» устанавливается приоритет коллективных форм общественного контроля через общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации. Субъектами общественного контроля в Российской Федерации являются Общественная палата РФ; общественные палаты субъектов РФ; общественные палаты (советы) муниципальных образований; общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ.

В Свердловской области 112 субъектов общественного контроля: Общественная палата региона, 73 муниципальных общественных палаты, 32 общественных совета при исполнительных органах государственной власти, 5 общественных советов при администрациях управленческих округов и общественный совет при Законодательном Собрании СО. В числе самых востребованных форм общественного контроля остаются: общественный мониторинг, общественные проверки, общественные экспертизы, общественные слушания.

Региональная Общественная палата является одним из координаторов деятельности общественных институтов в сфере противодействия коррупции, в том числе благодаря программе «Общество против коррупции». С целью активизации работы по общественному контролю в муниципальных образованиях Общественной палатой созданы рабочие группы, ориентированные по управленческим округам. Проводятся выездные заседания, точечные консультирования представителей муниципальных палат, а также комплексные мероприятия – семинары, разработка методических материалов. В Общественной палате также функционирует Рабочая группа по противодействию коррупции, осуществляется взаимодействие с Союзом малого и среднего бизнеса, некоммерческими организациями. Профилактические мероприятия антикоррупционной направленности проводятся при сотрудничестве с Общественным советом при ГУ МВД России по Свердловской области (руководитель совета В. Н. Красильников). Представители Общественной палаты регулярно принимают участие в заседаниях Комиссии по координации работы по

противодействию коррупции в Свердловской области и Рабочей группы по взаимодействию с институтами гражданского общества при данной Комиссии.

В рамках взаимодействия с Общественной палатой РФ члены региональной палаты участвуют в круглых столах, «нулевых чтениях», общественных слушаниях, в том числе антикоррупционной направленности.

С 2016 г. Общественной палатой СО успешно реализуется проект «Стань участником общественного контроля». На сайте палаты можно заполнить соответствующую форму, описав суть своей жалобы. За это время поступило более 10 тысяч сообщений. Часть из них имеет коррупционную составляющую.

Еще одним важным звеном в антикоррупционной деятельности, как отметил В. И. Винницкий, являются общественные советы при исполнительных органах власти, работа которых в целом отлажена: ежеквартально проводятся заседания, изучаются планы закупок ведомств, планы и отчеты деятельности ведомств по противодействию коррупции. Кроме того, все общественные советы проводят экспертизы проектов нормативных актов тех ведомств, при которых они образованы, принимают участие в работе аттестационных комиссий, комиссий по противодействию коррупции, комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Деятельность общественных палат муниципальных образований, как подчеркнул в своем выступлении В. И. Винницкий, не столь организована. Большая часть из них в той или иной степени испытывает трудности в антикоррупционной работе. Среди негативных факторов, препятствующих проведению антикоррупционных мероприятий, чаще всего называется отсутствие у членов палат специальных знаний и опыта, а также отсутствие методических материалов. Кроме того, члены палат жалуются на недостаточное финансирование, отсутствие экспертной поддержки, отсутствие инициативы со стороны членов общественной палаты, преклонный возраст членов палаты и их занятость по основному месту работы.

В. И. Винницкий отметил, что сообщений о коррупционных нарушениях в общественных палатах приходит сравнительно немного. Но и это количество в некоторых случаях разрешать не удастся. Среди причин – недостаточное участие исполнительных и правоохранительных органов власти, а также недостаточный авторитет общественных палат и невозможность привлечь к разрешению жалоб профессиональных юристов.

Но несмотря на негативные аспекты, с каждым годом большинство общественников становятся более заинтересованными, профессиональными и погруженными в деятельность. Препятствия для эффективной работы субъектов общественного контроля вполне устранимы и устраняются. Общественная палата региона и Департамент внутренней политики работают в этом направлении не один год, проводя семинары и распространяя рекомендации по проведению мероприятий общественного контроля. И в 2022 г. мы совместными усилиями продолжим развивать гражданские институты в Свердловской области, в том числе для работы в сфере противодействия коррупции.

В докладе **«Об участии институтов гражданского общества в противодействии коррупции на территории Свердловской области»** начальник отдела по взаимодействию с субъектами общественного контроля, общественными организациями и казачеством Департамента ВП СО **Д. С. Протасов** отметил, что в Свердловской области сложилась система институтов гражданского общества, участвующих в противодействии коррупции. Так, субъектами общественного контроля, действующими на территории Свердловской области, являются следующие: 1) общественные организации, уставными задачами которых является участие в мероприятиях по профилактике и противодействию коррупции; 2) общественно-политические и некоммерческие организации, которые в своей практиче-

ской деятельности реализуют мероприятия, направленные на профилактику и противодействие коррупционным проявлениям; 3) экспертное сообщество. Анализ сведений по итогам участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции представлен в ежегодном докладе «Об участии институтов гражданского общества в противодействии коррупции на территории Свердловской области».

В докладе **«О взаимодействии субъектов общественного контроля с органами государственной власти по вопросам противодействия коррупции в Свердловской области»** член Общественной палаты СО **А. М. Киселев** отметил необходимость сотрудничества ОП СО с Центром управления регионом (далее – ЦУР), созданным в Свердловской области в соответствии с поручением Президента РФ. По «тепловой карте» сотрудники ЦУР смогут фиксировать всплески обращений по определенным вопросам в тех или иных муниципалитетах и реагировать на более актуальные проблемы. По его мнению, именно механизм реагирования ответственных ведомств на ту или иную информацию из социальных сетей и с других ресурсов в эпоху цифровых технологий – наиболее прогрессивный и действенный подход в сфере взаимодействия власти и общества.

Анализируя деятельность субъектов общественного контроля, А. М. Киселев подчеркнул, что общественный мониторинг проводится чаще в сфере ЖКХ и благоустройства. Общественные экспертизы проводились в отношении проектов решений представительных органов власти (в частности, о внесении изменений в устав), постановлений глав муниципальных образований, программы комплексного развития социальной инфраструктуры, программы развития муниципальных учреждений.

Большая часть общественных палат муниципальных образований в той или иной степени испытывает трудности в антикоррупционной работе. Среди негативных факторов, препятствующих проведению антикоррупционных мероприятий, респонденты чаще всего называют отсутствие у членов палат специальных знаний и опыта (65 % опрошенных) и отсутствие методических материалов (30 % опрошенных). В то же время нужно отметить, что противодействие коррупции не является для общественных палат муниципальных образований основным направлением работы. Согласно опросу, чаще всего их деятельность посвящена решению конкретных вопросов в сфере ЖКХ, благоустройства и здравоохранения. На противодействие коррупции направлено, как правило, примерно 20 % всех мероприятий общественных палат. В целом работа общественных палат далека от идеала. Однако ее значимость становится очевидной как для самих общественников, так и для органов власти всех уровней; вследствие этого растут объемы и эффективность реализуемых мероприятий, а вместе с этим ответственность и авторитет гражданского общества.

Представитель Национального Комитета общественного контроля и противодействия коррупции в Свердловской области, Президент регионального отделения ВПА-МПА **В. В. Кольцов** отметил, что очевиден сохраняющийся правовой нигилизм современного общества, некоторые чиновники и ряд сотрудников правоохранительных органов пренебрегают исполнением федерального законодательства, преследуя корыстные и корпоративные цели. В этих условиях наиболее действенным и эффективным рычагом являются подразделения прокуратуры. Только строгое выполнение законодательства и конкретные результаты по привлечению виновных лиц, расхитителей и коррупционеров поможет взять контроль за этим направлением.

На **секции по антикоррупционному просвещению** большой интерес вызвало выступление старшего помощника прокурора Свердловской области по правовому обеспечению **В. В. Гурьшевой** с докладом на тему **«О роли органов про-**

куратуры в антикоррупционном просвещении государственных и муниципальных служащих, подрастающего поколения». В докладе было отмечено, что за 9 месяцев 2021 г. количество коррупционных деяний в РФ увеличилось почти на 13 %, это практически 30 тысяч преступлений, практически каждое второе из которых приходится на факты взяточничества. В Свердловской области зарегистрировано 467 коррупционных преступлений, органами прокуратуры выявлено около 4 тысяч нарушений законов о противодействии коррупции, из них почти 2,5 тысячи – это нарушения, допущенные на государственной и муниципальной службе. По актам прокурорского реагирования свыше 800 человек привлечено к разным видам ответственности, включая административную и дисциплинарную, с утратой доверия уволено 18 лиц. По материалам прокурорских проверок возбуждено 27 уголовных дел. Статистические данные свидетельствуют только об одном: о необходимости с еще большим вниманием относиться ко всему, что так или иначе связано с реализацией мероприятий по противодействию коррупции.

В августе 2021 г. Президентом РФ утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг., который предусматривает проведение государственными органами, органами местного самоуправления и организациями комплекса мероприятий, направленных на предупреждение коррупции и борьбу с ней, а также на минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений. От того, как будет организована работа по профилактике коррупционных правонарушений на государственной и муниципальной службе, во многом зависят результаты проводимых на протяжении ряда лет реформ государственной службы и государственного управления, а также статус и уровень доверия населения к органам власти федерального, регионального и муниципального уровня.

В силу полномочий, предоставленных Федеральным законом «О прокуратуре РФ» и исходя из положений Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ», органы прокуратуры выступают в роли надзорного органа и в качестве субъекта профилактики правонарушений. Деятельность прокуратуры СО, в целях формирования антикоррупционных стандартов поведения, нетерпимого отношения к проявлениям коррупции среди государственных и муниципальных служащих, а также представителей молодого поколения проводится на системной основе. Генеральным прокурором РФ поставлена задача максимального использования имеющегося потенциала органов прокуратуры. В качестве примера плодотворного сотрудничества в этой сфере В. В. Гурышева отметила взаимодействие на протяжении нескольких лет прокуратуры области и регионального Департамента противодействия коррупции и контроля, в том числе в рамках реализации областной программы по профилактике коррупции.

Прокуроры используют все без исключения формы правового просвещения, в том числе выступления в средствах массовой информации, проведение лекций, семинаров, распространение социальной рекламы и информационно-разъяснительных материалов. Так, в Свердловской области за 9 месяцев 2021 г. было проведено более 400 просветительских мероприятий на антикоррупционную тематику. Среди них и различные мероприятия с государственными и муниципальными служащими. Данные мероприятия проводятся как по инициативе прокуратуры, так и по приглашению заинтересованных в этом ведомств и организаций. При выборе тематики своих выступлений прокуроры учитывают практику прокурорского надзора, наиболее актуальные положения антикоррупционного законодательства, анализ обращений, которые поступают в органы прокуратуры. Предметом разъяснительной работы среди государственных и муниципальных служащих являются правовые основы законодательства о противодействии коррупции, обязанности, ограничения и запреты, связанные с прохождением государственной и муниципальной службы, вопросы предотвращения и урегулирования конфликта

интересов на службе, обязанность уведомления о фактах склонения к совершению коррупционного правонарушения, предоставления сведений о доходах и имуществе на себя и членов семьи. В ходе мероприятий отдельно речь также идет о неотвратимости наказания, которое последует в случае совершения коррупционного правонарушения, приводятся конкретные примеры из прокурорской и судебной практики.

Проводится комплекс праворазъяснительных и правовоспитательных мероприятий на антикоррупционную тематику со школьниками и молодежью. Такая работа с подрастающим поколением требует повышенного внимания, так как от этого во многом зависит будущее России. В целях привлечения молодежи к вопросам борьбы с коррупцией, формирования у них негативного отношения к любым ее проявлениям, помимо лекций, прокурорские работники совместно с образовательными организациями, представителями общественности проводят интеллектуальные игры, правовые викторины, творческие конкурсы. В ходе мероприятий ребятам приводят интересные и поучительные примеры из практики, рассказывают о последствиях коррупции и ответственности за них.

Генеральная прокуратура РФ уже на протяжении ряда лет выступает инициатором проведения международного молодежного конкурса социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции»; и с каждым годом количество молодых людей, желающих принять участие, только растет. В работе с молодежью важно наряду с зарекомендовавшими себя формами пропаганды искать и использовать новые подходы. С 2022 г. прокуратура СО начинает активную правопросветительскую работу в социальных сетях. Особенно, как отметила В. В. Гурьева, в процессе воспитания молодого поколения важен личный пример, активная гражданская позиция родителей и педагогов во всех звеньях образования, в целом всей образовательной системы, в которой формируется человек, начиная с ранних лет.

Также на секции по антикоррупционному просвещению выступили начальник отдела государственной службы и кадров Министерства образования и молодежной политики СО **В. В. Пьянков** с сообщением на тему «**Антикоррупционное просвещение обучающихся и молодежи в Свердловской области**»; проректор по проектной деятельности и молодежной политике УрГПУ **И. А. Попп** – на тему «**Проектный подход в реализации антикоррупционного просвещения молодежи**»; исполнительный директор РОО «Форум женщин Урала» председатель Свердловского Областного родительского комитета **Л. В. Золотницкая** – на тему «**Роль родителей в формировании правового сознания детей**»; завкафедрой прав человека Гуманитарного университета, координатор программы «Общество против коррупции», председатель Свердловского РО РАПН **С. И. Глушкова** – с докладом на тему «**Развитие антикоррупционного просвещения и образования в Свердловской области**».

Наряду с этим на секции по антикоррупционному просвещению выступила с докладом «**Реализация антикоррупционной политики в государственных и муниципальных учреждениях**» **О. Н. Дзюба**, канд. юрид. наук, доцент, директор Центра дополнительного образования УрИУ РАНХиГС. Она отметила, что Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с принятием Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам”» от 03.12.2012 № 231-ФЗ была внесена новая норма в Федеральный закон «О противодействии коррупции», а именно статья 13.3, в соответствии с которой на организации возложили обязанность разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции.

Меры по предупреждению коррупции, принимаемые в организации, могут включать: 1) определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений; 2) сотрудничество организации с правоохранительными органами; 3) разработку и внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации; 4) принятие кодекса этики и служебного поведения работников организации; 5) предотвращение и урегулирование конфликта интересов; 6) недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов. Однако это не полный перечень мер, рекомендованных учреждениям для предотвращения совершения коррупционных правонарушений работниками и служащими. Эффективным инструментом, направленным на предупреждение и пресечение коррупционных нарушений в деятельности учреждения, снижение рисков коррупционных проявлений и формирование у работников учреждения, независимо от занимаемой ими должности, этических стандартов антикоррупционного поведения и стойкого неприятия коррупционных практик является антикоррупционная политика.

Департаментом противодействия коррупции и контроля СО подготовлен проект рекомендаций по разработке антикоррупционной политики. Так, в частности, антикоррупционная политика определяется рамочным документом, формирующим основные подходы к реализации антикоррупционных мер, и представляет собой комплекс взаимосвязанных принципов, процедур и мероприятий, направленных на профилактику и пресечение коррупционных правонарушений в деятельности учреждения, на основании которого осуществляется подготовка локальных нормативных актов организации в сфере предупреждения и противодействия коррупции. Антикоррупционной политикой учреждения могут быть предусмотрены антикоррупционные стандарты, включающие в себя требования к поведению работников данной организации, соблюдение норм профессиональной и служебной этики, исключение ситуаций конфликта интересов или получения каких-либо необоснованных выгод.

В докладе «**Основные направления антикоррупционной политики в УрГПУ**» главный специалист управления по обеспечению безопасности, антикоррупционной деятельности, гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям УрГПУ, председатель комиссии по противодействию коррупции **Н. А. Абрамов** отметил, что когда мы слышим термин «коррупция», то связываем его в первую очередь с чиновниками, а также с сотрудниками силовых структур. Но, как показывает практика, коррупция стала проникать и в другие сферы, в том числе и в образование. Руководители образовательных организаций ведут активную работу по профилактике коррупционного поведения, а в случае обнаружения коррупционных проявлений – по борьбе с ними. Одним из главных направлений деятельности образовательных учреждений на современном этапе борьбы с коррупционными проявлениями является формирование у работников, студентов гражданской позиции, проявляющейся в антикоррупционном поведении.

Основными целями антикоррупционной политики УрГПУ являются: 1) формирование у работников университета, обучающихся, контрагентов и иных лиц единого понимания неприятия коррупции в стенах университета в любых формах и проявлениях; 2) обобщение и разъяснение основных требований законодательства РФ в области противодействия коррупции, применяемых в университете; 3) формирование антикоррупционной культуры; 4) минимизация риска вовлечения работников и обучающихся университета в коррупционную деятельность; 5) обеспечение выполнения запланированных мероприятий по противодействию коррупции. Работники университета, непосредственно занимающиеся вопросами антикоррупционной политики, понимают, что антикоррупционное воспитание

обучающихся – это процесс долгий по времени, но в конечном итоге наиболее эффективный по возможным последствиям. Именно молодое поколение будет нести в общество антикоррупционное правовое сознание и антикоррупционную правовую культуру.

Выступление команды **проекта «Жизнь без коррупции»** на секции по антикоррупционному просвещению было представлено Л. И. Катеринич, Л. В. Тужиковой, А. Н. Тишовой. **Л. И. Катеринич**, зам. председателя Свердловской Ассоциации профсоюзных организаций студентов (далее – СВАПОС), руководитель проекта, отметила следующее: 1) в течение четырех лет СВАПОС совместно с лабораторией «Сила решений» ведут просветительскую работу среди студентов вузов в рамках проекта «Жизнь без коррупции: формирование в молодежной среде нетерпимости к коррупционному поведению, развитие у молодых людей гражданской осознанности и компетентности в реализации своих прав, свобод и обязанностей». Проект неоднократно был признан победителем конкурса среди НКО на получение субсидии из областного бюджета и реализуется при поддержке Министерства образования и молодежной политики Свердловской области. Семинары-практикумы по проекту прошли в разные годы в УрГПУ, УрГЮУ, УИУ РАН-ХиГС, дважды в УрГЭУ и Гуманитарном университете, в УИ ГПС МЧС России. Всего за это время проведено 10 семинаров-практикумов, слушателями которых стали 300 студентов разных вузов.

Л. В. Тужикова, эксперт в сфере коммуникаций, ведет блок по информационному сопровождению проекта. А. Н. Тишова, автор программы, руководитель лаборатории «Сила решений», эксперт в сфере бизнеса, освещает психологические аспекты такого явления, как коррупция, ведет практическую часть семинара, юрист с большим опытом работы Н. Д. Данилина рассматривает с участниками правовые аспекты коррупции. Проект учит молодежь жить без коррупции, а именно: знать свои права и обязанности, уметь распознавать коррупционные проявления, не втягиваться в коррупцию, осознать свою собственную позицию в отношении коррупции и принимать собственное решение в трудных ситуациях.

Л. В. Тужикова отметила: актуальность проекта определяется, с одной стороны, тем, что коррупция является экономической, политической и социальной проблемой современности, а с другой – низким уровнем антикоррупционного правосознания населения, в том числе молодежи. В социологии есть такое понятие, как «социальный иммунитет» – это способность противостоять воздействиям внешних деформаций с целью сохранения социального здоровья и социализации личности в целом. Коррупция имеет глубокие исторические корни, психологические и социальные причины. Необходимо формировать правосознание и антикоррупционную психологию молодого поколения, «прививать иммунитет против коррупции». **А. Н. Тишова**, автор идеи, руководитель лаборатории «Сила решений» и партнер проекта «Жизнь без коррупции» отметила: каждый семинар-практикум проекта включает 4 блока: исторический, юридический, психологический и бытовой аспекты коррупции. Тому, как не примкнуть к нарушителям закона, как противостоять соблазну использовать должностные властные полномочия и доверенные права в целях личной выгоды, участники учатся во втором блоке. Мы рассматриваем некоторые составы коррупционных преступлений на конкретных примерах из реальных уголовных дел. Главное противоядие коррупции – неучастие в ней.

В блоке ТРИЗ (теория решения изобретательских задач) на примере народных сказок участникам предлагается творчески выработать решения, позволяющие иметь, что хочешь, без игнорирования и зависимости от коррупционной действительности. Стремясь к идеальному результату, важно принимать правильные решения. А правильное решение по стандартам ТРИЗ должно быть экологично,

экономично, этично, успешно, и принято вовремя. При рассмотрении психологических аспектов участники проигрывают, в узнаваемых ситуациях, разные модели поведения и получают обратную связь наставников с элементами коучинга. Основные выводы и открытия касаются личностных инсайтов. Знать и хотеть необходимо, но этого недостаточно. Нужно стараться в любой ситуации оставаться человеком, а значит, помогать, сохранить свое «Я», достоинство, близких в границах закона и чести. Каждый наш семинар-практикум по проекту, как подчеркнула А. Н. Тишова, служит профилактическим средством, создает условия для выработки иммунитета против коррупционных отношений и различного рода коррупционных проявлений, формирует осознанную, устойчивую внутреннюю позицию относительно любых коррупционных проявлений: «не взять – когда дают, и не дать – когда требуют».

Участниками Антикоррупционного форума в ходе работы тематических секций и пленарного заседания были разработаны предложения, в реализации которых должны участвовать органы государственной власти, органы местного самоуправления совместно с институтами гражданского общества. Среди них прежде всего надо отметить следующие:

1) необходимо продолжить реализацию Программы совместных действий институтов гражданского общества по противодействию коррупции на территории СО до 2024 года «Общество против коррупции»;

2) усилить информационное сопровождение реализации антикоррупционной политики органами государственной власти СО и органами местного самоуправления муниципальных образований, расположенных на территории СО, совместно с институтами гражданского общества, опираясь на принципы открытости и прозрачности, активно использовать социальные сети в работе с референтными группами;

3) рассмотреть возможность учреждения должности Общественного уполномоченного по противодействию коррупции на базе Общественной палаты СО;

4) продолжить предоставление субсидий из областного бюджета на реализацию мероприятий в сфере профилактики и противодействия коррупции в СО;

5) содействовать укреплению авторитета субъектов общественного контроля, расширению сферы применения общественного контроля в СО;

6) организовать и провести обучающие семинары, практикумы по противодействию коррупции – для представителей общественных палат муниципальных образований, расположенных на территории СО, иных представителей институтов гражданского общества;

7) продолжить работу по профилактике и противодействию коррупции в молодежной среде с использованием цифровых технологий в информационно-коммуникационной сети Интернет;

8) Министерству образования и молодежной политики СО, Общественной палате СО совместно с Прокуратурой СО, в целях антикоррупционной пропаганды и просвещения граждан, необходимо предусмотреть разработку видеоматериалов антикоррупционной направленности, которые можно было бы использовать во всех образовательных организациях и учреждениях СО (школы, гимназии, колледжи, университеты);

9) с целью профилактики коррупции в должностные обязанности работников организаций, учреждений необходимо включить обязательный раздел, связанный с запретами и обязанностями в области противодействия коррупции;

10) поддерживать деятельность экспертов по антикоррупционному образованию и просвещению, авторов научных исследований по противодействию коррупции, использовать опыт научного и экспертного сообщества в практической деятельности;

11) обобщить, опубликовать и использовать лучшие практики, положительные примеры по антикоррупционному просвещению и образованию;

12) использовать различные формы учебной и внеучебной работы со старшеклассниками и студентами по противодействию коррупции: лекции, семинары, практикумы, деловые и ролевые игры, встречи с практикующими юристами, сотрудниками прокуратуры, представителями органов власти, институтов гражданского общества, дебаты, дискуссии, круглые столы, конференции, конкурсы творческих работ и др.;

13) более активно использовать проектный подход, работу с кейсами при проведении занятий по противодействию коррупции со старшеклассниками и студентами, представителями различных социальных групп;

14) включить в программу антикоррупционного просвещения и образования вебинары (лекции, практикумы) для педагогов, членов Общественных палат муниципальных образований, расположенных на территории СО;

15) рекомендовать организаторам Антикоррупционного Форума СО продолжать практику представления опыта и практики исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления в сфере противодействия коррупции совместно с институтами гражданского общества, а также привлекать к обмену опытом представителей гражданского общества;

16) рекомендовать государственным, муниципальным и общественным культурно-просветительским организациям СО в своей деятельности отмечать Международный день борьбы с коррупцией, проводить просветительские мероприятия разнообразного формата (лекции, викторины, круглые столы, спектакли и др.) для обширной целевой аудитории, используя опыт *Министерства культуры СО*;

17) рекомендовать органам государственной власти и органам местного самоуправления, общественным объединениям и организациям использовать опыт Департамента молодежной политики *Министерства образования и молодежной политики СО* в сфере организации и проведения мероприятий для и с участием молодежи, в том числе и на основе применения цифровых технологий в информационно-коммуникационной сети «Интернет» (конкурс в TikTok¹, прямые эфиры в социальных медиа и др.).

Многие участники тематических секций и форума в целом отмечали, что систематическое и эффективное противодействие коррупции возможно прежде всего при условии активного участия в этом процессе всех заинтересованных лиц, органов государственной власти и институтов гражданского общества. Следует оказывать комплексное воздействие на проблему, которое формируется, в том числе, и за счет регулярного обмена опытом и практиками противодействия коррупции в различных сферах, отраслях, территориях.

Анализируя итоги Антикоррупционного форума 2021 года, можно отметить, что его отличительными особенностями (по сравнению с форумами прошлых лет) стали следующие: увеличение общего числа участников, привлечение новых спикеров и экспертов по противодействию коррупции, появление новых тематических секций, разработка новых предложений по антикоррупционному просвещению и образованию, противодействию коррупции во всех сферах, расширение числа представителей гражданского общества, образовательного и академического сообщества – участников форума.

---

¹ 04.03.2022 г. Роскомнадзор направил письмо TikTok из-за дискриминации российских СМИ, 6 марта TikTok приостановил работу в России из-за новых поправок в российское законодательство (подробнее см.: <https://www.rbc.ru/business/06/03/2022/6224ffe79a7947837fc69e7e>).

Anna Borisovna Vuberman,

chief specialist in the Division for Interaction with Subjects of Public Control, Public Organizations and Cossacks of the Department of Internal Policy in the Sverdlovsk region (Yekaterinburg)

Svetlana Igorevna Glushkova,

Dr. Sci. (Political Science), Head of Human Rights Chair, Liberal Arts University – University for Humanities, Head of Russian Political Science Association in the Sverdlovsk region, coordinator of the program “Society against Corruption” (Yekaterinburg)

Topical Issues of Anti-Corruption Education, Public Control and Combating Corruption (A Follow-Up to the Anti-Corruption Forum of the Sverdlovsk region, 2021)

Abstract. The paper reports the results of the discussions at the thematic sections and the plenary session of the Anti-Corruption Forum of the Sverdlovsk region. The forum participants address a multitude of issues including the cooperation of civil society institutions with the authorities in their work aimed at countering corruption; the promotion of effective educational and other activities designed to rising anti-corruption awareness and popularization of anti-corruption standards in society, etc.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption awareness, civil society, government bodies, public chambers, public councils

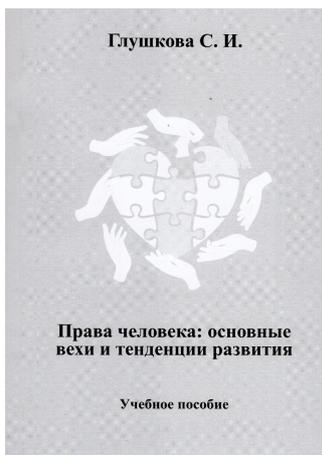

Цифровая реальность: субъекты, практики : монография / Л. А. Мясникова, Е. В. Шлегель, А. В. Дроздова [и др.] ; под общей редакцией д-ра культурологии, доц. А. В. Дроздовой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. – 315 с.

ISBN 978-5-7741-0414-7

Что такое цифровая реальность? Действительно ли произошедший несколько десятилетий назад переход от аналоговых к цифровым технологиям фундаментально изменил общество и экономику, политику и культуру, или мы наблюдаем лишь смену декораций, в которых продолжают разыгрываться хорошо известные сюжеты? Эти вопросы, связанные с изучением «новой социальной операционной системы», осмыслением влияния глобальной цифровизации на субъекта, его смыслы, практики и восприятие дигитального мира, определили содержание и структуру монографии.

Монография рекомендуется специалистам в области социальных наук, представляет интерес для студентов и преподавателей.

Глушкова С. И.

Права человека: основные вехи и тенденции развития : учебное пособие / С. И. Глушкова. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. – 154 с.

ISBN 978-5-7741-0406-2

В учебном пособии рассматриваются основные вопросы, связанные с формированием истории, теории прав человека, а также развитием международной и региональной систем защиты прав человека. Наряду с краткими тематическими материалами по дисциплине «Права человека», в учебном пособии представлены практикум и хрестоматия для самостоятельной работы и работы на семинарских, практических занятиях по правам человека.

Книга рекомендована для обучающихся по программам подготовки бакалавров и магистров, а также для всех интересующихся проблемами становления, развития и защиты прав человека, совершенствования правовой и политической культуры, правового государства в России.

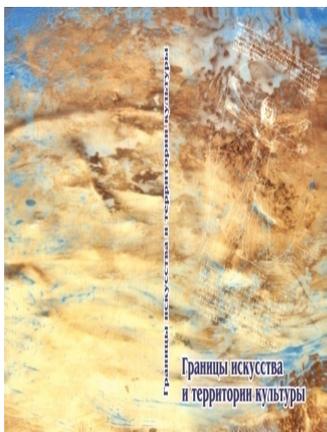

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

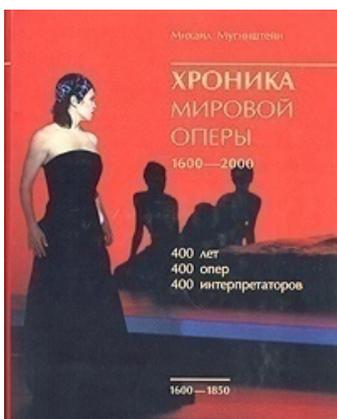
Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

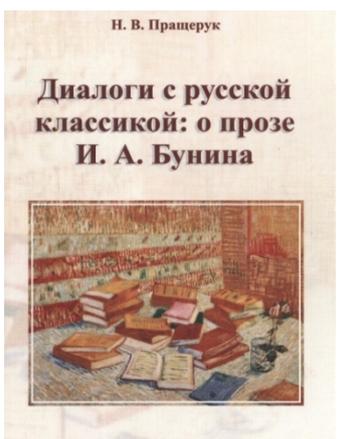
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. – Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

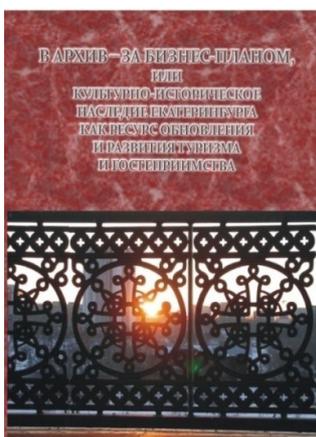
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философско-коммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

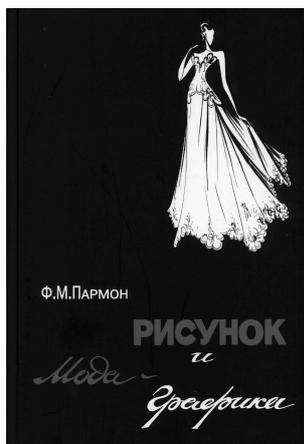

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионаледам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru**

МАГИСТРАТУРА

Прием на обучение по программам магистратуры
на 2022/2023 год

проводится по следующим направлениям:

- **Психология (37.04.01)**
- **Экономика (Управленческая экономика и стратегия бизнеса, Финансы и кредит (38.04.01))**
- **Юриспруденция (40.04.01)**

Срок обучения в магистратуре составляет:
2 года на очной форме;
2,6 года на очно-заочной и заочной форме

Подготовка магистров осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2022/2023 учебный год:

- **Психология (37.04.01)**
очная форма – 9 мест
- **Экономика:**
профиль Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)
профиль Финансы и кредит (38.04.01)
очная форма – 4 места

Прием документов

(паспорт, документ о высшем образовании, СНИЛС (при наличии))
проводится в следующие сроки:

бюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 16 августа 2022 года

внебюджет

- очная форма – с 1 июня по 26 августа 2022 года;
- очно-заочная и заочная форма – с 1 июня по 25 октября 2022 года

Вступительные испытания для поступления в магистратуру:
компьютерное тестирование профильной направленности

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе, на обучение по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре, принимаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра.

Прием в аспирантуру Гуманитарного университета в 2022/2023 учебном году ведется по следующим научным специальностям:

- Теоретико-исторические правовые науки (5.1.1)
- Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (5.2.2)
- Региональная и отраслевая экономика (5.2.3)
- Финансы (5.2.4)
- Социальная психология, политическая и экономическая психология (5.3.5)
- Юридическая психология и психология безопасности (5.3.9)
- Социальная структура, социальные институты и процессы (5.4.4)
- Социология культуры (5.4.6)
- Социология управления (5.4.7)
- История и теория политики (5.5.1)
- Философская антропология, философия культуры (5.7.8)
- Теория и история культуры, искусства (5.10.1)

Срок обучения в аспирантуре составляет 3 года на очной форме обучения.

Подготовка аспирантов осуществляется:

- за счет средств бюджетных ассигнований федерального бюджета:
  - Философская антропология, философия культуры (5.7.8) – **3 места**;
  - Теория и история культуры, искусства (5.10.1) – **3 места**;
- на платной основе – по всем научным специальностям.

Прием документов

(паспорт, документ о высшем образовании, СНИЛС (при наличии), 4 фото 3×4)
проводится с **1 июня по 16 сентября 2022 года**.

Вступительные испытания (*проводятся на русском языке*):
19–23 сентября 2022 года (24 сентября – резервный день).

Вступительным испытанием по каждой научной специальности является **экзамен**, который проводится в устной форме.

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3, к. 111а,
тел.: (343) 305-50-74; WhatsApp, Telegram: 8-902-27-193-76.

Часы работы: пн.–вс. с 10.30 до 18.00,
с 1 июня 2022 года: с 10.00 до 18.00

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е   и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2022. № 1 (36)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет Ю. Л. Ракульцева

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 22.03.2022.
Дата выхода в свет 25.03.2022.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 9,46. Усл. печ. л. 15,11.
Тираж 100 экз. Заказ № 480.

Свободная цена

**Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Гуманитарный университет»**
620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, 19.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «ИРА УТК»
620089, г. Екатеринбург,
ул. Луганская, 59/4